Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
Высшего профессионального образования
«Псковский государственный университет»

на правах рукописи

Узенева Юлия Николаевна

Повседневная жизнь псковского дворянства в первой половине XIX в.

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Диссертация
на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук,
доцент В. А. Аракчеев

Псков
2015

Содержание

Введение………3

Глава 1.

Административно-хозяйственная деятельность дворянства в усадьбах Псковской губернии в первой половине XIX в……31

1.1. Дворянские усадьбы и имущественное положение дворянства Псковской губернии…… 31

1.2. Система повседневного управления дворянскими имениями Псковской губернии…….43

1.3. Хозяйственная деятельность дворян Псковской губернии…….. .60

1.4. Взаимоотношения дворянства с крестьянами……...76

Глава 2.

Увлечения, досуг, бытовая сторона жизни псковского дворянства……..84

2.1. Дом, мир вещей и бытовая жизнь псковского дворянства…… 84

2.2. Досуговая и развлекательная культура дворянства ……107

2.3. Церковь в повседневной жизни псковского дворянства……..133

Глава 3.

Деятельность дворянства Псковской губернии в сословных учреждениях..142

3.1. Образование и воспитание дворянства Псковской губернии ……..142

3.2. Участие псковского дворянства в общественной жизни губернии, уездов……153

Заключение……164

Использованные источники и литература.....169

Приложения……192

Введение

В последнее время повысился интерес к изучению вопросов повседневной жизни высшего сословия Российской империи – дворянства. История повседневности – одно из динамично развивающихся направлений современной исторической науки. История повседневной жизни обладает значительным потенциалом для осмысления особенностей и своеобразия исторического развития России. Жизненный уклад дворянства во многом определялся местными, специфическими географическими, историко-культурными условиями, что придавало ему неповторимое своеобразие. С древней псковской землёй связана судьба многих выдающихся российских военных, государственных, общественных деятелей, поэтов, писателей, принадлежавших к известным родам Российской империи. В этой связи изучение повседневной жизни позволяет рассмотреть исторические процессы первой половины XIX столетия не обезличено, а в тесной связи с их реальным субъектом – живым человеком, через его повседневную деятельность.

Рост внимания историков к различным вопросам русской провинциальной усадьбы обусловлен сменой политико-экономических и социокультурных ориентаций общества. Усадьба включала особые формы архитектурно-хозяйственных и садово-парковых строений, экономии, быта и общения, представляя собой уникальный и своеобразный тип поселений в Российской империи.

Как и в других регионах России, в Псковской области сохранилось много заброшенных усадеб. В последнее время со стороны общественных организаций, сотрудников музеев и просто неравнодушных людей наблюдается заинтересованность в восстановлении и музеефикации многих «дворянских гнёзд». В связи с этим необходимо тщательное их изучение, дабы избежать

ложного представления о жизни провинциального дворянства.

В последние годы работ, посвященных повседневной жизни столичного дворянства, появляется достаточно, поэтому особый интерес представляет изучение повседневности провинциального дворянства, в связи с его многочисленностью и дифференцированностью. В этом смысле воссоздание аспектов повседневной жизни псковского дворянства представляет особый интерес.

Научная актуальность исследования заключается в том, что повседневная жизнь дворянства Псковской губернии до сих пор не являлась предметом специального изучения.

Объектом исследования является повседневная жизнь дворянства Псковской губернии в первой половине XIX в.

Предметом исследования являются основные структуры повседневности: культура дворянства, социально-экономические и корпоративные отношения, быт.

Цель работы – исследование репрезентативных архивных и опубликованных источников с целью реконструкции повседневности псковского дворянства в первой половине XIX в., которая проявлялась в хозяйственной деятельности помещика, в бытовой культуре, духовной сфере и т. п.

В этом плане решаются следующие **исследовательские задачи:**

1. Изучить комплекс источников, позволяющий реконструировать социально-экономическую и культурную жизнь дворянства Псковской губернии в первой половине XIX в.;
2. Охарактеризовать хозяйственную деятельность дворянства Псковской губернии как неотъемлемую часть его повседневности;
3. Проанализировать основные составляющие культуры провинциального дворянства на примере Псковской губернии;
4. Обозначить характерные черты дворянского образования и воспитания в Псковской губернии в первой половине XIX в.;
5. Изучить деятельность псковского дворянства в общественной жизни губернии как часть его повседневной жизни.

Выбор **территориальных и хронологических** рамок исследования обусловлен целью и задачами исследования.

Хронологические рамки исследования охватывают первую половину XIX столетия. Начальная дата – 1801 г., к этому времени завершился процесс оформления Псковской губернии. Конечная дата – 1861 г., так как в этот период наметился кризис дворянской усадьбы, связанный с отменой крепостного права в России, в жизни дворянства произошли кардинальные изменения. Данный временной отрезок выбран ещё и потому, что на первую половину XIX в. приходится время расцвета усадебной дворянской культуры.

Территориальные рамки исследования включают в себя территорию Псковской губернии, которая была образована в 1796 г. и изначально состояла из шести уездов (Великолукского, Новоржевского, Опочецкого, Островского, Порховского, Псковского), в 1802 г. к ним присоединилось ещё два – Торопецкий и Холмский, эта территория была стабильной в течение всего XIX в.

Теоретико-методологическая основа исследования обусловлена спецификой изучаемого объекта и задачами диссертации.

Работа основывается на следующих принципах исторической науки: историзм, предполагающий изучение любого явления в динамике, в конкретно-исторической обусловленности, объективность, системность и комплексность при выявлении, отборе и критическом анализе исторических источников.

Историко-сравнительный метод позволил анализировать сопоставимые факты и на этой основе выявить основные тенденции развития повседневной культуры псковского дворянства. Абстрактно-логический метод содействовал обобщению, синтезу и интеграции выводов по отдельным разделам и по теме исследования в целом. В работе была предпринята попытка применения дифференцированного подхода для изучения особенностей жизни крупного, средне- и мелкопоместного дворянства.

С помощью антропологического подхода удалось сконцентрировать исследование вокруг личности дворянина во всех проявлениях.

Методологической основой исследования является теория повседневности.

Повседневность как специальная область исследований была обозначена и стала популярна относительно недавно, хотя основные сюжеты её, такие как быт, одежда, труд, отдых, обычаи, в отдельных аспектах изучались историками. Предметом изучения истории повседневности является сфера человеческой обыденности во множественных историко-культурных, политико-событийных, этнических и конфессиональных контекстах[1].

Начало изучения истории повседневности было положено западными социологами. Большой интерес в западном обществе вызвали работы Альфреда Шютца, Гарольда Гарфинкеля и Аарона Сикуреля[2]. Они изучали не просто действия индивидов в социальных процессах, но и роль их переживаний и мыслей[3]. Это позволило им создать основы социологии обыденной жизни, нацеленной на обнаружение методов, которыми пользуется человек в обществе для осуществления обыденных действий через анализ существующих в обществе правил и предубеждений, истолкования «одними» людьми речей, поведения, жестов «других»[4].

Прорыв, который позволил возникнуть «истории повседневности», произошёл в конце 1970-х – начале 1980-х гг. Историки, принадлежавшие ко второму поколению журнала «Анналы», показали тесную связь между образом жизни людей, их бытом и ментальным складом, предложив переориентировать исторические исследования и прийти от «бытописательства», то есть описательной истории быта, – к аналитическому изучению историко-психологических, историко-демографических, историко-культурных сюжетов, к комплексной истории человека, события и факты частной жизни которого подчас могут влиять не только на факты собственной повседневности, но и на жизнь общества в целом[5].

---

[1] Пушкарёва Н. Л. «История повседневности» и «история частной жизни»: содержание и соотношение понятий // Социальная история. Ежегодник, 2004. М., 2005. С. 97.
[2] Шютц А., Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии. М., 2003; Гарфинкель Г. Исследования по этнометодологии. СПб., 2007.
[3] Пушкарёва Н. Л. «История повседневности» и «история частной жизни»: содержание и соотношение понятий // Социальная история. Ежегодник, 2004. М., 2005. С. 96.
[4] Там же. С. 96.
[5] Миненко Н. А., Апкеримова Е. Ю., Голикова С. В. Повседневная жизнь уральского города в XVIII – начале XX в. М., 2006. С. 11.

В России понятие «повседневность» в исторических исследованиях употреблялось с середины 1980-х гг. XX в., хотя у истоков этого направления в России во второй половине XIX – начале XX вв. были Е. А. Терещенко, Н. И. Костомаров, И. Е. Забелин[6] и другие.

Стремление части историков России обратиться к изучению истории семьи, общины, домашнего хозяйства, быта и нравов, повседневной материальной культуры, моделей поведения людей сопровождалось поиском новых исследовательских методов и подходов[7].

В числе тех, кто в конце 1980-х – начале 1990-х гг. убедил российский научный мир в необходимости изучения повседневности, был российский историк и культуролог, создатель своей научной школы в Тарту Ю. М. Лотман. Детали одежды, особенности поведения служили Ю. М. Лотману особым «шифром» к скрытому за ними культурному коду, ключом к пониманию и оценке общественной позиции индивида. Взгляд Ю. М. Лотмана был аналитическим взглядом истолкователя бытового поведения, норм и ценностей изучаемой культуры. Говоря о бытовом поведении, Лотман видел его как единство обычного и необычного, «обрядового поведения»[8].

Активными исследователями повседневности выступили медиевисты, в том числе специалисты по гендерной истории. Историки из разных институтов РАН во главе Ю. Л. Бессмертным и А. Я. Гуревичем создали рабочую группу по изучению «истории повседневности». Несколько сборников «Очерков по истории частной жизни» людей в разные времена, как и выпуски ежегодника «Казус», стали собраниями текстов о необычном и нетипичном в жизни людей в масштабе биографий личностей, об уникальных историях отдельных семей, жизни малоизвестных поселений, о быте и труде человека.

Важным методологическим вопросам посвящены работы Н. Л. Пушкарёвой,

---

[6] Забелин И. Е. Хроника общественной жизни в Москве с половины XVIII столетия // Забелин И. Е. Опыт изучения русских древностей и истории. М., 1873. С. 351 – 506. Костомаров Н. И. Исторические монографии и исследования. Кн. 1 – 2. М., 1889. Терещенко А. В. Быт русского народа. Ч. I – IV. СПб., 1848.

[7] Миненко Н. А., Апкеримова Е. Ю., Голикова С. В. Повседневная жизнь уральского города в XVIII – начале XX в. М., 2006. С. 8.

[8] Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. СПб., 1994. С. 13; Лотман Ю. М. Поэтика бытового поведения в русской культуре XVIII века // Лотман Ю. М. Избранные статьи. Т. 1. С. 249.

которая включает в историю повседневности «и быт, и событийную сторону, и казусы, историю ментальностей и ментальных стереотипов, то есть историческую психологию»[9]. Частная жизнь и повседневность, по её мнению, диалектически связаны между собой.

В настоящее время в исторической науке вопрос о соотношении понятий «повседневная культура» и «частная жизнь» является дискуссионным.

О соотношении терминов «повседневность» и «частная жизнь» Н. Л. Пушкарева пишет: «Какие-то стороны повседневной жизни людей равным образом принадлежит и публичной, и частной сторонам их жизни. Вынесение фактов чьей-то частной жизни на публику есть одновременно предложение обсудить их в качестве возможной модели поведения. События чьей-то личной, частной, сокровенной жизни могут получить тем самым общественный резонанс и повлиять на жизнь общества в целом»[10]. Она считает, что особенностью российского понимания истории повседневности является ее отнесение к разделу культурологии или даже почти этнологии, а поэтому при исследовании повседневного пользуются этнологическими методами и приравнивают ее к истории быта. «Принципиальное отличие изучения повседневности от этнографических исследований быта состоит в понимании значимости событийной истории, в стремлении показать многообразие индивидуальных реакций на череду политических событий. Взгляд через призму повседневности позволяет увидеть историю в другой перспективе» [11].

Н. А. Миненко, Е. Ю. Апкеримова и С. В. Голикова в рамках изучения повседневной жизни исследовали материальную культуру и быт, конфессиональную жизнь, семейные отношения и смертность, праздники и развлечения горожан[12]. В работе затрагивались вопросы повседневной жизни человека с её буднями и праздниками, «вещным миром», эмоциональностью,

---

[9] Пушкарёва Н. Л. «История повседневности» и «история частной жизни»: содержание и соотношение понятий // Социальная история. Ежегодник. 2004. М., 2005. С. 96 – 97.
[10] Пушкарёва Н. Л. «История повседневности» и «история частной жизни»: содержание и соотношение понятий // Социальная история. Ежегодник. 2004. М., 2005. С. 100.
[11] Там же. С. 100.
[12] Миненко Н.А., Апкеримова Е.Ю., Голикова С.В. Повседневная жизнь уральского города в XVIII – начале XX в. М., 2006.

внутрисемейными, соседскими отношениями, конфессиональными и дружескими связями и отношениями, а также ментальными установками[13]. В работе подчёркивалось, что на повседневную жизнь людей оказывали влияние разные факторы. Это, прежде всего, экономический, социальный, политический, демографический, социокультурный и т. д[14].

По мнению М. В. Коротковой, понятие «повседневная культура» более широкое, в нем больше общественного, социального смысла. В категорию «повседневной культуры» она включает рассмотрение циклов жизни человека от рождения до смерти, стереотипов ежедневного поведения, а также досугово-развлекательной сферы в её публичной интерпретации[15]. Феномен «частной жизни», по её мнению, включает четыре тесно связанные между собой сферы материального и духовного бытия: вещный мир, ментальную, досуговую и гендерную[16]. Она считает, что повседневная культура – сложное социокультурное явление, отражающее все многообразие сторон частной жизни человека, которая во многом определяется его общественным статусом, традициями, ментальными установками, вкусами, привычками и находится в тесной связи с социальной деятельностью-взаимодействием социальных слоев, досугом, стереотипами поведения, регулируемыми нормами этикета[17].

Л. П. Репина соотносит понятие «повседневность» с феноменом частной жизни. В её структуре она выделяет три части: 1) семья и домохозяйство; 2) история женщин и гендерная история; 3) новая культурная и интеллектуальная история, под которой она понимает формы социального общения[18].

Ю. А. Поляков считает, что тема «человек в повседневности» близка к социальной истории. «История, – пишет он, – это, прежде всего, повседневная жизнь, опрокинутая в прошлое», а двуединая задача историка – показать и

[13] Миненко Н. А., Апкеримова Е. Ю., Голикова С. В. Повседневная жизнь уральского города в XVIII – начале XX в. М., 2006. С. 10.
[14] Там же. С. 322.
[15] Культура и быт России с древнейших времён до XX века. М., 2009. С. 11.
[16] Там же. С. 11.
[17] Культура и быт России с древнейших времён до XX века. М., 2009. С. 12.
[18] Козьякова М. И. История. Культура. Повседневность. М., 2002. С. 9.

человека и обстановку»[19]. Он включает в феномен повседневности три блока: 1) жизненные условия (жилье, пища, одежда, транспорт); 2) семья, брак, любовь, демография; 3) досугово-праздничная сфера[20].

Ю. Л. Бессмертный писал: «Представления о частной жизни, её идеалах и целях на каждом этапе охватывают как традиционный пласт, так и нововведения, возникшие в связи с общественной эволюцией. А отсюда следует, что частная жизнь каждой эпохи выступает как один из важнейших показателей своеобразия и общества, и человека. Именно поэтому анализ частной жизни – один из важнейших путей осмысления прошлого и, соответственно, один из главных каналов нашего самопознания. Без исследования этих сюжетов немыслимо историческое знание»[21]. Ю. Л. Бессмертный относил к частной повседневной сфере брачно-семейные отношения, индивидуальные или групповые пристрастия к какой-либо игре, спорту или любой иной форме внепроизводственной или неполитической деятельности, мир эмоций и религиозных переживаний[22].

Изучение истории повседневности и частной жизни затрагивает достаточно широкий круг научных проблем. Т. С. Георгиева определяет этот круг проблем так: «Повседневная культура человека проявляется через особенности его деятельности, сознания и поведения, а также через вещи, предметы, произведения искусства и художественные ремесла, окружающие его, орудия его труда, языковые особенности речи, характеризующие этого человека или группу людей, общество в целом»[23]. Она считает, что повседневная культура – это важнейшее условие человеческой жизнедеятельности, это организация человеческих взаимоотношений, их институализация. По её мнению, в структуру повседневности входит обыденное сознание, нормы этикета, общепринятые нормы поведения и бытовая жизнь[24].

Л. Л. Шпак в структуре повседневности рассматривает: 1) жизненное

---

[19] Поляков Ю. А. Историческая наука: люди и проблемы. Кн. 2. М., 2004. С. 116.
[20] Поляков Ю. А. Человек в повседневности: исторические аспекты // Отечественная история. 2003. № 3. С. 129.
[21] Человек в мире чувств: очерки по истории частной жизни в Европе и некоторых странах Азии до начала Нового времени. М., 2000. С. 8.
[22] Культура и быт России с древнейших времён до XX века: методическое пособие. М., 2009. С. 9.
[23] Георгиева Т. С. Культура повседневности: Частная жизнь и быт древних обществ. М., 2005. С. 17.
[24] Культура и быт России с древнейших времён до XX века. М., 2009. С. 9.

пространство; 2) жизненные циклы человека; 3) повседневное поведение; 4) социальные взаимодействия и контакты. Предметом изучения повседневной жизни она считает «упорядочение обыденных социальных взаимодействий с помощью механизмов самоорганизации и институализации, согласование форм и способов сосуществования людей на основе взаимопонимания и признания общих и дифференцированных интересов»[25].

М. И. Козьякова понимает под повседневностью феномен культуры, содержание совместной жизни и деятельности людей, за исключением специализированной деятельности, художественных и раритетных предметных форм и исторически сложившихся форм общественного сознания, жизнедеятельность в социальном и культурологическом смысле. Она считает, что в культуру повседневности входит три блока 1) материально-предметная среда; 2) деятельностно-поведенческая сторона жизни; 3) культурный символический контекст[26].

По мнению В. Д. Лелеко, теоретическая модель повседневности должна включать следующие компоненты: а) вещно-предметный (мир вещей); б) стереотипы жизни (процессы одевания, приёмы пищи и др.), т. е. набор сценариев и повседневных ритуалов (суточный ритм); в) формы взаимодействия и общения людей[27]. Учёный предполагает изучить следующие аспекты повседневной культуры: микро-и макросреду обитания (дом), телесные потребности человека (пища, одежда, медицина), круг жизни, семью и макросоциальные группы, досугово-развлекательную и праздничные сферы[28].

Таким образом, современные исследователи в понятие повседневность вкладывают довольно широкий смысл, что позволяет рассмотреть жизнь дворянина не только как представителя высшего сословия, но и как обычного человека, с его чувствами и переживаниями.

В работе рассматриваются основные составляющие повседневности дворянина: быт, досуг, вера, участие в общественной жизни губернии, а также

[25] Шпак Л. Л. Социология повседневной жизни. Кемерово, 2001. С. 15.
[26] Козьякова М. И. История. Культура. Повседневность. М., 2002. С. 4 – 5.
[27] Лелеко В. Д. Пространство повседневности в европейской культуре. СПб., 2002. С. 8 – 9.
[28] Культура и быт России с древнейших времён до XX века. М., 2009. С. 10.

хозяйственная деятельность дворянства, которая ранее рассматривалась исследователями изолировано от повседневности.

Степень научной разработанности темы. Вопросы, касающиеся жизни провинциального дворянства, русской усадьбы рассматривались исследователями на протяжении длительного времени, хотя и с перерывами. В изучении данного вопроса можно выделить несколько периодов.

I. Дореволюционный (вторая половина XIX в. – 1917 г.);

II. Советский (1917 г. – конец 1980-х гг.);

III. Современный (1990-е гг. – настоящее время).

Научный интерес к вопросам, связанным с жизнью провинциальной усадьбы, впервые появился во второй половине XIX в. В дореволюционный период искусствоведами, архитекторами, историками был собран большой фактический материал по различным сферам жизни дворянства. В своих работах исследователи касались вопросов нравственного и образовательного уровня дворян, их образа жизни, воспитания детей. В работах А. В. Романовича-Славатинского[29] уделялось внимание вопросам образования дворян, их менталитету, внешнему виду и хозяйственным интересам. С. М. Соловьёв считал приобщение дворянских детей к образованию важным достижением этого периода[30]. В. О. Ключевский называл дворянство проводником европейского «нового образования»[31]. Несколько противоположную позицию занимал С. А. Корф, который считал, что «большинство дворянства было темно до крайности, едва умело читать и писать»[32]. Уже в это время изучались вопросы женского образования, в том числе и образованность дворянских женщин [33]. Исследованием повседневной жизни русского общества первой половины XIX в. занимался Н. Ф. Дубровин[34]. Вопросы повседневных занятий и досуга дворянства были

[29] Романович-Славатинский А. В. Дворянство в России от начала XVIII в. до отмены крепостного права. СПб., 1870.
[30] Соловьёв С. М. История России с древнейших времен. СПб., 1851 – 1879. Кн. 5. С. 221 – 229.
[31] Ключевский В. О. История русского быта. М., 1995. С. 46.
[32] Корф С. А. Дворянство и его сословное управление в 1762 – 1815 гг. СПб., 1906. С. 23.
[33] Щепкина Е. Н. Из истории женской личности в России. СПб., 1914.
[34] Дубровин Н. Ф. Русская жизнь в начале XIX века. СПб., 2007

представлены в работах С. М. Любецкого[35]. В них содержались сведения о некоторых подмосковных усадьбах, селах и дачных местностях. Отдельные сведения о досуге и традициях в дворянской среде можно почерпнуть из работ М. М. Забылина, М. И. Пыляева, А. В. Терещенко, где подробно рассмотрены народные традиции и обычаи, многие из которых бытовали и в дворянской среде[36].

Жизнь провинциального дворянства в первой половине XIX в. была неразрывно связана с усадьбой. Журналы начала XX в. являются важным источником знаний о жизни, быте и художественном богатстве дворянских усадеб. В статьях содержались различные сведения о внешнем и внутреннем устройстве той или иной усадьбы, о владельцах, об их интересах и увлечениях. В журналах «Мир искусства», «Старые годы», «Экскурсионный вестник», «Русский архив», «Исторический вестник» публиковались статьи И. Бондаренко, П. Вейнера, Н. Врангеля, А. Бенуа, И. Грабаря, Г. Лукомского, С. Маковского, И. Трубинкова и многих других. В своих работах авторы подчеркивали культурное значение дворянской усадьбы. В это время была впервые поставлена задача изучения роли усадьбы в масштабах истории страны[37].

Значительный фотографический материал и заметки о «дворянских гнёздах» публиковались в журнале «Столица и усадьба». Документальные фотографии, опубликованные в этом журнале, позволили сохранить для истории изображения усадебных комплексов, отдельных построек. Он даёт возможность получить представление об убранстве и редких предметах прикладного искусства, принадлежавших дворянским фамилиям. В журнале были опубликованы небольшие заметки с изображениями некоторых усадеб Псковской губернии. Например, усадьбы Глубокое, Михайловское, Тригорское, Петровское Опочецкого уезда, Гораи Островского уезда, Холомки Порховского уезда и Корытово

[35] Любецкий С. М. Старина Москвы и русского народа в историческом отношении с бытовою жизнью русских. М., 1872; Любецкий С. М. Окрестности Москвы в историческом отношении и в современном их виде для выбора дач и гулянья. Характеристика и бытие московских жителей дедовских и наших времен. Гулянья, празднества, увеселения и другие замечательные события. Очерки земледелия и садов с древнейших времен. М., 1880.

[36] Пыляев М. И. Старое житьё. Очерки и рассказы о бывших в отошедшее время обрядах, обычаях и порядках в устройстве домашней и общественной жизни. СПб., 1892; Терещенко А. В. Быт русского народа. М., 2014.

[37] Дворянская и купеческая усадьба в России XVI – XX вв. М., 2001. С. 15.

Псковского уезда[38].

Одним из ярких и последовательных приверженцев усадебной темы был в 1900-х гг. барон Н. Н. Врангель. Его сочинения, в том числе, работа «Помещичья Россия»[39], дают возможность представить, как воспринимали усадьбу его современники.

Таким образом, в дореволюционный период было положено начало изучению тем, связанных с усадьбой. В их числе: типология дворянской усадьбы, её роль в развитии и сохранении культурного наследия в области архитектуры, садово-парковой культуры, а также места концентрации материальных и духовных ценностей[40]. Некоторые работы были посвящены воспитанию и образованию дворянского сословия, а также образу жизни и традициям дворянства. Большинство публикаций этого периода были описательного характера. Информация о художественных памятниках часто преподносилась в восторженно-лирических тонах. В то же время, авторы книг и статей, воспитанные в недрах дворянской усадебной культуры, досконально знавшие её, сумели показать культурную значимость русской усадьбы, передать красоту и поэзию этого мира.

Новый этап изучения дворянской культуры начался в 1917 г. Под влиянием революционных событий в России сократились масштабы изучения усадебной культуры. Деятельность по исследованию этой проблемы возобновилась лишь в 1923 г. Группа подвижников и энтузиастов организовала «Общество изучения русской усадьбы» (ОИРУ) во главе с искусствоведом В. В. Згурой. Он впервые ввел в оборот термин «усадьбоведение». Это свидетельствует о начале целенаправленного изучения феномена русской усадьбы. Изучение элементов и композиции, а также органических образований усадебного целого на фоне

---

[38] Михайловское, имение Пушкиных // Столица и усадьба. 1914. № 6, 15 марта. С. 3 – 4; Село Тригорское // Столица и усадьба. 1914. № 6, 15 марта. С. 5.; Любимый уголок А. С. Пушкина // Столица и усадьба. 1916. № 57, 1 мая. С. 23.; Петровское, бывшее имение Ганнибала, деда А. С. Пушкина // Столица и усадьба. 1914. № 19 – 20, 10 октября. С. 23 – 24.; Гораи Псковской губернии, Опочецкого уезда // Столица и усадьба. 1914. № 23, 1 декабря. С. 11.; Усадьба в прошлом и настоящем. Глубокое, Псковской губернии, Опочецкого уезда // Столица и усадьба. 1915. № 45, 1 ноября. С. 17 – 18.; Лукомский Г. К. Холомки: Псковской губ., Порховского уезда, имение князя А. Г. Гагарина // Столица и усадьба. 1915. № 36 – 37, 1 июля. С. 11 – 12.

[39] Врангель Н. Н. Помещичья Россия // Старые годы.1910. № 7 – 10.

[40] Дворянская и купеческая усадьба в России XVI – XX вв. М., 2001. С. 15.

историко-бытовой перспективы, как воздействующего фактора[41].

Первоначально в Общество вошли Ю. П. Анисимов, Б. Р. Виппер, Б. П. Денике, П. М. Дульский, В. Я. Курбатов, А. И. Некрасов, В. Д. Полянов, С. А. Торопов, П. С. Шереметев. Оно просуществовало до начала 1930-х годов и проделало огромную работу. На практике реализовывались цели и задачи, прописанные в уставе Общества. Цели сводились к изучению усадебной культуры России XVII – XIX вв.; содействию сохранению, восстановлению и реставрации усадебных комплексов; поиску наиболее адекватных форм и методов включения памятников усадебной культуры в современную социокультурную среду[42]. Обществом изучения русской усадьбы были составлены: усадебная картотека, усадебная карта, иконографическая картотека (усадьба в картинах, рисунках, литографиях, гравюрах), указатели источников (архивные материалы, литературные материалы, дневники, записки, воспоминания, переписка, путешествия, современные описания), библиографический указатель. Были разработаны основные принципы изучения русской дворянской усадьбы в историческом, художественном, архитектурном, бытовом и других направлениях.

Таким образом, деятельность Общества изучения русской усадьбы в 1920-х гг. была основана на принципе комплексного и всестороннего изучения усадебной культуры. Это история создания усадеб, их эволюция, освещение роли владельцев в формировании архитектурно-художественных комплексов, особенности усадебного быта, история и судьба усадебных коллекций. В 1930-е гг. работа Общества прекратилась, но деятельность по разработке усадебной тематики полностью не исчезла. В это период вопросы дворянского образа жизни и досуга в работах исследователей почти не затрагивались. Некоторые аспекты дворянского досуга – музыкальная культура, усадебный театр были освещены в работе Т. Н. Ливановой[43].

С 1930-х гг. – до конца 1980-х гг. в советской историографии по данной теме

---

[41] Фролов А. И. Русская усадьба на пороге XXI века // Русская культура вне границ: информационно-аналитический сборник. Вып.6. М., 1996. С. 30.
[42] Дедюхина В. С. Культура дворянской усадьбы // Очерки русской культуры XVIII в. М., 1990. Ч. 4. С. 23.
[43] Ливанова Т. Н. Русская музыкальная культура XVIII века в её связях с литературой, театром и бытом. Исследования и материалы: в 2т. М., 1952 – 1953.

было сделано немало ценного. Но методология и масштабы исследований были иными. Усадьба как целостный социально-экономический институт, как историко-культурное явление не изучалась. Преобладали труды по ограниченному кругу усадеб, в основном музеев-усадеб, по выдающимся архитектурно-парковым ансамблям. Отдельные аспекты усадебной темы – архитектура, интерьеры, живопись в усадьбе – изучались в предметно-вещевом аспекте[44]. В 1960-х гг. – первой половине 1980-х гг. аналогичным темам были посвящены исследования Т. Б. Дубяго, М. А. Аникста, В. С. Турчина и т. д. [45]. Эволюция дворянского костюма в XVII – XIX вв. прослеживалась в работах Е. В. Киреевой, Т. И. Коршуновой, М. Н. Мерцаловой[46].

Для изучения экономической составляющей повседневности дворянской усадьбы значение имели исследования Н. Г. Рубинштейна, Б. Н. Миронова, Л. В. Милова, И. Д. Ковальченко и некоторых других авторов, которые затрагивали в своих работах механизмы функционирования поместья, повседневные экономические конфликты и проблемы дворян[47]. Эти работы были направлены на изучение материальных основ дворянского быта – механизма функционирования имения, источников получения дохода поместья. Ещё в начале 1950-х гг. была предпринята попытка издания документов по истории помещичьего хозяйства[48].

Г. М. Дейч в своём исследовании, посвященном крестьянству Псковской губернии, затрагивал вопросы дворянского землевладения, положения дворянства Псковской губернии. В работе прослеживается негативное отношение к дворянству – как к «классу эксплуататоров»[49].

---

[44] Некрасов А. И. Архитектура русской дворянской усадьбы. М., 1949.; Чериковер Л. З. Бытовая мебель русского классицизма конца XVIII – начала XIX веков. М.. 1954.

[45] Дубяго Т. Б. Русские регулярные сады и парки. Л., 1963; В окрестностях Москвы; из истории русской усадебной культуры XVII –XIX вв. / Сост. М. А. Аникст, В. С. Турчин. М., 1979; Байбурова Р. М. Архитектурно-художественная организация пространства в жилом доме московской усадьбы второй половины XVIII в.: диссерт. …канд. искусствоведения. М., 1984; Бартенев И. А. Русский интерьер XVIII –XIX вв. Л., 1984. Логвинская Э. Я. Интерьер в русской живописи первой пол. XIX века. М.,1978. Соколова Т. М. Орлова К. А. Русский жилой интерьер первой трети XIX века глазами современников. Л., 1982.

[46] Киреева Е. В. История костюма. М., 1976; Коршунова Т. Т. Костюм в России XVIII – начало XX века. Л., 1979; Мерцалова М. Н. История костюма. М., 1972

[47] Александров В. А. Сельская община в России (XVIII – начало XIX вв.) М., 1976; Ковальченко И. Д., Милов Л. В. Всероссийский аграрный рынок. XVIII – начало XIX вв. Опыт количественного анализа. – М., 1974. Миронов Б. Н. Внутренний рынок России во второй половине XVIII – первой половине XIX вв. – Л., 1981.

[48] Материалы по истории помещичьего и крестьянского хозяйства первой четверти XVIII века. М., 1951.

[49] Дейч Г. М. Крестьянство Псковской губернии в конце XVIII и первой половине XIX вв. Псков, 1957.

В 80-х гг. рассматривались вопросы о садово-парковом искусстве дворянских усадеб. В этом направлении работал М. А. Ильин[50], крупнейшим исследователем в данной области был Д. С. Лихачев[51], этой тематики в своих работах касались А. П. Вергунов, В. А. Горохов, В. С. Дедюхина, О. С. Евангулова, Н. А. Евсина[52]. Именно в советский период усадьба была осмыслена как архитектурный ансамбль. Синтез искусств, по справедливости, стал в этот период едва ли главной характеристикой русской усадебной культуры[53].

Важной стороной исследований советских историков стало последовательное утверждение самобытности усадебного искусства. Изучалось творчество крепостных, что позволило осветить эту тему, коренную для русской усадебной культуры и до этого просто не исследованную. Постепенно расширялись сведения о владельцах имений. Тема повседневности, бытовой стороны жизни провинциального дворянства в данный период фактически не изучалась, в работах, посвященных вопросам социально-экономического развития государства и отраслям русской культуры, освещались отдельные её вопросы. В целом, этот период был отмечен негативным отношением к дворянской культуре.

В 1990-е гг. обозначился всплеск интереса к вопросам, связанным с жизнью провинциального дворянства России. В этот период тема усадьбы стала приоритетной в исследованиях дворянской повседневности. В 1992 г. возобновило свою деятельность Общество изучения русской усадьбы. Инициатором воссоздания Общества была Л. В. Иванова. Началось комплексное исследование русской усадьбы как «экономического и социального организма»[54], который выполнял социально-административные, хозяйственные, бытовые и культурные функции. Усадьба изучалась с точки зрения ее эволюции, связи ее развития с историей землевладения, сельскохозяйственного производства, а также

---

[50] Ильин М. А. К вопросу о русских усадьбах XVIII в. // Русский город. Выпуск 4. М., 1981. С. 157.
[51] Лихачев Д. С. Поэзия садов: к семантике садово-парковых стилей. М., 1982.
[52] Вергунов А. П. Горохов В.А. Русские сады и парки. М., 1988. Дедюхина В. С. Кусково как историко-архитектурный комплекс XVIII века. Автореферат дисс. на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1982. Евангулова О. С. Дворцово-парковые ансамбли Москвы первой половины XVIII века. М., 1969. Евсина Н. А. Архитектурная теория в России второй половины XVIII – начала XIX века. М., 1985.
[53] Нащокина М. В. Проблемы изучения русской усадьбы на пороге XXI века // Русская усадьба на пороге XXI века. Смоленск, 2001. С. 16
[54] Тихонов Ю. А. Дворянская усадьба и крестьянский двор в России XVII-XVIII веков. М., 2005. С. 7.

рассматривалась связь дворянства и крестьянства. В последние годы вышли тематические сборники, посвященные проблемам усадебной культуры[55]. В работах О. В. Докучаевой, Р. М. Байбуровой, М. М. Звягинцевой, Т. П. Каждан, Ю. Г. Маркова, подчёркивалось, что развитие усадьбы стимулировало расцвет различных видов искусства и позволяло реализоваться творческим замыслам многих дворян[56].

Несомненное значение для разработки проблем дворянской усадьбы имел состоявшийся в 2002 г. круглый стол на тему «Русская усадьба и ее судьбы». В нём приняли участие видные исследователи усадебной тематики: А. Е. Иванов, Ю. А. Петров, И. М. Пушкарева, Ю. А. Тихонов, М. Ф. Прохоров, Е. Н. Марасинова, М. А. Полякова, Е. Б. Смилянская и другие[57]. В 2003 г. Г. Д. Злочевским был издан обобщающий труд, который представил собой историографический обзор работ по русской усадьбе за период с 1787 по 1992 гг.[58].

Большое место в работах исследователей усадебной культуры занимал вопрос о расположении построек на усадьбе. В. В. Грищенко и О. А. Борсук предложили классифицировать усадебные комплексы в зависимости от того, какой рельеф преобладал (искусственный, естественный или смешанный)[59]. И. К. Бахтина указывала на единство природного ландшафта с архитектурной композицией усадьбы[60].

Б. Н. Миронов в своей работе представляет концептуальное обобщение места дворянского сословия в России[61].

В настоящее время исследователи стали уделять внимание быту и нравам русского дворянства. Некоторый материал о жизни дворянства был представлен в

---

[55] Мир русской усадьбы. Очерки. Под редакцией Л. В. Ивановой. М., 1995.; Русская усадьба. Выпуск 10 (26). М., 2004; Врангель Н. Н. Помещики России // Памятники отечества. Мир русской усадьбы. Вып.25. М., 1993.

[56] Иванова Л. В. Дворянская усадьба – исторический и культурный феномен // Дворянское собрание. 1994. № 1. С. 149–165; Звягинцева М. М. русская усадьба как культурно-исторический феномен: диссерт. …канд. Искусствоведения. СПб., 1997; Каждан Т. П. Художественный мир русской усадьбы. М., 1997.

[57] Круглый стол «Русская усадьба и ее судьбы» // Отечественная история. 2002. № 5. С. 133 – 159.

[58] Злочевский Г. Д. Русская усадьба: историко-библиографический обзор литературы (1787 – 1992). М., 2003.

[59] Борсук О. А., Грищенко В. В. Рельеф в планировке русских усадеб // Русская усадьба. Выпуск 10 (26) М., 2004. С. 44 – 50.

[60] Бахтина И. К. Единство культурного и природного ландшафтов в подмосковных усадьбах конца XVIII – начала XIX вв. // Русская усадьба. Выпуск 10 (26) М., 2004. С. 32 – 43.

[61] Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи. СПб., 2000. Т. 1. С. 82 – 97, 510 – 521.

работах Р. Байбуровой[62], Ю. М. Овсянникова[63]. Исследование М. А. Поляковой и Е. Н. Савиновой[64] посвящено среднепоместным усадьбам русской провинции. В работе проанализирована история русской усадьбы как уникального социально-экономического и культурно-исторического явления.

Внимание исследователей в последние годы уделялось и социально-экономическим взаимоотношениям внутри усадьбы. М. Ф. Прохоров на основании изученных документов выдвигал мысль о том, что в дворянском владении имел место «рационально сбалансированный порядок взаимоотношений трех важных социальных институтов общества: государство, помещик, крестьянин». Такой порядок основывался на внеэкономических методах принуждения и позволял владельцу расширить комплекс поборов, не считаясь с хозяйственными и семейными возможностями крестьянского двора. Этот вывод опровергал Ю. А. Тихонов, который считал, что крепостной порядок трудно считать сбалансированным. Стержнем всей вотчинной жизни являлись помещичьи интересы. Интересы крепостных учитывались в незначительной степени[65].

Е. Н. Марасинова, Т. А. Коваленко в своих работах анализировали важнейшие составляющие дворянской психологии[66]. Так, Е. Н. Марасинова в свое работе ставила цель выявления особенностей личности российского дворянина.

Исследователи в 1990 – 2000-х гг. продолжили изучать тему дворянского воспитания и образования[67]. В работе О. Ю. Солодянкиной рассматривалась проблема влияния иностранцев на процесс воспитания русских дворян[68]. По мнению исследователя, преобладание французских наставников в России привело к тому, что их воспитанники усваивали социальные нормы, характерные для

---

[62] Байбурова Р. Старинная русская усадьба // Наука и жизнь. 1992. № 10.
[63] Овсянников Ю. М. Картины русского быта. Стили, нравы, этикет. М., 2000.
[64] Полякова М. А. Савинова Е. Н. Русская провинциальная усадьба XVII – начало XX века. М., 2011.
[65] Тихонов Ю. А. Дворянская усадьба и крестьянский двор в России. М., 2005. С. 71.
[66] Марасинова Е. Н. Социальная психология интеллектуально-аристократических кругов российского дворянства последней трети XVIII век: диссерт…канд ист. наук. М., 1991. Коваленко Т. А. Менталитет дворянской культуры XVIII века // Общественные науки и современность. 1997. № 5. С. 108 – 117.
[67] Мартианова И. Ю. Повседневная жизнь детей российских дворян по мемуарам современников XVIII – начала XX вв.: автореферат дис. … канд. ист. наук. Краснодар, 2010.
[68] Солодянкина О. Ю. Иностранные гувернантки в России второй половины XVIII –первой половины XIX вв. М., 2007; Солодянкина О. Ю. Иностранные наставники в дворянском домашнем воспитании в России (вторая половина XVIII –первая половина XIX вв.). М., 2008.

французского, а не российского общества. Дискуссии историков о дворянском воспитании и образовании являются актуальными в настоящее время. Стереотип, сложившийся в дореволюционной историографии о необразованности большей части провинциального дворянства сохраняет ещё влияние.

В современной историографии дворянского быта обозначилась и проблема повседневности женщины-дворянки. Изысканиями в данной области занимались Н. Л. Пушкарёва, В. В. Пономарёва и Л. Б. Хорошилова, А. В. Белова[69].

В целом, вопросы образа жизни, досуга провинциального дворянства первой половины XIX в. изучались непоследовательно. Важным достижением историографии 1990-х – 2000-х гг. стало стремление специалистов обобщить материал по истории повседневной культуры дворянства. Это нашло отражение в работах Ю. М. Лотмана, К. А. Соловьёва, Е. А. Лавреньевой[70]. Центром по изучению отечественной культуры Института российской истории РАН был опубликован ряд работ по истории повседневности дворянского сословия. Особое значение имела работа по истории российской дворянской сельской усадьбы[71]. До выхода в свет этого труда в литературе не уделялось внимания автономности усадебного поселения, его непохожести на городскую усадьбу дворянина или чиновника. В данной монографии авторами намечены определённые методологические установки для изучения этого многопланового явления. В частности, было признано, что основой усадебного мира являлось усадебное хозяйство, что усадьба была экономическим и социальным организмом, в котором соединялись хозяйственные, социально-административные, бытовые и культурные функции, различающиеся по этапам исторического развития страны. Авторы делали вывод о том, что усадебный строй во многом определялся личностью владельца, его положением в обществе, богатством и связями, его

[69] Пономарёва В. В., Хорошилова Л. Б. Мир русской женщины: семья, профессия, домашний уклад. XVIII – начало XX вв. М., 2009; Пушкарёва, Н. Л. Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X – начало XIX вв.). М., 1997; Пушкарёва Н. Л. Частная жизнь русской женщины XVIII века. М., 2012; Белова А. В. Повседневная жизнь провинциальной дворянки Центральной России XVIII – середина XIX в.: автореферат дис… доктора исторических наук. М., 2009.

[70] Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX вв.). СПБ., 1994; Соловьёв К. А. «Во вкусе умной старины…». Усадебный быт российского дворянства второй половины XVIII – начала XIX вв. СПб., 1998; Лаврентьева Е. А. Повседневная жизнь дворянства пушкинской поры. Приметы и суеверия. М., 2006.

[71] Дворянская и купеческая сельская усадьба в России XVI – XX вв. М., 2001.

кругозором и духовными запросами. В данной работе целый массив дворянских усадеб исследован по новой методике, предполагающий дифференцированный подход к крупным, средним и мелким усадьбам с учётом растущего социального расслоения в среде их владельцев.

Вопросами повседневной жизни московского дворянства занималась и продолжает исследовать этот вопрос М. В. Короткова[72].

Современными исследователями было положено начало изучения отдельных аспектов образа жизни дворянства и на региональном уровне. В частности, ярославскому, тверскому, средневолжскому дворянству посвящены труды О. В. Сизовой, Л. А. Быковой, А. В. Тюстина[73], повседневную жизнь дворянства центрально-европейских и средневолжских губерний изучала Н. А. Милешина[74]. Исследование проблемы на региональном уровне только начинается, систематизированного анализа повседневной жизни провинциального дворянства пока нет.

Ряд работ историков и краеведов посвящён дворянским родам и усадьбам Псковской губернии[75]. Отдельные работы посвящены дворянам Новицким, Лавриновским, Ковалевским, Коновницыным[76]. Усадебная тема, вопросы культурного наследия дворянства Псковской губернии затрагивались в работах Р.

---

[72] Короткова М. В. Повседневная жизнь и досуг московского дворянства в XVIII – первой половине XIX вв. М., 2007; Она же. Эволюция материальной и духовной культуры московского дворянства в контексте повседневности XVIII – первой половины XIX века. М., 2008; Она же. Путешествие в историю русского быта. М., 2006; Она же. Повседневная жизнь старой Москвы XVI – XIX вв. М., 2008.

[73] Глаголева О. Е. Русская провинциальная старина: очерки культуры и быта Тульской губернии XVIII – первой половины XIX вв. Тула, 1993; Сизова О. В. Дворянство Ярославской губернии в конце XVIII – первой половине XIX вв.: диссерт. …канд. ист. наук. – Ярославль, 1999; Быкова Л. А. Родословные книги Тверской губернии 1785 – 1917 гг. как источник по истории русского провинциального дворянства. Автореф. дисс. …канд. ист. наук. М., 1993; Тюстин А. В. Пензенское дворянство: ист. очерк. Пенза, 2001.

[74] Милешина Н. А. Повседневность провинциального дворянства второй половины XVIII – середины XIX вв.: автореферат дис. …доктора ист. наук. Казань, 2012.

[75] Дворянские роды Псковской губернии: материалы I областной научно-практической краеведческой конференции. Псков, 2007. Псковская земля; Дворянские усадьбы Псковской губернии: материалы II областной научно-практической краеведческой конференции. Псков, 2008; История в лицах. «Дворяне все родня друг другу». Псков, 2006; Розов Н. Г. Ожерелье Псковской земли. Сельцо Михайловское – Псков, 2008; Усадьбы старые таинственной Руси. Старинные усадьбы Бежаницкого района. Псков, 2004; Масленникова Н. Н. Волышово – уникальный усадебный ансамбль XVIII – XIX вв. // Русская усадьба. Вып. 10 (26). М., 2004; Проскурякова Г. В. Волышовская старина. СПб, 2008; Левин Н. Ф. Дворяне Неклюдовы и их усадьба // Дворянские усадьбы Псковской губернии. Псков, 2008; Густова Л. И. «Священный сердцу кров» // Михайловская пушкиниана. Вып. 32, Пушкинские Горы – М., 2004; Русанова Л. Ф. Из истории дворянской усадьбы Бороздиных – Ладино Новоржевского уезда Псковской губернии начала XX века // Материалы первых архивных чтений 27 – 28 ноября 2006 года. Псков, 2007 и т. д.

[76] Левин Н. Ф., Филиппова М. А., Шумков А. А. Лавриновские; дворяне Псковской губернии. СПб., 1998; Иванов Е. П. Генерал Петр Петрович Коновницын. Псков, 2002; Шумков А. А. Новицкие. Дворяне Псковской губернии. СПб., 1999.

Н. Антиповой, М. Т. Марковой, Л. Н. Макеенко, В. Г. Никифорова[77]. Вопросы дворянского самоуправления в Псковской губернии рассматривались в работах М. Т. Марковой, Е. В. Соколовой, Л. В. Васильевой[78]. Исследований, которые бы касались вопросов образа жизни, досуга, обрядов, традиций дворянства Псковской губернии, к сожалению, нет. В основном, работы по истории псковского дворянства затрагивали биографические, генеалогические сведения о владельцах усадеб Псковской губернии.

Историографический анализ показал, что, несмотря на накопленный значительный опыт в изучении повседневной жизни провинциального дворянства, целостного изучения повседневной культуры псковского дворянства не проводилось. Степень изученности данной темы позволяет приступить к работе над созданием систематизированного исследования, затрагивающего историю повседневной жизни псковского дворянства в первой половине XIX в.

Источниковая база исследования основана на архивных и опубликованных источниках. Для работы был задействован 21 архивный фонд, хранящиеся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА), Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ), Российском государственном историческом архиве (РГИА), Рукописном отделе Института русской литературы (РО ИРЛИ), Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ), Государственного архива Псковской области (ГАПО), Древлехранилища Псковского государственного объединенного историко-архитектурного художественного музея-заповедника (ПГОИАХМЗ) и

[77] Антипова Р. Н. Коллекция Д. Н. Философова (первая половина XIX в.) // Философовские чтения. Сборник материалов первых философовских чтений. Псков, 2005. С. 45 – 48; Антипова Р. Н. Культурное наследие Философовых (от пушкинских времён до «Мира искусства») // Земля псковская, древняя и современная. Материалы научно-практической конференции. Псков, 2009. С. 124 – 134; Макеенко Л. Н. Дворянская усадьба Кожиных в с. Бельское Устье // Краеведческие чтения Порхов – Холомки: материалы научной конференции. Псков, 2002. С. 34 – 39; Маркова М. Т. Источники по истории псковской дворянской усадьбы // Псков в российской и европейской истории. Псков, 2003. Т. 2. С. 29 – 33; Маркова М. Т. Псковская ветвь дворянского рода Дерюгиных // Псков. 2007. № 27. С. 158 – 162; Маркова М. Т. Из истории псковского дворянства. Псков, 2008; Никифоров В. Г. Сельцо Александрово и его владельцы // Псков. 2000. № 12. С. 107 – 119; Никифоров В. Г. Сельцо Лысая Гора и его владельцы // Псков. 2006. № 25. С. 127 – 135; Никифоров В. Г. К истории сельца Трумалёво // Псков. 2007. № 26. С. 107 – 110.

[78] Маркова М. Т. «Секретные дела» псковского дворянского собрания // Земля псковская, древняя и современная: Материалы научно-практических конференции 2002/2003 гг. Псков, 2004. С. 90 – 94; Васильева Л. В. Нартов Я. А. – предводитель Порховского уездного дворянства в 1812 – 1813 гг. // Материалы первых архивных чтений 27 – 28 ноября 2006 г. Псков, 2007. С. 164 – 170; Соколова Е. В. Выборы дворян в органы самоуправления и суда в 1789 г. // Земля Псковская, древняя и современная: Материалы научно-практической конференции. Псков, 2009. С. 108 – 116.

документальном фонде Пушкинского Заповедника.

В РГАДА хранятся фонды семейства Васильчиковых и Строгановых[79]. В документах содержатся материалы различного рода. В них довольно полно представлены материалы об организации хозяйственной жизни в имении Волышово, содержится информация о движимом и недвижимом имуществе. В РГАЛИ находится фонд В. Д. Философова, дневник которого содержит ценную информацию о быте псковских помещиков в указанный период[80]. В РГИА в составе фонда министерства государственных имуществ, встречаются дела, касающиеся имений помещиков Псковской губернии, в том числе П. А. Кожина, владельца имений в Порховском уезде[81]. Фонды Апраксина и Васильчикова содержат материалы переписки управляющих лиц с владельцами имений[82]. В составе фонда канцелярии обер-прокурора Синода хранится информация о запросах дворян Псковской губернии с целью строительства церквей в своих усадьбах[83]. В рукописном отделе ИРЛИ находится архив с. Тригорского Опочецкого уезда, используя который, можно составить довольно полную картину жизни этого имения в 40 – 50-е гг. XIX столетия[84]. В отделе рукописей РНБ имеется фонд дворян Назимовых, которые владели землями в Псковской губернии, описи имущества Назимовых, хранящиеся в этом фонде являются ценным источником для характеристики повседневной жизни небогатого дворянства губернии[85].

В ГАПО хранятся фонды личного происхождения – дворян Кожиных, Тютчевых, Барановых[86]. Самым информативным из личных фондов является фонд П. А. Кожина. В нём сохранились планы, чертежи и рисунки хозяйственных и жилых построек в имении Кожиных, церкви в с. Бельское Устье. В фонде Н. С. Тютчева сохранились имущественные и денежно-хозяйственные документы (договоры, счета, квитанции, письма).

---

[79] РГАДА. Ф. 1260. Васильчиковы; Ф. 1278. Строгановы.
[80] РГАЛИ. Ф. 1883. В. Д. Философов.
[81] РГИА. Ф. 383. Первый департамент МГИ.
[82] РГИА. Ф. 651 Васильчиковы; Ф. 887. Апраксины.
[83] РГИА. Ф. 797. Канцелярия обер-прокурора Синода.
[84] РО ИРЛИ: Ф. 244. Архив с. Тригорского.
[85] ОР РНБ. Ф. 509. Назимовы П. Н. и Н. Н.
[86] ГАПО. Ф. 564. П. А. Кожин; Ф. 566. Баранов; Ф. 586. Н. С. Тютчев.

В фондах Канцелярии Псковского губернатора, Псковского губернского предводителя дворянства, Псковского губернского дворянского депутатского собрания, Псковской дворянской опеки хранятся материалы, касающиеся отношений помещиков с крестьянами и членами своей семьи, дела о побеге крестьян из имения, в которых обычно анализируются уровень жизни в имении[87].

Особое значение имеют материалы губернских и уездных дворянских собраний[88]. Они наглядно демонстрируют роль корпоративной деятельности провинциальных дворян в их повседневной жизни. Богатый материал по истории дворянства хранится в фондах судебных органов: Псковского верхнего земского суда, уездных судов[89].

В фондах Древлехранилища Псковского музея-заповедника собраны документы, позволяющее узнать о литературных предпочтениях дворянства Псковской губернии, познакомиться с деталями повседневности дворян Пальчиковых и Коновницыных[90].

В документальном фонде Пушкинского Заповедника хранятся брачные обыски (свидетельства о регистрации браков), свидетельства о рождении дворян, упоминаются фамилии помещиков Псковской губернии Вульфов, Осиповых, Вревских, Пещуровых, Львовых, Ланских, Бороздиных и т. д[91].

Таким образом, для анализа организации хозяйственной жизни в усадьбах использовались описи имений, приходно-расходные книги, духовные завещания, инструкции приказчикам и управляющим, счета и квитанции. Отдельные аспекты повседневной жизни провинциального дворянства отразила и официальная переписка, в частности, переписка вотчинных правлений, уполномоченных лиц с помещиками. Описи имущества, завещания, переписка позволили составить картину внешнего и внутреннего убранства господских домов дворян разного достатка.

---

[87] ГАПО. Ф. 20. Канцелярия Псковского губернатора; Ф. 52. Псковская дворянская опека; Ф. 366. Псковский губернский предводитель дворянства; Ф. 110.Псковское губернское дворянское депутатское собрание.
[88] ГАПО. Ф. 110.Псковское губернское дворянское депутатское собрание.
[89] ГАПО. Ф. 139. Новоржевский уездный суд; Ф. 589 Псковский верхний земский суд.
[90] ПГОИАХМЗ. Древлехранилище: Ф. 347. Коновницыны; Ф. 548. Пальчиковы.
[91] Документальный фонд ПЗ. ПЗ – КП – 4677/42.

Для написания работы привлекались источники личного происхождения, среди которых можно выделить мемуары, дневники, письма дворян. Они наиболее полно воспроизводят различные детали дворянской повседневности.

Среди источников личного происхождения эмоциональной насыщенностью, вниманием к деталям повседневного образа жизни дворян отличались мемуары. Их особенностью являлось то, что они были написаны с прицелом на читателей, порой, на читателей заранее определенного круга – для своих детей, членов семьи, для своего рода, а также для современников, потомства и историков. Мемуары содержали большое количество фактов, которые порой не отражены в других источниках, поэтому они дают возможность почувствовать дух исследуемого времени. Но с другой стороны они имели ряд недостатков. Как правило, были написаны через некоторый промежуток времени, позднее описываемых событий. В них зачастую были спутаны даты, события, поступки. К тому же, мемуары, больше чем какой-либо другой источник отличались субъективностью. Но крайняя субъективность одновременно представляет и ценность. Ведь именно она позволяет наиболее четко выяснить позицию автора в описываемых событиях. Работая над мемуарами, он уже знает, чем закончилось событие, какое место оно заняло в истории, как повлияло на последующие события, как в дальнейшем действовали его участники и т. п. Это откладывает отпечаток и на отбор материала, и на оценку событий и действующих лиц. Поэтому для мемуаров характерна позиция и оценки не времени описываемых событий, а времени написания мемуаров. Нередко автор мемуаров умалчивает о ряде крупных событий и своем участии в них.

В работе были использованы опубликованные мемуары князя Бориса Васильчикова[92]. Они были написаны им уже в эмиграции, т. е. по прошествии достаточного времени с момента описываемых событий. Ценна эта работа тем, что в ней большая часть книги посвящена описанию дворянского быта и истории рода Васильчиковых.

[92] Васильчиков Б. А. Воспоминания. М., 2003.

«Воспоминания детства» С. В. Ковалевской является ценным источником для изучения усадебного быта, повседневной жизни детей в усадьбе и их духовного мира[93].

Особой формой мемуарной литературы являются дневники. Они отличались большей достоверностью и точностью в воспроизведении событий и фактов, так как пишутся одновременно с описываемыми событиями под их непосредственным впечатлением, хотя наряду с этим часто встречаются разного рода не подтвердившееся слухи, версии о событиях, в которых автор непосредственно не участвовал[94]. В литературном отношении дневники значительно уступают воспоминаниям и отличаются отрывочностью, сухостью, краткостью, наличием большого количества сокращений, намёков и полунамёков, а то и просто зашифрованностью в описании отдельных событий и их участников. Не исключением является и дневник В. Д. Философова, которой он вёл на протяжении 1838 – 1844 гг., будучи студентом Императорского училища правоведения[95]. В небольшой автобиографической записке «Взгляд на прошедшее» он отмечает, что самые тайные места в дневнике он обозначит особенными знаками, ключ которых известен ему одному. В дневнике много сокращений, информация о событиях отражена довольно сжато. Напротив, дневники А. Н. Вульфа[96], помещика Псковской и Тверской губернии, приятеля А. С. Пушкина совсем не предназначались для посторонних лиц, тем более для печати. В них содержались интересные сведения, суждения автора о тех или иных происшествиях. Несомненно, и для дневников свойственен субъективизм в освещении описываемых событий. Дневник Б. А. Вревского[97] содержит краткую информацию о событиях из жизни семейства Вревских. Записи Вревским делались нерегулярно. Но детали, содержащиеся в этом дневнике особенно важны, так как дополняют уже имеющиеся сведения об этом семействе.

---

[93] Ковалевская С. В. Воспоминания. Повести. М., 1986.
[94] Тартаковский А. Г. Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX вв. М., 1991.
[95] РГАЛИ. Ф. 1883. Оп. 1. Д. 5, 6, 7, 8.
[96] Любовный быт Пушкинской эпохи. Т. 1. М., 1994.
[97] РО ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 17. Д. 67.

Частную переписку как исторический источник можно разделить условно на две большие группы: на переписку, в центре которой стоят интимные вопросы быта, личных и семейных отношений, и переписку, в центре которой поставлены вопросы общественно-политической и культурной жизни. Как источник переписка имеет ряд особенностей, перекликающихся с особенностями мемуаров вообще и в первую очередь с особенностями дневников: крайняя субъективность, отрывочность, передача разного рода слухов, непроверенных фактов, обилие чисто личных и бытовых подробностей. Как и дневники, частную переписку характеризует широкое использование всякого рода намеков и полунамеков, значительная часть которых понятна только лишь автору и его адресату. В переписке много зашифрованных, шутливых имен, названий. Но всё-таки письма являются источником, значение которого трудно переоценить, ведь в изучаемую эпоху это был единственный способ частного общения на расстоянии. Это наиболее откровенный вид общения, если не считать личные встречи. Из писем можно узнать о чувствах, настроении и мыслях людей. Таким образом, из используемых в работе писем С. Л. Пушкина и его супруги Н. О. Пушкиной своей дочери Ольге[98], мы узнаем некоторые подробности их повседневной жизни в усадьбе, также можно представить себе распорядок дня этой семьи.

Мемуары, личная переписка, дневники являются ценным источником для освещения темы исследования, так как в них нашли отражение различные аспекты культуры повседневности усадьбы, её архитектурно-пространственной среды, менталитета владельцев, их отношение к жизни в провинции.

Предметом анализа стали 15 усадеб Псковской губернии разных уездов: Новоржевского, Опочецкого, Островского, Порховского и Псковского. В работе использованы ранее не публиковавшиеся архивные материалы.

Опираясь на вышеперечисленные источники, можно реконструировать картину повседневной жизни псковского дворянства в первой половине XIX в.

Научная новизна исследования определяется тем, что повседневная жизнь дворянства Псковской губернии в первой половине XIX в., а также корпоративная

[98] Мир Пушкина. Письма С. Л. и Н. О. Пушкиных к их дочери О. С. Павлищевой, 1828 – 1835 гг. СПб., 1993.

и экономическая деятельность благородного сословия, как составляющая повседневности дворянства, не являлись предметом специального изучения. Исследование основывается на анализе широкого спектра архивных источников, обнаруженных в центральных и региональных архивах, большая часть которых впервые вводится в научный оборот. Предпринята первая попытка комплексного исследования повседневной жизни псковского дворянства в указанный период.

Практическая значимость исследования.

Содержащиеся в работе материалы могут быть использованы при проведении курсов по истории культуры России и истории Псковского края, могут быть применены в научно-методической работе историко-краеведческих музеев, а также федерального государственного музея-заповедника А. С. Пушкина «Михайловское». Ведь А. С. Пушкин был воспитан на русской усадебной культуре. Мир русской усадьбы был близок и дорог поэту. Его роман «Евгений Онегин», «Повести Белкина», «Роман в письмах», поэма «Граф Нулин» являются энциклопедией русской усадебной жизни. Результаты исследования позволят глубже проникнуть в мир провинциальной усадьбы пушкинской эпохи, благодаря новым знаниям можно будет внести изменения в уже существующие экспозиции музея, а также создать новые интересные выставки.

Вокруг Пушкинского Заповедника сохранились живописные остатки дворянских усадеб, которые до сих пор вызывают у посетителей живой интерес. Материалы диссертации могут быть применены для реконструкции усадебной среды в утраченных усадьбах пушкинской поры. Например, в усадьбе Дериглазово (имение Шелгуновых, деревенских знакомых Пушкиных, которое является частью мемориального пушкинского ландшафта), в усадьбе Воскресенское, имении двоюродного деда А. С. Пушкина Исаака Абрамовича Ганнибала, а также имении Фоков – Лысая Гора. В музее-заповеднике уже существуют разнообразные экскурсионные маршруты охватывающие территорию усадеб знакомых, друзей и современников поэта. Полученные данные позволят существенно дополнить фактическим материалом эти маршруты и разработать новые.

Апробация результатов исследования. По теме диссертации опубликовано 12 научных статей. Основные результаты диссертационного исследования были представлены на двух всероссийских научно-практических конференциях: всероссийской междисциплинарной научно-практической конференции «Эпистолярная культура: традиции и современность», (п. Пушкинские Горы, март 2010 г.), всероссийской конференции «Проблемы аграрной истории Северо-Запада России. К 150-летию отмены крепостного права» (г. Псков, сентябрь 2011 г.); на шести региональных научно-практических конференциях: на XII краеведческих чтениях (г. Порхов, сентябрь 2011 г.), на VI псковских архивных чтениях (г. Псков, ноябрь 2011 г.), на VIII псковских архивных чтениях (г. Псков, ноябрь 2013 г.), на XIII краеведческих чтениях (г. Порхов, сентябрь 2013 г.), на научно-практической конференции сотрудников Пушкинского Заповедника (п. Пушкинские Горы, декабрь 2013 г.), на научно-практических чтениях Пушкинского Заповедника «Библиотека в усадьбе» (п. Пушкинские Горы, апрель 2014 г.), на VI Философовских чтениях (п. Бежаницы, август 2014 г.).

На защиту выносятся следующие основные положения исследования:

1. Дворянские усадьбы Псковской губернии представляли собой многофункциональный организм, включающий в себя административно-хозяйственную, культурно-просветительную, воспитательную функцию;
2. Управление имением являлось неотъемлемой частью повседневной жизни провинциального дворянина, занимало значительную часть его времени, определяло уклад его жизни;
3. Личность и деятельность помещика, а также его социальный статус и достаток определяли особенности его образа жизни и приоритетные занятия;
4. Повседневность дворянства Псковской губернии отличалась традиционностью, консерватизмом, которые сочетались с подражательностью европейской культуре. Это проявлялось в оформлении усадебного дома, парка наиболее состоятельных владельцев;
5. К середине XIX в. в среде псковского дворянства усилился процесс

дифференциации, который проявлялся в увеличении количества мелкопоместных дворян, вызванный дроблением между наследниками некогда больших имений;

6. Культура повседневности дворянства Псковской губернии имела черты, характерные для всего сословия в целом: элитарность, религиозность, опора на систему сословных ценностей, высокий уровень родовых традиций.
7. Участие провинциального дворянства в сословном самоуправлении являлась значимой составляющей образа жизни помещиков.

Структура работы определяется ее целями и задачами. Диссертация состоит из введения, трёх глав, в рамках которых решаются поставленные цели и задачи исследования, заключения, списка использованных источников и литературы, приложения.

Глава 1. Административно-хозяйственная деятельность псковского дворянства в усадьбах Псковской губернии в первой половине XIX в.

1.1 Дворянские усадьбы и имущественное положение дворянства Псковской губернии

История русской дворянской усадьбы неразрывным образом была связана с историей всего дворянства. Феномен дворянской усадебной культуры просуществовал на протяжении полутора веков, с 1762 по 1918 гг., но расцвет дворянской культуры пришелся на первую половину XIX в. В это время усадьба представляла собой одну из главных единиц социально-экономической структуры России. Разбросанные по обширной российской территории усадьбы несли в себе особенности региональной культуры.

В настоящее время в научной среде не выработано единого зафиксированного смысла термина «усадьба», но замечено, что «русская усадьба» – исторически развивающееся понятие, и для каждого исторического этапа оно наполнялось своим содержанием[99].

Название «усадьба» своими корнями уходит в XVI в. «Усадище» – так назывался господский дом на селе со всеми ухожами, садом и огородом и пр.»[100]. Из определения можно выделить компоненты усадьбы. Во-первых, это наличие господского дома с прилегающими к нему хозяйственными постройками, а также приусадебный участок (сад, огород). Во-вторых, для каждой усадьбы был характерен особый внешний облик и внутреннее убранство. В-третьих,

[99] Дворянская и купеческая сельская усадьба XVI – XX вв. М., 2001. С. 9.
[100] Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. IV. М., 1980. С. 510.

повседневная жизнь, быт обитателей усадьбы. В данном случае акцент делается на хозяйственную сторону жизни и не учитывается культурный аспект, а также опускается личностный, субъективный компонент усадьбы. Владелец с его желаниями, интересами, представлениями, потребностями как бы выпадал из картины усадебной жизни.

По мнению М. М. Звягинцевой, «усадьба представляет собой культурологический феномен, целостное культурно-историческое и эстетическое явление, обладающее внутренним единством и собственными границами»[101]. Э. Г. Истомина и М. А. Полякова под усадьбой понимают «территориальную концентрацию множества разнородных форм деятельности, фокус историко-культурных процессов, постепенно распространявших своё влияние на определенные социальные группы»[102]. Е. Б. Смилянская даёт следующее определение: «Усадьба – копия Эдема, место философского созерцания и отдохновения сердца и ума»[103].

Исследователи Л. Г Березовая и Н. П. Берлякова рассматривают усадьбу, во-первых, как «связь разумной просвещенной личности с природой, в ней воплощены представления владельца об «идеальной природе» и «естественной жизни»; во-вторых, как «психологическое убеждение, территория независимости, где ее хозяин чувствует себя защищенным от бед внешнего мира»; в-третьих, как «синтетическое культурное явление, целый мир, «микрокосмос», который соединяет в единое целое дом, хозяйственные постройки, сад, пашню, лес, речку, пруд, людей»[104]. Первое определение подчеркивает эстетическую сторону жизни помещика. Второе – основано на необходимости психологической защиты. В третьем случае подчеркивается эстетическая связь дворянина с природой, в которую гармонично вписывается усадебный комплекс со всеми хозяйственными и жилыми постройками.

Усадьба также рассматривается как «обособленное, огражденное городом или загородное владение, где сочетаются жилые и хозяйственные постройки, сад

[101] Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. IV. М., 1980. С. 108.
[102] Там же. С. 108.
[103] Смилянская Е. Б. Дворянское гнездо середины XVIII в. М., 1998. С. 4.
[104] Березовая Л. Г., Берлякова Н. П. История русской культуры. Ч. 2. М., 2002. С. 9.

и огород, позволявшие такому образованию существовать в той или иной степени самостоятельно. Усадьба вобрала в себя особенности образа жизни русского человека, воплощает его мировоззрение»[105]. Если мы сравним эти определения, то увидим, что в них большая роль отводится субъективному фактору, то есть эстетическим представлениям, мировоззрению, психологическим особенностям владельца усадьбы, которые определяют облик усадьбы, а также повседневный жизненный уклад. В определениях, предложенных Берляковой и Березовой, подчеркивается эстетическая связь дворянина с природой, в которую гармонично вписывается усадебный комплекс со всеми жилыми и хозяйственными постройками. Согласно трактовке М. В. Нащокиной усадьба есть единый самодостаточный организм, который способен самостоятельно удовлетворять свои нужды за счет активной хозяйственной деятельности.

Е. Н. Марасинова рассматривает усадьбу как явление по-своему уникальное, представляющее собой одновременно и сложный хозяйственный организм, и художественное творение, и своеобразный микромир со своей родовой памятью, стилем жизни и неповторимой атмосферой повседневности[106]. Являясь специалистом по психологии дворянского сословия, она в изучении усадьбы делает акцент на особенностях мышления дворянина, его представлениях, которые определяют неповторимость усадебного быта отдельной дворянской семьи. С этой же точки зрения рассматривала дворянскую усадьбу Т. В. Касьяненко: это «целый мир с историческими традициями, семейными праздниками, реликвиями, кругом друзей и знакомых»[107]. Исследователи видят в усадьбе и действующую модель идеального мира, и выражение широкого спектра мировоззренческих настроений эпохи, и важное место духовной самореализации личности[108]. Многие исследователи усадебной культуры писали, что усадьба – «часть окружающего современного мира, но сверх того и некий этически и эстетически совершенный образ частной жизни, в которой человек, природа и

[105] Нащокина М. В. О русской усадьбе // Художник. 1992. № 4 – 5. С. 1.
[106] Круглый стол «Русская усадьба и ее судьбы» // Отечественная история. 2002. № 5. С. 147.
[107] Касьяненко Т. В. Страницы жизни. Избранные заметки о сохранившемся дневнике Е. Н. Кузьминой // Материалы по истории вологодского дворянства. Вологда, 2001. С. 134.
[108] Очерки русской культуры XIX в. Т. 1. М.,1998. С. 266.

искусство слиты воедино»[109].

Ю. А. Тихонов совершенно справедливо заметил, что усадьба представляет собой организм, в котором соединились хозяйственная, социальная, административная, бытовая и культурная функции, различающиеся по этапам развития страны[110].

Таким образом, большинство современных исследователей, говоря об усадьбе XIX столетия, имеют в виду не только господский двор, но и то культурное пространство, которое возникло в притяжении конкретной усадьбы.

Термин «усадьба» сосуществовал с такими понятиями как вотчина и поместье, имение, владение[111]. Представляется необходимым разобраться с их значением. Понятие вотчины появилось ещё во времена Киевской Руси, когда бояре-феодалы имели в сельской местности земельные владения. Они были наследственными с правом отчуждения любыми способами[112]. Терминология достаточно устойчива, и слово «вотчина» употреблялось в среде крестьян вплоть до отмены крепостного права наравне с термином «поместье» и «имение». Но имение – это любое земельное владение, в том числе и ненаселенное[113]. Л. В. Беловинский различает понятия поместье и усадьба. Поместье – преимущественно имение, в котором находится усадьба помещика, усадьба – комплекс помещичьих жилых и хозяйственных строений в поместье[114].

Понятие «усадьба» постепенно влилось понятие «усадебная культура», содержащее разнообразные явления историко-культурной, философской и религиозной направленности. Термин «усадебная культура» применялось многими исследователями при изучении русской усадьбы. Но в определении его содержания высказывались также различные точки зрения. Например, Т. П. Каждан считает, что усадебная культура слагается «во взаимодействии различных видов искусства, художественной и общественной жизни, культурного повседневного хозяйственного быта, комфортабельной, во многих случаях

[109] Архитектура русской усадьбы. М., 1998. С. 3.
[110] Маркова М. Т. Из истории псковского дворянства. Псков, 2008. С. 28.
[111] Дворянская и купеческая сельская усадьба XVI – XX вв. М., 2001. С. 9.
[112] Беловинский Л. В. Культура русской повседневности. М., 2008. С. 218.
[113] Там же. С. 219.
[114] Там же. С. 24.

изысканной, архитектурной среды и живописной русской природы»[115]. В этом случае определение отражает как культурную, эстетическую, так и бытовую, хозяйственную стороны жизни дворянской усадьбы.

Для второго подхода к определению содержания усадебной культуры характерно то, что она рассматривается как субъективное явление, поскольку всегда преломляется в личных вкусах, благодаря чему усадебная культура «дала блестящие образцы архитектурных и парковых ансамблей, искусства интерьера, плоды творческого вдохновения в поэзии, музыке, живописи, формы истинно культурного досуга и семейного общения, верность народным традициям и восприимчивость к лучшим чертам западной культуры»[116]. В данной трактовке учитывается, что усадебная культура вобрала в себя не только элементы дворянской культуры, но и лучшие достижения народной, крестьянской культуры, которая является неотъемлемой частью дворянского быта.

Усадебная культура, таким образом, представляет собой совокупность эстетических, культурных, психологических представлений отдельно взятого дворянина в отношении планировки, архитектуры, интерьера, культурных, хозяйственных и бытовых аспектов жизни.

Применительно к усадебной культуре используются термины «дворянское гнездо», «культурное гнездо», «родовое гнездо». Концепцию «дворянского гнезда» применительно к науке сформулировал в 20-е годы XX в. Н. К. Пиксанов[117]. Ее суть сводится к тому, что под влиянием нового опыта крупная помещичья усадьба становится «духовным оазисом», если ее владелец стремится к культурной жизни[118]. Он также выделил его признаки: тесный круг деятелей культуры, самодостаточность культурной жизни, «питомцы», взаимодействие культурных элементов с реальными людьми[119]. С одной стороны, концепция учитывает неразрывную связь каждой усадьбы с историей конкретного дворянского рода или семьи. С другой стороны, она подчеркивает значение

[115] Каждан Т. П. Художественный мир русской усадьбы. М., 1997. С. 7.
[116] Мир русской усадьбы. Очерки. Под ред. Л. В. Ивановой. М., 1995. С. 3.
[117] Березовая Л. Г., Берлякова Н. П. История русской культуры. С. 6.
[118] Там же. С. 7.
[119] Там же. С. 7.

усадьбы как хранительницы культурных традиций этой семьи или рода.

Каждая усадьба благодаря особенностям местоположения и внутренней структуры обладала некой целостностью и выполняла определённые функции, которые в каждой усадьбе проявлялись по-разному.

Исследователь С. П. Калита выделил основные функции усадьбы:

- *Средообразующая функция*, которая определяет формирование и развитие природной среды той или иной усадьбы, проявляется во множестве взаимообусловленных естественно-исторических и антропогенных процессов.
- *Геобиоэволюционная функция,* которая заключается в том, что усадьба не просто вносит в пространство элементы культуры, но и является неким «экспериментальным полем» для эволюционных преобразований природной среды.
- *Информационная функция,* которая обуславливает возможность получения ценной информации об истории и закономерностях развития природной среды конкретной усадьбы.
- *Рекреационная функция,* которая обусловлена особенностями русских усадеб, которые, как правило, возводились на живописных природных ландшафтах, что формировало по-своему уникальную, а также эстетически и эмоционально окрашенную среду конкретной усадьбы. Традиционно русская усадьба была для её посетителей местом отдыха, творчества и вдохновения.
- *Образовательно-просветительная функция,* которая реализовывалась в процессе природопользования, хозяйствования и ландшафтоустроения[120].

Автор в данном случае опускает экономическую функцию усадьбы, которая была в числе основных в Псковской губернии, так как большую часть псковских владельцев составляло среднепоместное и мелкое дворянство.

Характерными чертами русской усадьбы являлись: монологичность, воплотившая собственные взгляды и представления владельца о рае на земле и тяготение к замедленному стабильному ритму жизни, цикличность модели

[120] Калита С. П. Функциональные аспекты феномена русской усадьбы // Русская усадьба XVIII – начала XX века: проблемы исследования, реставрации и музеефикации. Тезисы докладов V научно-практической конференции. Ярославль, 2000. С. 5 – 6.

времени, понимание жизни как творчества, полифункциональность и синтетичность усадебной жизни и культуры[121].

В плане архитектуры дворянские усадьбы никогда не повторяли друг друга, каждая из них была всегда уникальна и оригинальна, несмотря на типологическую схожесть с другими усадьбами. Усадебные сооружения, как правило, делились на:

1) Жилые постройки – господский дом, флигели, домики для гостей и т. д.;
2) Хозяйственные постройки – амбары, скотные дворы, конюшни и т. д.;
3) Культовые постройки – церкви, часовни;
4) Культурно-эстетические сооружения – скульптуры, обелиски в парке.

Каждый усадебный ансамбль обычно имел какие-то характерные особенности в строении и расположении. В Псковской губернии встречались различные по планировке типы усадеб.

Во-первых, это были усадьбы, в которых находился господский дом, хозяйственные строения, порой и культовые сооружения (церковь, часовня). Одним из примеров подобной усадьбы является сельцо Михайловское Опочецкого уезда. Важнейшими документами, иллюстрирующими местоположение и внешний облик усадьбы, являются план, выполненный в 1786 г. при генеральном межевании земель, и рисунок псковского землемера И. С. Иванова 1837 г. На рисунке видно, что южный фасад дома выходил на парадную часть усадьбы. Это был значительный по площади прямоугольник, ограниченный зданиями служб. Из «Описи сельца Михайловского» 1838 г. известно, какие строения находились на усадьбе помимо господского дома. Рядом с домом был выстроен флигель, в одной половине которого была летняя комната, а во второй – господская мыльня, напротив находились: здание кухни, вотчинная контора и жилой флигель, т. н. «дом приказчика». Также на усадьбе были различные хозяйственные постройки: два хлебных амбара, сарай для экипажей, сенной сарай, два скотных двора с четырьмя хлевами, две людские избы, птичий двор с

[121] Культура и быт России с древнейших времен до XX века. М., 2009. С. 109.

двумя избами, гумно, баня людская[122]. В начале центральной еловой аллеи была выстроена часовня. Подобной планировки усадьбы были в Голубово, Сухопольцево, Александрово (Островский уезд), Глубокое, Тригорское (Опочецкий уезд) и т. д.

Во-вторых, это были усадьбы, где наряду с домом помещика, хозяйственными строениями находились крестьянские избы. Примером такой усадьбы являлось с. Туховик Псковского уезда. Небольшое имение, принадлежавшее семейству Яхонтовых, располагалось на живописном скалистом берегу реки Великой. Деревянный барский дом был соединен с домашней православной церковью, неподалёку от дома был заложен парк и разбит сад. На территории усадьбы были разные хозяйственные постройки и несколько крестьянских домов.

В-третьих, встречались в Псковской губернии усадьбы, в которых находились только избы дворовых и хозяйственные строения, а господский дом помещика отсутствовал. Примером такой усадьбы являлось сельцо Киверово Порховского уезда, принадлежавшее П. А. Кожину. В документе говорилось: «В сельце Киверово находится людской флигель и прочие деревянные строения, рогатый скот, лошади, птицы…»[123].

Из-за фрагментарности архивных данных достаточно сложно определить, какова же была численность усадеб в Псковской губернии в начале XIX в. С давних времен на Руси главным капиталом была земля, и именно земельное владение в первую очередь учитывалось государством. Количество имений (земельных владений) никогда не совпадало с количеством усадеб, так как помещик, являясь владельцем нескольких близлежащих или разбросанных по удаленным губерниям имений, не имел надобности, а порой и средств, отстраивать господский двор в каждом из них, возлагая надзор за владениями на доверенных лиц.

По данным отчётов уездных предводителей дворянства псковскому

[122] Летописи государственного литературного музея. Архив опеки Пушкина. Кн. 5. М., 1939. С. 272.
[123] РГИА. Ф. 383. Оп. 11. Л. 2.

губернскому предводителю дворянства 1838 г. известно, что в трёх уездах Псковской губернии из восьми числилось 550 усадеб. В Опочецком уезде – 284 усадьбы, в Новоржевском уезде – 141 усадьба и в Порховском уезде – 125 усадеб[124]. На численность усадеб оказывали влияние ряд факторов: географический, экономический, климатический, а также культурный уровень провинции[125].

Русское дворянство было сословием душе- и землевладельцев. Владение поместьями и крепостными крестьянами составляло сословную привилегию дворян и было внешним признаком богатства и общественного положения. По имущественному положению различались мелкопоместные, среднепоместные и крупнопоместные дворяне.

Б. Н. Миронов в своей работе приводит следующую стратификацию дворянства на основании числа крепостных крестьян:

1) Крупнопоместные дворяне (от 100 и более крепостных крестьян);

2) Среднепоместные дворяне (от 21 до 100 крепостных крестьян);

3) Мелкопоместные дворяне (менее 20 крепостных крестьян)[126].

В Псковской губернии преимущественно были сосредоточены имения средних и мелкопоместных дворян. По данным Военно-статистического обозрения, в 1852 г. имений свыше 1000 душ в Псковской губернии насчитывалось не более 20[127].

Таблица 1.

Соотношение количества помещичьих имений и крепостных крестьян в Великолукском уезде, 1852 г.

Число душ во владении	Число имений	%
От 1000 и более	1	0,28
От 500 до 700	3	0,85
От 100 до 500	78	22,03

[124] ГАПО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 569. Л. 13, 15, 20.
[125] Полякова М. А., Савинова Е. Н. Русская провинциальная усадьба XVII – начало XX века. М., 2011. С. 44.
[126] Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи. СПб., 2000. С. 86.
[127] Военно-статистическое обозрение Псковской губернии…СПб., 1852. С. 234.

От 50 до 100	73	20,62
От 25 до 50	110	31,07
Менее 25	89	25,14
Итого:	**354**	**—**

Источник: Военно-статистическое обозрение Псковской губернии…СПб., 1852. С. 234 – 236.

Как видно из таблицы 1, в Великолукском уезде 77 % имений принадлежало средним и мелкопоместным дворянам. Лишь одно относилось к крупным владениям. В Псковском уезде, по данным Военно-статистического обозрения, было мало помещичьих имений, но соразмерность величины имений была близка к соразмерности Великолукского уезда[128].

В упомянутом обозрении говорилось: «Новоржевский уезд, по соразмерности дворянских имений, более других приближается к Великолукскому. В Порховском уезде было больше крупных и мелких, чем средних дворянских имений. В Торопецком и Холмском уездах не много имений средней величины, но много мелкопоместных»[129]. Всего в Торопецком уезде значилось 448 имений[130].

Таблица 2.

Соотношение количества помещичьих имений и крепостных крестьян в в Торопецком уезде, 1852 г.

Число душ во владении	**Число имений**	**%**
От 1000 и более	—	—
От 500 до 700	—	—
От 100 до 500	48	10,71
От 50 до 100	120	26,79
От 25 до 50	280	62,5
Менее 25	—	—
Итого:	**448**	**—**

[128] Военно-статистическое обозрение Псковской губернии…СПб., 1852. С. 235.
[129] Там же. С. 234.
[130] Там же. С. 235.

Источник: Военно-статистическое обозрение Псковской губернии…СПб., 1852. С. 235 – 237.

Из таблицы 2 следует, что в Торопецком уезде 89% имений относились к среднепоместным, крупных не было вовсе. В Опочецком и Островском уездах было много мелкопоместных имений. В обозрении указано, что «средних имений в обоих уездах менее чем в Великолуцком, имений же более 500 душ почти тоже количество»[131].

Таблица 3.

Соотношение количества помещичьих имений и крепостных крестьян в Островском уезде, 1849 г.

Число душ во владении	**Число имений**	**%**
От 1000 и более	—	—
От 500 до 700	5	2,4
От 100 до 500	35	17
От 50 до 100	53	25,6
От 25 до 50	34	16,4
Менее 25	80	38,6
Итого:	**207**	**—**

Источник: ГАПО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 44. Л. 2 – 24.

Сведения приведённой таблицы подтверждают заключение, высказанное полковником Семекой в Военно-статистическом обозрении. Таким образом, 80,6 % имений в Островском уезде можно отнести к средним и мелкопоместным. Считаю, что данные за 1849 г., уместно использовать, т. к. за три года в Островском уезде количество помещичьих владений значительно не увеличилось.

Ещё одним подтверждением того, что в Псковской губернии в середине XIX в. большинство составляло среднее и мелкопоместное дворянство, являются сведения Памятной книжки для Псковской губернии на 1853 год. Помещиков в 1853 г., имеющих населенные земли в губернии, значилось 2610 человек. Из них 2 191 помещик в своём владении имел менее 100 душ крестьян м. п.[132] Из этого

[131] Военно-статистическое обозрение Псковской губернии…СПб., 1852. С. 235.
[132] Памятная книжка для Псковской губернии на 1853 год. Псков, 1853. С. 120.

следует, что 84 % помещиков Псковской губернии относились к категории средних и мелкопоместных.

Таблица 4.

Количество помещиков и крепостных крестьян в расчёте на одного владельца, 1853 г.

Число душ во владении	**Количество помещиков**	**%**
От 1000 и более	3	0,1
От 500 до 1000	31	1,2
От 100 до 500	385	14,7
Менее 100	2191	84
Итого:	**2610**	**—**

Источник: Памятная книжка для Псковской губернии на 1853 год. Псков, 1853. С. 120.

Как видно из приведенной таблицы, лишь 16 % помещиков можно отнести к среднепоместным, а владельцев крупных имений был всего 0,1 %.

Внимание к величине помещичьих имений обусловлено тем, что зачастую от показателя состоятельности дворянина зависела повседневная жизнь, быт благородного сословия.

1. 2. Система повседневного управления имениями Псковской губернии

Для изучения повседневной жизни провинциального дворянства необходимо исследование проявлений личности дворянина в производственной культуре его имения. Необходимо знать, как именно помещиком был организован порядок в усадьбе, какими принципами он руководствовался. Ведь управление имением являлось важнейшей составляющей образа жизни дворянина, занимало значительную часть его времени.

Провинциальная усадьба являлась не столько культурным, сколько административно-хозяйственным центром. Имение дворянами рассматривалось зачастую как основной источник дохода, поэтому они, по-возможности, старались грамотно наладить хозяйственную деятельность в своих владениях. Ведение хозяйства для большинства дворян было повседневным занятием – ведь они жили благодаря «натуральному продукту».

В начале XIX столетия в Псковской губернии были дворяне разного достатка и состояния. Одни из них постоянно жили в своих владениях, другие же имели возможность зимой уезжать в столицу, либо в губернский город и лишь весной возвращаться обратно. Категория дворян, постоянно проживающих в губернии, была многочисленной, так как основную массу дворянства в

означенный период составляло мелкопоместное[133], имеющее до 100 душ крепостных крестьян. После службы они обычно поселялись в имении, нередко самостоятельно ими управляли. Уезжали на зимний период из усадьбы чаще всего дворяне среднего и высокого достатка, которые могли себе это позволить, число крепостных у них обычно достигало 100 и более душ. Были и такие представители высшего сословия, которые практически не появлялись в своих имениях и не жили в усадьбах, но получение доходов с имения гарантировали им благосостояние и высокий личный статус. Это были дворяне, имеющие от 500 и более 1000 душ крестьян. В Псковской губернии таких владельцев в конце 50-х гг. XIX в., по данным десятой ревизии, было 67[134].

В средних и крупных имениях Псковской губернии за делами следили управляющие. Это были лица, как правило, свободные, они нанимались к помещику на определённое время, поэтому с ними заключались условия, в которых прописывались обязанности и срок службы. В некоторых наиболее крупных имениях могло быть несколько управляющих, и вводилась иногда должность главного управляющего. В небольших имениях должности управляющего могло и не быть вовсе, его функции выполнял приказчик, староста или бурмистр. Приказчик – это доверенный представитель помещика, нанятый по договору. Старостой являлся крестьянин, избираемый сельским сходом, который также мог выполнять административно-полицейские обязанности в вотчине. Бурмистром был крестьянин, который выполнял функции управляющего во владении помещика[135]. Иногда в усадьбах имелись специальные штатные расписания с перечнем обязанностей каждого дворового.

Обращение к материалам помещичьих инструкций, наставлений, предписаний может дать вполне определенное представление о механизме регулирования жизни в конкретном имении. В XVIII в. различного рода наставления и инструкции были довольно распространенным документом, в начале XIX в. они встречаются, но реже.

---

[133] Дейч Г. М. Крестьянство Псковской губернии в конце XVIII и первой половине XIX вв. Псков, 1957. С. 19.
[134] Дейч Г. М. Крестьянство Псковской губернии в конце XVIII и первой половине XIX вв. Псков, 1957. С. 19.
[135] Полякова М. А., Савинова Е. Н. Русская провинциальная усадьба. XVII – начало XX века». М., 2011. С. 120.

Рассмотрим, что же входило в обязанности управляющего на примере условий, заключённых княгиней Татьяной Васильевной Васильчиковой, владелицей имений в Псковской и Новгородской губерниях, с её управляющим. Договор был составлен 27 апреля 1857 г. Управляющим имением Рвы Порховского уезда Псковской губернии являлся лифляндский гражданин Фёдор Фёдорович Шульц. Известно, что он ведал делами как в псковских, так и в новгородских владениях Васильчиковых.

Во-первых, в условии чётко оговаривался срок службы управляющего: «…обязуюсь я Шульц управлять имением Ея Величества состоящим Новгородской губернии и уезда селом Выбитями с деревнями и Псковской губернии Порховского уезда с селом Рвы с деревнями в течение пяти лет…»[136]. Из этого документа известно, что управляющий был обязан следить за проводимыми сельскохозяйственными работами, за порядком в среде крестьян, оберегать собственность хозяев и отчитываться в установленные сроки о выполненных работах. В документе говорилось, что управляющий должен «всех крестьян и дворовых людей содержать в надлежащем повиновении, дабы первые прилежали к земледелию и к доброму устройству собственного им домоводства, а вторые к точному исполнению возложенных на каждого должности, всех же вообще направлять благоразумными мерами к благочестивому поведению, иначе не покорных и буйственных смирять приличными наказаниями»[137]. Управляющий должен был строго следить за движением денежного капитала и хлеба в имении, «дабы не подвергалось потери, вреду, а наипаче похищению»[138]. Он следил за тем, чтобы «вольные работники принятые или имеющие поступить впредь в вотчину для производства работ по контрактам в точности по оным исполняли свои обязанности»[139]. Также в документе оговаривался вариант досрочного освобождения управляющего от занимаемой должности. Если это желание самого управляющего, то он должен предупредить о своём намерении за три месяца и

[136] РГИА. Ф. 651. Оп. 1. Д. 1232. Л. 19.
[137] Там же. Л. 19.
[138] Там же. Л. 19.
[139] Там же. Л. 19.

сдать все дела, весь капитал другому лицу. В случае увольнения управляющего по желанию помещицы, выплачивалось жалование и «сколько чего по расчёту на основании сего условия причитаться будет»[140].

Помещик, находящийся вне своих владений обычно поручал управляющему ведение приходно-расходных книг, в которых фиксировались все хозяйственные операции. В конце года составлялся годовой отчёт о доходах и расходах денег, всех предметов и урожаев. В течение года по каждому распоряжению и делу, относящемуся к должности вотчинного начальства, управляющий должен был давать полный и подробный отчёт.

Дворянин, уезжая на время из имения, управляющим лицам обычно оставлял инструкции по ведению хозяйства. Алексей Николаевич Вульф, помещик Опочецкого уезда Псковской губернии, в июне 1859 г., уезжая из Тригорского в село Малинники Тверской губернии, на период своего отсутствия оставил вотчинной конторе приказания, касавшиеся различных сфер деятельности в имении. Он подробно излагал требования к разным работникам на усадьбе, к старосте, бондарям, столярам, плотникам, мельникам, кузнецу, пастухам, дворовым и т. д.

Условно приказания А. Н. Вульфа можно разделить на 5 направлений. Первая группа наставлений касалась ремонтных и строительных работ на усадьбе. «Ни какое строение в деревне не должны без позволения чинить ни старое, ни строить новое; перекрыть скотные избы и вставить новые окна; в магазине заделать окна и под полом; в хлевах починить потолки и крышу; в старом погребе починить пол и подмазать фундамент…»[141]. Вторая группа наставлений была посвящена организации сельскохозяйственных работ на полях. «Снять рожь после Успения; убирать рожь как можно раньше, как только начнет поспевать, ежели в то время покос не будет ещё кончен, то косить нужно, а бабам жать; жать как можно ниже и снопы вязать мелкие; ставить скирды с хлебом на поле, а не возить их в село…»[142]. Следующая группа наставлений касалась работ, проводимых в

[140] Там же. Л. 19.
[141] ИРЛИ РО. Ф. 244. Оп. 3. Д. 23.027. Л. 99 –100 об.
[142] Там же. Л. 99 – 99 об.

саду и огороде. «В саду очистить ров за конюшнею от кустов и готовить гряды для ягод; вырубить суки между вишнями, а в свободное время окапывать яблони и груши старые содержать в чистоте…»[143]. Четвертая группа содержала наставления о сборе повинностей. «Весенния подушныя собрать по 2 руб. с сохи; от Шерника получить оброк за полгода и вызвать его сюда; с 1-го июня взять у священника работницу или 10 руб. серебром…»[144]. И к последней группе можно отнести наставления, касавшиеся распоряжений дворовым и крестьянам. «Из вотчины не должен ни один крестьянин отлучаться без позволения вотчинной конторы; больных барщинников всегда оставлять в селе, а дома никак не позволять оставаться; дворовым людям шить шубы из выделанных овчин тем которые в постоянной работе на дворе и которым их не шили четыре года, потом из сукна тканного шить кафтаны тем кому два года не шит»[145]. Из приказаний известно, что в вотчинной конторе с. Тригорского был заведен ежедневный журнал, в котором записывались различные происшествия. А. Н. Вульф требовал в случае беспорядков обязательно фиксировать их журнале, а при ослушании крестьян отправлять их в земский суд с запиской от Марии Ивановны Осиповой, сестры Вульфа. В начале января 1860 г. Вульф вновь уехал в Тверскую губернию и также даёт подробные распоряжения для управления имением на этот период. Он просит каждые две недели присылать ему выписки из журнала работ, проводимых в Тригорском, а каждый месяц высылать ведомости прихода и расхода денег[146]. Представленные документы позволяют убедиться в том, что данный помещик был в курсе всех дел в имении, вникал во все тонкости ведения хозяйства.

В имении Петра Артамоновича Кожина Бельское Устье Порховского уезда также находилось вотчинное управление. На усадьбе был полный штат необходимых работников. Управляющий ведал всеми делами в имении. В 1855 г. управляющим числился господин Полевков, который получал годовое денежное жалование размером 416 рублей 65 копеек, при этом ему полагалась столовая провизия на сумму 100 руб. 35 коп. Помогал управляющему в хозяйственных

[143] Там же. Л. 99.
[144] Там же. Л. 99.
[145] ИРЛИ РО. Ф. 244. Оп. 3. Д. 23.027. Л. 99 – 104.
[146] Там же. Л. 104.

делах бурмистр. Делами в саду занимался садовник Харборт, получавших в год 137 руб. 56 коп. Он также имел право пользоваться провизией из кладовой. В имении работали: кузнец, слесарь, два токаря, девять столяров и три их ученика, два резчика, обойщик, маляр, сапожник, доктор и фельдшер, караульщик, церковный сторож, учитель дворовых детей, ключник и ключница[147].

В Псковской губернии были представители дворянского сословия, которые особо не утруждали себя хозяйственными заботами. К их числу можно отнести новоржевского помещика Дмитрия Николаевича Философова. Он постоянно жил в своем имении Богдановское, но мало интересовался хозяйственными делами, по отношению к крестьянам проявлял властность и деспотичность. Философов считал, что дворянину не следует усердно заниматься хозяйственными делами. «Если же следить как следует за каждой получкой и за каждым расходом, то едва ли достанет сил и времени при самой неутомимой деятельности и то игра не будет стоить свечки и жизнь тяжелее последняго каторжника. Поверхностно, сколько возможно, приблизительно, щитать хозяину нужно, чтобы при неограниченной доверенности не в сильно разорительной степени быть обмануту. Неутомимо действовать просто сумасшествие. Умрешь, провоняешь, поневоле закопают»[148], – считал Д. Н. Философов. Поэтому в письмах к своим сыновьям он говорил о хозяйственных делах немного, но решительно. Так, в 1850 г., рассердившись на старосту Ладожской вотчины за неисправный оброк, он писал: «О тех же, которые, несмотря на его присмотр и неоднократное домашнее наказание при мире не исправятся, доносить мне, для их истребления вовсе. Собрав мир наказывать, но без увечья, до меня никаких дрязг не доводить. Я надеюсь, что старосте не придет охота любоваться на мой сад»[149]. В другом месте пишет: «Рекрут отправил. С большим затруднением мог отправить годных и принужден был уничтожить целое семейство»[150]. Ни в одном из своих писем к сыну Философов не выражает и мысли о крестьянском благоустройстве. «Только чисто помещичьи соображения о продаже дров и угодий, о доходах и оброках. Даже той

[147] ГАПО. Ф. 564. Оп. 1. Д. 23. Л.132 – 139.
[148] Тыркова А. В. Анна Павловна Философова и её время. Петроград, 1915. С. 18.
[149] Там же. С. 18.
[150] Там же. С. 18.

узко-хозяйственной точки зрения, которая заставляет собственника бережно относиться к инвентарю, живому и мертвому, не было в этом барине…»[151]. Анна Павловна Философова, вышедшая замуж за сына Д. Н. Философова, говорила о его отце как о богатом и сумасбродном помещике, который драл своих крепостных и назвал их не иначе, как «подданные люди», но и ввел в вотчине режим, вселивший там страх и ужас. Он требовал сообщать ему сведения о неплательщиках оброка для их истребления[152].

К числу дворян, имевших владения в Псковской губернии, но постоянно в них не живших, относился Дмитрий Васильевич Васильчиков, владелец имения Волышово Порховского уезда. Помимо Псковской губернии у Васильчикова были владения и в других уездах, поэтому в Петербурге находилась главная контора, в которую стекалась вся информация из имений. Волышовская контора подчинялась петербургской и управляла рядом населённых пунктов, в их числе: Дорогини, Железницы, Щенец и т. д. В конторе хранилась вся документация имения. В 1846 г. была выполнена опись «разным бумагам, находящимся при конторе села Волышова»[153]. В ней все документы были разделены на 16 связок. Это были разного рода приказы, проекты, описи земель, выписки, расчёты, ведомости, приходно-расходные книги, подворные описи, купчие крепости, ревизские сказки на все вотчины, рекрутские квитанции, разные документы о землях и письма.

Несмотря на то, что Васильчиков в своём имении бывал лишь наездами, он постоянный контроль над усадьбой осуществлял через своих посредников – управляющего и приказчика. Практически полвека в Волышово управляющим был Степан Тимофеевич Поляков. Он верой и правдой служил семье Васильчиковых, сначала отцу Васильчикова Василию Алексеевичу, а затем более пятнадцати лет управлял имением Дмитрия Васильевича. Из документов известно, что в 1845 г. приказчиком был Леон Матвеевич Конашевский, для которого были составлены наставления, рекомендации для работы. В них говорилось о необходимости почтительного отношения к управляющему С. Т.

---

[151] Там же. С. 27.
[152] Дейч Г. М. Крестьянство Псковской губернии в конце XVIII и первой половине XIX вв. Псков, 1957. С. 68.
[153] РГАДА. Ф. 1260. Оп. 2. Д. 122. Л. 40 – 43 об.

Полякову, который уже находился в преклонном возрасте. Владелец имения требовал исполнения в точности всех приказаний Полякова, настаивал на том, чтобы приказчик во всём помогал ему, но произволом не занимался. Васильчиков подчёркивал, что священным долгом приказчика является налаживание отношений между крестьянами, к которым он должен относиться совершенно справедливо. «Главное требую от тебя, чтобы ты был с дворовыми людьми и с крестьянами добр, входил бы в положение, каждого взывал бы справедливым образом»[154]. В случае необходимости, разрешалось прибегать к наказаниям крестьян, но не более 25 ударов розгами. Собственноручно наказывать крестьян приказчику Васильчиков запрещал, опасаясь того, что он в порыве гнева может изувечить человека. В подобном случае приказчик был бы наказан по приговору суда[155].

Владелец был в курсе всех хозяйственных дел в имении. Ведомости о приходах и расходах денег ежемесячно отправлялись Поляковым в Петербург. Дмитрий Васильчиков и его жена вели переписку с управляющим. В письмах Поляков отчитывался по разным вопросам. Это были сведения о сборе оброка, о работах на полях, заготовке столовых припасов и т. д.

В одном из писем управляющего содержалась информация о том, что крестьяне неисправно платят оброк и его хватает только на жалование. В письме от 5 июня 1846 г. Степан Тимофеевич сообщал Васильчикову о хорошей всхожести озимых и яровых. В итоге в августе нажали четыре тысячи снопов ржи, с которых намолотили 32 ¼ четвертей. Причём погода в то время была очень жаркая, по словам Полякова, температура поднималась выше сорока градусов, отчего многие яровые хлеба посохли[156]. После завершения сбора урожая многие продукты отправлялись в Петербург. Управляющий сообщал о том, что в город были отправлены 5 штук арбузов, 50 штук персиков, 700 штук груш[157]. По приказанию Аделаиды Петровны, жены Васильчикова, были отправлены в

[154] РГАДА. Ф. 1260. Оп. 2. Д. 88. Л. 2.
[155] РГАДА. Ф. 1260. Оп. 2. Д. 88. Л. 2.
[156] РГАДА. Ф. 1260. Оп. 2. Д. 115. Л. 35.
[157] Там же. Л. 38.

Петербург различные вещи: «пять картин, китайские ковры, самовар, у которого кран попорчен, планы лесных дач от землемера и крупы разных сортов»[158].

В августе 1846 г. в управлении имением произошли изменения. Так как Степан Тимофеевич находился уже в почтенном возрасте, на его место был назначен Александр Иванович Пустодомов. Сохранилось наставление новому управляющему, составленное Васильчиковым. В нём оговаривался размер жалования Пустодомова (400 рублей серебром в год), ему разрешалось пользоваться всеми домашними продуктами. Александру Ивановичу нужно было сделать подробную опись всего имущества, что и было выполнено к концу года. В наставлении Дмитрий Васильевич подчёркивал, что главное в работе управляющего – это содержание в хорошем состоянии имения. Управляющему необходимо было в ходе своей деятельности добиваться «умножения дохода и уменьшения расходов»[159]. «Между тем должен тебе сказать, – писал Васильчиков управляющему, – что я делаю большие издержки на Волышово по разным статьям от чего и приход Волышовский слишком умерен, таким образом имение, составляющее более тысячи душ, мне весьма мало доходу доставляет, твоя обязанность есть хлопотать, чтобы тебе приобретать для меня более выгод»[160]. Пустодомов также должен был заботиться о росте благосостояния своих крестьян, обращаться с ними, как «отец семейства и христианин»[161]. Прежнему управляющему назначалась пенсия 115 рублей серебром в год, причём Васильчиков требовал уважительного отношения к Полякову, как со стороны управляющего, так и со стороны крестьян. Жильё Александру Пустодомову предоставлялось во флигеле, напротив стряпчей, который должны были отремонтировать. Послужить у Васильчикова ему пришлось недолго, так как он серьёзно болел. На его месте уже в 1855 г. значился другой управляющий, Дмитрий Игрунов. В апреле 1855 г. Васильчиков Игрунову в одном из писем даёт очередные распоряжения по имению. «Старайся неустанно заботиться о хорошей обработке земли и севом яровых полей, нужно непременно употребить все меры,

[158] Там же. Л. 1.
[159] РГАДА. Ф. 1260. Оп. 2. Д. 123. Л. 1.
[160] РГАДА.Ф. 1260. Оп. 2. Д. 188. Л. 9.
[161] РГАДА. Ф.1260. Оп. 2. Д. 123. Л. 1.

чтобы земля давала нам лучший урожай, что будет доставлять мне более доходу, сия отрасль хозяйства есть главная управляющего»[162].

Все приказания князя Васильчикова фиксировались в книге распоряжений по порховскому имению, а также в журналах для записи предписаний по Волышовской конторе. В книгу распоряжений ежемесячно вносились указания с интервалом в две недели, а нередко в 3 – 5 дней. Журналы содержали различные инструкции, памятные записки, а также настойчивые рекомендации князя для управляющих лиц. Распоряжения владельца касались всех сторон жизни усадьбы.

Особое место отводилось вопросам продажи зерновых культур. Часто встречались указания, касающиеся ремонта соседней церкви, то и дело попадались упоминания об отправке материалов для церкви, установке иконостаса, ремонта крыши. Так как Дмитрий Васильевич был заядлым охотником, то часто встречались указания о содержании лошадей и собак. Без ведома князя в Волышово не сажали даже цветы. В одном из распоряжений владелец писал: «Приказать садовнику, чтобы он рабатки цветочные, кои существуют против церкви уничтожил и посеял клевер… приказать садовнику чтобы он разводил как можно более белые в горшках гортензии»[163]. На усадьбе помимо гортензий и георгинов украшали клумбы у дома такие цветы, как флоксы, вербены, петунии, резеда[164].

Хозяйство в Волышове было большое, что требовало наличия специальных людей. Так, помимо управляющего хозяйственными делами и дворовых людей в имении были: управляющий конюшнями, кучера, конюхи, огородники, садовники и т. д. Дмитрием Васильчиковым для садового мастера была разработана отдельная инструкция. В ней оговаривались обязанности садовника, который должен был содержать оранжерею и фруктовые деревья в чистоте и порядке, заниматься разведением растений, прививать деревья, разводить в парниках дыни и арбузы, да так, чтобы они созревали к августу месяцу. В инструкции говорилось: «Фрукты, цветы и овощи припускать с расчетом времени, дабы в начале августа

[162] РГАДА. Ф. 1260. Оп. 2. Д. 261. Л. 8.
[163] РГАДА. Ф. 1260. Оп. 2. Д. 188. Л. 7.
[164] РГАДА. Ф. 1260. Оп. 2. Д. 246. Л. 1.

оныя поспевали имея в виду, что я в оном месяце приезжаю в деревню»[165]. На грядках должны были расти малина, крыжовник, красная и черная смородина. Садовый мастер находился в полном подчинении управляющего, которому должен был доносить обо всех производимых им делах. В 1857 г. садовым мастером в Волышове был человек по фамилии Петров, с которым Васильчиков заключил условия службы садовника. В нём оговаривался размер жалования, оно составляло 200 руб. серебром в год, ему назначалась квартира и работница. Если садовнику необходимо было покинуть имение, то он должен был предупредить об этом управляющего. «Моя обязанность будет награждать тебя буде я буду тобою доволен, а в противном случае буду иметь право тебе отказать мне служить, когда я буду тобою не доволен»,[166] – сообщал Д. В. Васильчиков.

Даже небольшая часть сохранившейся документации, находившейся при конторе с. Волышово, а также часть переписки Д. В. Васильчикова с управляющими лицами даёт возможность убедиться в том, что долгое отсутствие помещика в имении в течение года не мешало ему осуществлять контроль над всем, что в нём происходило. Налаженная князем система управления в усадьбе позволяла ему получать стабильный доход с имения и поддерживать достойный уровень собственного благополучия.

Некоторые дворяне, имевшие владения в Псковской губернии, годами не появлялись в них, а управление имениями осуществлялось только через уполномоченных лиц. К их числу относился граф Степан Фёдорович Апраксин, которому принадлежали владения в Порховском уезде, в частности село Зарабочье. В этом селе находился господский дом с садом и огородом, скотный двор с хлевами, амбары, рига, гумно, вероятно, и крестьянские избы. Староста следил за должным состоянием этого хозяйства, а также за исправностью выплат оброка и других повинностей. Сохранились предписания Апраксина старосте. Распоряжения его в основном касались финансовых вопросов. Главным для Апраксина было своевременное получение оброка и денег от реализации

[165] РГАДА. Ф. 1260. Оп. 2. Д. 261. Л. 88 об.
[166] РГАДА.Ф. 1260. Оп. 2. Д. 261. Л. 89.

различного рода продукции, будь то продажа хлеба или скота. Так, в одном из предписаний от 19 июня 1839 г. владелец требовал: «1) На господских полях озимой и яровой хлеб в своё время убрать и обмолотить; 2) пообмолотить весь хлеб, солому и проч., продать по выгодным ценам и вырученные деньги выслать мне; имеющийся в господской экономии рогатый скот так же продать и деньги выслать мне и 4) за тем всю бывшую в господской экономии пахотную землю и луга отдать в распоряжение крестьян; и огород и сад при господском доме оставить по-прежнему в заведовании экономии»[167]. С. Ф. Апраксин был требовательным помещиком, по его инициативе за четыре года с 1839 по 1843 гг. в селе сменилось три старосты. Так, управление старосты Ивана Герасимова не устраивала владельца. Деньги он высылал с опозданием, о чём неоднократно упоминалось в письмах Апраксина: «Вот уже и октябрь месяц в половине, а я от тебя не только следующего с зарабочевских крестьян за сей 1842 год оброка 4000 р. но и не досланных за минувший 1841 год 247 р. ассигнациями доселе не получал»[168]. Вскоре Апраксин обратился к своему управляющему Якову Регелю, с тем чтобы тот провёл разбирательство в с. Зарабочье и, в случае необходимости, заменил одного старосту на другого, более честного и усердного крестьянина. Сам управляющий должен был собрать с крестьян оброк за 1843 год – 4 тысячи руб., продать хлеб и вырученные деньги выслать С. Ф. Апраксину. Выполнив поручение, управляющий письменно отчитался о проделанной работе. Из отчёта следовало, что село Зарабочье находилось в плачевном состоянии: скотного двора не было, обветшали многие постройки, рига из-за ветхости была отдана крестьянину. Без согласования с владельцем староста Иван Герасимов продал господский дом крестьянину за 51 руб. и амбар на слом, роща была отдана всему миру за 3060 руб. В результате староста был снят со своей должности и мирским обществом выбран новый.

Среди документов по этому делу имеются рекомендации С. Ф. Апраксина новому старосте для ведения хозяйственных дел в селе. «По нахождению твоему

[167] РГИА. Ф. 887.Оп. 1. Д. 86. Л. 3.
[168] РГИА. Ф. 887. Оп. 1. Д. 86. Л. 17.

старостой в моём имении селе Зарабочье Порховского уезда, я поручаю тебе управление сим имением на следующих основаниях:

1. Производить по имению всякие хозяйственные заведения и распоряжения, какие потребуются по моим разрешениям;

2. Собирать все вообще доходы и высылать ко мне в Петербург;

3. Отправлять с точностью все повинности как то: податные, земские и рекрутские, получая на своё имя квитанции во взносе денег и в сдаче рекрут;

4. Содержать крестьян в должном послушании за неповиновение, буйство и другие нетерпимые поступки подвергать их по степени вины домашнему наказанию или представлять для этого в местную полицию;

5. Выдавать крестьянам в нужных случаях паспорты и проходные билеты;

6. По условиям и коммерческим делам о крестьянам защищать права их и ходатайствовать так как бы я исполнял это сам;

7. В случаях спорных и тяжебных дел относящихся не лично до крестьян, а собственно до моего имения, немедленно относиться ко мне и ожидать от меня разрешения, кто уполномочен будет участвовать в деле. Во всём вышеизложенном я тебе верю и что будет учинено тобой законно, спорить и прекословить не буду»[169]. Апраксин рассматривал свои порховские владения лишь как источник дохода, а состояние проживающих в его владениях крестьян всё ухудшалось.

Таким образом, управляющие лица в дворянских имениях занимали довольно выгодное положение, получали жалование, чаще всего, жили в отдельном флигеле на господских харчах.

Управление имением не всегда было эффективным в случае отсутствия помещика в своих владениях, так как среди управляющих лиц встречались люди неблагонадёжные, недобросовестно относившиеся к своим обязанностям. Поэтому часто владельцы в выборе управляющих отдавали предпочтение иностранным лицам, чаще всего немцам, шведам, выходцам из Прибалтики. Например, в имении помещицы Ольги Беклешовой Островского уезда

[169] РГИА. Ф. 887. Оп. 1. Д. 86. Л. 95.

хозяйственной экономией занималась шведская подданная[170], в имении помещицы Осиповой в с. Тригорское Опочецкого уезда управляющим был немец Дрейер. Помещики надеялись на их честность, аккуратность, рачительность и щепетильность. Но не всегда эти ожидания оправдывались. Иностранцы, обладая некими навыками, заимствованными из европейской сельской культуры, не редко не могли разобраться в особенностях жизни русской деревни, русского крестьянина[171]. Многие из управляющих-иностранцев злоупотребляли своим положением, жестоко обращались с крестьянами и воровали. В 1834 г. Прасковье Александровне Осиповой пришлось уволить управляющего Дрейера за воровство. Об этом инциденте упоминает в своём дневнике А. Н. Вульф: «Дрейер в Тригорском украл одними деньгами на 10 тысяч... управители мошенничают, и нет надежды, чтобы дела наши поправились»[172]. Действительно, нередко доверенные лица обманывали своих владельцев. Так, Н. И. Павлищев, зять А. С. Пушкина, после смерти Н. О. Пушкиной приехав в Михайловское в 1836 г. обнаружил, что управитель Рингель воровал. Изучив приходно-расходные книги, он выявил злоупотребления со стороны управляющего. Поэтому доходы от хозяйства были незначительными. В 1835 г. чистый доход составил 2000 рублей ассигнациями, а в 1836 году – 3000 рублей. «Обо всём составлены у меня подробные ведомости, из которых видно, что управитель, в прошлом году, батюшке дал 630 руб., в расход вывел 720 руб., а 3000 руб. украл. – Воровство страшное…»[173]. По выявлении этих злодеяний управляющий был уволен. Впоследствии, Павлищев дал следующие распоряжения: «Хлеб в амбаре перемерял и поручил старосте, сад с пчельником Архипу, птиц птичнице, скот скотнице под надзором Степаниды (по удою) и старосте (по корму)»[174]. В. Д. Философов, живя летом в с. Богдановское Новоржевского уезда, в дневнике отмечал: «братья начали делать отчёты хозяйственных книг, говорят, что ужасная

[170] ГАПО.Ф. 20. Оп. 1. Д. 1042. Л. 6.
[171] Полякова М. А., Савинова Е. Н. Русская провинциальная усадьба XVII – начало XX вв. М., 2011. С. 107.
[172] Любовный быт Пушкинской эпохи. Т. 1. М., 1994. С. 342 – 343.
[173] Мир Пушкина. Письма Ольги Сергеевны Павлищевой к мужу и к отцу.1831 – 1837. Т. 2. СПб., 1994. С. 222.
[174] Там же. С. 222.

безалаберщина»[175].

Жестокость иностранцев, понимаемая дворянами как требовательность, часто была причиной крестьянских недовольств. Нередко в Псковской губернии встречались случаи жестокого обращения со стороны управляющих лиц по отношению к крестьянам. Так, например крестьянину генерал-майора Штадена Корнилию Тимофееву пришлось пуститься в бега, потому что управляющий имением Бриммер применял по отношению к нему несправедливые и жестокие наказания. Управляющий наказывал его семь раз розгами до такого состояния, что крестьянина отвозили с места наказания. Это привело к ухудшению физического состояния крестьянина и к невозможности осуществлять тяжёлую работу. Крестьянин рассказывал, что первый раз его наказывали за то, что он «пролил в зале Бриммера сало; второй раз за то, что он отказал служанке вымыть котел, третий раз за то, что перед подъездом рассыпан был уголь и четвёртый раз, что пропали гусиные перья; пятый раз, что он, не будучи кучером, отвел лошадей Бриммера в конюшню; шестой раз за то, что лед перед крыльцом не был вырезан; седьмой раз за то, что мало принес моркови из огорода; восьмой раз разбил палкою голову и спину за то, что отвел телёнка в скотный двор»[176]. После этих избиений Корнилий Тимофеев бежал из деревни, но через несколько месяцев его поймали и привели к Бриммеру, который «бил его до того, что из зубов и носу выпущена была кружка крови, потом велел привязать его к телеге, и отослал в Дерпт к майору Штадену, брату их помещика…»[177].

Известно, что в имении Савкино Новоржевского уезда дворовые заковывались в железо и подвергались избиению другими дворовыми. Крестьянин Иван Сафонов свидетельствовал о том, что «сам он, Сафонов, закован был в те же железы в небытность г-на генерала Чеченского дома и содержался в оных железах девять недель за то, что брат его родной учинил побег»[178]. Наказанию подвергались и другие крестьяне, которые были впоследствии допрошены в ходе судебного разбирательства. Пострадавшие во всем обвиняли управляющего с.

[175] РГАЛИ. Ф. 1883. Оп. 1. Д. 6. Л. 47 об.
[176] ГАПО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 245. Л. 5.
[177] Там же. Л. 5 об. – 6.
[178] Узенев Э. А. Эпизод из жизни сельца Савкино, имения Чеченских // Псков. 2014. № 40. С. 144.

Савкино Богдана Бека, который творил произвол и самоуправство в имении. 17 мая 1833 г. господин Чеченский подал жалобу на управляющего, в которой обвинил его в расстройстве имения жены, жестоком обращении с крестьянами, «неотдании» ему отчёта об управлении имением Савкино. В этой жалобе Чеченский просил разобраться во всех противозаконных действиях управляющего и сообщил суду другие свидетельства его бесчинств. А именно: что бывший приказчик с. Савкино Ефим Макарьев, «битый управлющим Беком своеручно, лежал в параличе и без действия языка», а крестьянка, видевшая все это, была им же наказана розгами «за невыпрядку талек»; что дворовый Алексей Михайлов был по приказу Бека наказан розгами «за несвоевременную топку в господском доме печей»; что конюх Данила Ларионов также бит был розгами за то, что «кобылица господская выбросила жеребенка», и наказан столь жестоко, что с момента «сделался больным и по сие время не получил совершенного облегчения»[179]. Это были не единичные случаи произвола управляющих, документы пестрят подобными разбирательствами.

В каждом имении могли быть свои отличительные особенности в управлении, но в большинстве дворянских владений присутствовали управляющие хозяйством и, как правило, множество дворовых людей, а также штат прислуги для выполнения различных работ в самом доме и удовлетворения нужд семьи владельца усадьбы. Их количество и состав зависели от достатка дворянина, количества членов его семьи и размера хозяйства. Прислугу старались размещать вблизи от места их службы, о чем свидетельствовало наличие специальных помещений около хозяйских жилых комнат. Например, девичья, в которой женская прислуга занималась рукоделием, размещалась около спальни хозяйки. Рядом с кухней находилась комната повара и его ученика. Это обуславливалось еще и необходимостью иметь неподалеку прислугу для хозяйственных и бытовых нужд. Жилые комнаты дворовых людей располагались в непосредственной близости от их места службы. Например, кучера и конюхи ночевали в помещениях, смежных с конюшнями. Их жилье было снабжено

[179] Узенев Э. А. Эпизод из жизни сельца Савкино, имения Чеченских // Псков. 2014. № 40. С. 144.

необходимыми вещами и утварью. Обычно все жители также имели право на получение господских дров и продуктов животноводства, выплачивалось жалование в виде зерна и скота.

Таким образом, в Псковской губернии среди помещиков выделялись две группы владельцев. С одной стороны дворяне, управляющие своими землями самостоятельно. В Псковской губернии таких дворян было подавляющее число, так как большую часть «благородного сословия» губернии составляло мелкопоместное дворянство. Необходимости в привлечении управляющих лиц у них не возникало. С другой стороны, были дворяне, которые в силу занятности, наличия нескольких имений или частых разъездов передавали управление хозяйством в руки приказчика, управляющего или старосты. Переписка с управляющими по хозяйственным вопросам занимает существенное место в личных фондах Васильчиковых, Строгановых, Апраксина, Вульфа и т. д.

Рассмотренные инструкции и предписания управляющим лицам дают возможность выявить основные принципы управления псковскими помещиками в своих имениях. Для всех владельцев главной задачей являлось налаживание такой системы управления, которая позволяла бы получать постоянный доход с имения при небольших издержках. Немаловажны были личные качества управляющих лиц, так как они должны были своевременно и за хорошую цену сбывать продукты, выращенные в имении, следить за крестьянами и их благосостоянием. Все помещики без исключения рассматривали свои владения как основной или дополнительный источник дохода. С другой стороны, не все владельцы заботились о благосостоянии своих крестьян, поэтому уровень жизни многих крестьянских хозяйств лишь ухудшался. Но были и такие представители дворянского сословия, которые напротив старались поддержать своих кормильцев. В ряде инструкций это чётко прослеживалось. Князь Д. В. Васильчиков в наставлении новому управляющему требовал обращаться к крестьянам по-отечески и по-христиански, чтобы он «мог видеть, что благосостояние крестьян ежегодно поправлялось»[180]. И это объяснимо, ведь само дворянство было

[180] РГАДА. Ф. 1260. Оп. 2. Д. 123. Л. 1 об.

заинтересовано в сохранении жизнедеятельности буквально каждого крестьянского двора, так как разорение крестьян приводило к ухудшению состояния имения в целом.

1.3 Хозяйственная деятельность дворян Псковской губернии

Псковская губерния относилась к числу нечерноземных губерний России. Богатство этой земли составляли большие лесные массивы. Благоприятными были условия для выращивания льна. «Псковская губерния, по преимуществу, земледельческая; но по климату и местоположению, хлебопашество ея, в восточной половине, доставляет только небольшие избытки, а в западной половине, оно даже недостаточно для собственного потребления. За то в этой половине губернии родится прекрасного качества лен, составляющий богатство губернии»[181].

Дворянское хозяйство в большей степени являлось крепостным и носило натуральный характер. Состояние помещичьих хозяйств, во многом, зависело от размера владений и природно-климатических особенностей губернии.

Источники дохода в имениях могли быть разные: это продажа зерновых культур, рогатого скота, земли, доходы с огородов, получение оброка с крестьян и т. п.

На примере трёх помещичьих усадеб Псковской губернии были исследованы сведения о доходах и расходах помещиков в указанный период.

[181] Военно-статистическое обозрение Псковской губернии…СПб., 1852. С. 1.

Источниками такой информации являлись, прежде всего, отчетные ведомости о приходе и расходе денег, продуктов за определенный период, а также официальная переписка между управляющим (приказчиком) и хозяином.

Владельцев с. Тригорское Опочецкого уезда, семейство Осиповых и Вульфов, можно отнести к среднепоместному дворянству Псковской губернии. По данным на 1835 г. в распоряжении хозяйки имения П. А. Осиповой числилось 626 душ м. п.[182]. После её смерти имение унаследовали её дети: А. Н. Вульф и М. И. Осипова.

Из отчётных ведомостей прихода и расхода денег в с. Тригорском видно, что доход имению в 1853 – 1854 гг. приносила продажа продукции, выращенной на собственной земле. В Тригорском, как и во всей Псковской губернии, выращивали лён, рожь, овес, жито, горох. Такой ассортимент продукции был типичен и для других усадеб Псковской губернии, о чём свидетельствуют отчёты уездных предводителей дворянства, составленные в 1838 г. и отправленные Псковскому губернскому предводителю дворянства Николаю Ивановичу Крекшину.

Известно, что часть своего хозяйства А. Н. Вульф специализировал на разведении льносемян для продажи. В 40-е гг. XIX в. Вульф ежегодно посылал для продажи десятки пудов льносемян в экономическое депо при Московском обществе сельского хозяйства[183]. Из отчетов о приходе и расходе денег в с. Тригорском следует, что в 1853 г. больше всего дохода удалось собрать от продажи льна. В том же году хлеба было продано на 1020 рублей 50 копеек, а уже в следующем эта сумма увеличилась почти в 2 раза. Помимо этого, продавали овес, жито, горох, яблоки, сырые кожи и т. д. Сведения о сборе оброка встречаются изредка. В 1853 г. было собрано оброчных денег всего 146 рублей.

В приказаниях владельца А. Н. Вульфа за 1859 г. встречаются упоминания о том, что продавали и где реализовывали продукцию. В частности, для продажи в г. Остров отправляли рожь, продавали её по 7 руб. за четверть, горох по 8 руб. за четверть, лён по 40 руб. за берковец, а также ячмень и телят по весу по 4 коп. за

[182] ГАПО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 31. Л. 11.
[183] ИРЛИ РО. Ф. 244. Оп. 3. Д. 23012. Л. 133.

фунт[184].

По общему своему характеру рассматриваемое хозяйство было натуральным. На столе в Тригорском всегда были продукты собственного производства: фрукты, овощи и мясо. Какие-то продукты приходилась покупать. Из документов следует, что покупали и различные вещи: свечи сальные, а также стеариновые свечи, но в меньшем количестве, так как они стоили дороже сальных. В городе приобретали светильники, чернила, гербовую бумагу, сапоги, рукавицы, а также личные вещи для хозяев. В документах встречаются сведения, что в указанный период покупали калоши для Марии Ивановны Осиповой и Анны Николаевны Вульф, мыло для Анны Николаевны.

Основная часть расходов в 1853 г. была направлена на различные выплаты в государственные учреждения: опекунский совет, уездное казначейство. Значительная сумма средств выделялась владельцами имения для выполнения необходимых работ на усадьбе. Расходовались средства и на поддержание состояния дома, хозяйственных построек. В Тригорском большое внимание уделялось порядку. Все хозяйственные постройки постоянно ремонтировались, в хорошем состоянии находился и господский дом. О строительной деятельности в усадьбе подробную информацию дают «Словесные приказания» А. Н. Вульфа. Из них известно, что в 1854 г. в усадьбе «поправляли» амбар; в 1858 г. ремонтировали полы в каменной риге, на скотном дворе перекладывали печь, чинили в одном из амбаров полы и крышу. В 1859 г. перекрывали скотные избы и меняли в них оконные рамы, ремонтировали фундамент и полы в птичнике[185], чинили потолки и крышу в хлевах, в старом погребе чинили пол и ремонтировали фундамент[186]. В 1860 г. был построен новый ледник со струганным полом и деревянным потолком, внутренними перегородками и окнами[187]. Ремонты шли и в самом доме. В 1854 г. перестраивались крыльца, перестилались полы; в 1859 г. в доме менялись потолки, и чинилась крыша[188].

---

[184] Там же. Л. 110.
[185] Емелина О. В. Тригорское. Новые данные его истории // Михайловская пушкиниана. Вып. 6. М., 2000. С. 18
[186] ИРЛИ РО. Ф. 244. Оп. 3. Д. 23 027. Л. 99.
[187] Там же. Л. 99 – 110.
[188] Емелина О. В. Тригорское. Новые данные его истории // Михайловская пушкиниана. Вып. 6. М., 2000. С. 19.

Лечились больше сами, но приходилось тратить деньги на необходимые лекарства. В частности, приобретали нашатырь, минеральную воду, пиявок, промывательные трубки, в некоторых отчётах просто указывалась сумма, потраченная на лекарство в аптеке, но конкретно не указывалось какое это лекарство. Немало тратилось средств на транспортные и почтовые расходы. Часто ездили в Остров, Опочку, Псков, где иной раз приходилось обращаться к услугам извозчиков. Если предпринимались дальние поездки, то необходимо было покупать подорожную, на которую тратили от 3, 50 руб. до 5, 50 руб., в зависимости от расстояния.

Из отчётов следует, что в среднем годовой доход имения с 1853 по1855 гг. варьировался от 3 до 6 тысяч рублей. Причем, расход средств в 1853 и 1854 гг. превышал получаемый в имении доход.

На примере организации хозяйства в с. Бельское Устье Порховского уезда можно рассмотреть ещё один вариант распределения доходов и расходов в имении Псковской губернии. Село Бельское Устье принадлежало дворянскому семейству Кожиных. В селе находился господский дом, различные хозяйственные постройки, вотчинная контора. Также владения Петра Артамоновича Кожина до июля 1849 г. составляли земли, располагавшихся в Жедрицкой и Бельской части Порховского уезда: 2 села, 18 деревень и 9 пустошей. Впоследствии они были выкуплены казной за 69100 рублей серебром. В 1849 г. в них числилось 447 душ м. п. и 516 ж. п., работников же было 267 м. п., 300 ж. п[189]. Владения были обширные «земли по измерению оказалось пахотной 19212 десятин, под сенокос отводилось 9173 десятины, под усадьбами и огородами 48 десятин земли. Всего земельных угодий насчитывалось 33985 десятин, на душу приходилось 7,12 десятин, на двор 23,44 десятины»[190]. Крестьяне, проживающие в Бельской части были более зажиточны «как по их постройкам так и по одежде…»[191] В Жедрицкой части крестьяне довольно бедны, по причине обременительных повинностей. Таким образом, домохозяйств хорошего состояния во владении Кожина числилось

[189] РГИА. Ф. 383. Оп. 11. Д. 10596. Л. 104.
[190] Там же. Л. 101.
[191] Там же. Л. 107.

– 42, среднего – 39, бедного – 62. Основной статьёй дохода было получение оброка. В Жедрицкой части оброк взимался по 20 руб. серебром с тягла, три раза в неделю крестьяне также отбывали и барщину. В Бельской части, которая находилась в относительно благоприятной для земледелия местности, все деревни платили оброк, который был больше, чем в Жедрицкой части, 22 руб 86 коп. серебром с тягла. В виду выгодного географического положения, близости к г. Порхову, крестьяне продавали свежие продукты домашнего производства, например, творог, масло, доход от которого в определённой степени покрывал необходимые нужды в семейной крестьянской жизни. Продавали скот, мясо в соседние города: Порхов, Старую Руссу, Санкт-Петербург и Новгород. Главным занятием крестьян, по-прежнему, оставалось земледелие, но в некоторых деревнях в свободное от работы время они могли отправляться на заработки, которые являлись вспомогательным средством к уплате оброка и государственных податей. Среди крестьян были те, кто нанимался портным, кирпичником, коновалом, сапожником, плотником, чернорабочим, пчеловодом. Тех, кто уходил на заработки было немного, 38 человек. Большинство подрабатывали тем, что трепали лён и нанимались работать каменщиками. Таким образом, до 1849 г. значительный доход П. А. Кожину приносили владения в Жедрицкой и Бельской части уезда, ежегодно до 6500 тыс. рублей.

Из годового денежного отчёта конторы с. Бельское Устье Порховского уезда за 1854 г. известно, что в этот период в имении было несколько источников дохода.

Во-первых, продажа зерновых культур: овса, ячменя, гороха, льна и льняного семени. Эти же продукты шли на раздачу натуральной платы крестьянам. Во-вторых, получали доход от продажи продуктов, выращенных в оранжерее и на огороде. Продавали картофель, капусту, брюкву, сливы, абрикосы, яблоки и т.п.

Основной статьёй дохода по имению являлись доходы от земледелия. За счёт этой статьи удавалось компенсировать передержки. В итоге, приход, хоть и не на много, превышал расход. Таким образом, годовой доход имения в 1854 г.

составлял 9203 руб. 69 коп.

Денежные средства в имении, в основном, шли на оплату жалования различным лицам. Некоторым полагалось денежное жалование и провизия (снабжение продуктами). В частности, управляющий г-н Розе жалование получал в размере 67 руб. 6 коп, столовой провизии ему полагалось на 50 руб. 2 коп. Второй управляющий, г-н Экке, денежного жалования получал 97 руб. 22 коп и столовой провизии ему выдавалось на сумму 22 руб. 57 коп. Доктору, г-ну Никольскому, денежное жалование выплачивалось в размере 100 руб. и провизии на 18 руб. Помимо этого, жалование получали и другие работники: конторщик, духовенство, мастеровые, кузнец, слесарь, столяры, резчики, токарь, маляр, каменщик, мельник и другие. Также выделялись средства на приобретение необходимых материалов для проведения работ. Одной из статей расходов являлись дорожные расходы на переезды и подарки разным лицам, крестьянам в честь какого-либо православного праздника. В 1855 г. в связи со строительством нового господского (большого) дома, постройкой каменного флигеля и ремонта маленького господского домика расходовались средства на приобретение различных строительных материалов. Доход от имения в 1855 г. вырос по сравнению с предыдущим на 33%, т.е почти в 1,5 раза, и составил 12 252 руб. Расходы, соответственно, выросли и фактически поглощали указанный доход. К 1855 г., помимо винокуренного завода, в имении появился кожевенный завод, а позже – полотняная фабрика.

Судя по отчётным документам, кожевенный завод в с. Бельское Устье с каждым годом набирал обороты и увеличивал доход. Если в 1855 г. доход от работы кожевенного завода составил 125 руб. 38 коп., (причём затраты превышали прибыль более чем на 150 рублей), то уже в 1858 г. доход составлял 2227 руб. 71 коп. и превышал необходимые расходы на работу завода[192].

Имение Волышово Порховского уезда было гораздо больше и богаче выше упомянутых, но, несмотря на это, структура доходов и расходов в этом имении мало чем отличалась от других усадеб.

[192] ГАПО. Ф. 564. Оп. 1. Д. 23. Лл.150, 181.

По требованию князя Васильчикова управляющие лица должны были в с. Волышово вести так хозяйство, чтобы доход постоянно умножался, а расходы не возрастали. В реальности всё обстояло иначе. В одном из писем Васильчиков указывал на то, что доход волышовского имения, в котором числилось свыше 1000 крепостных крестьян, слишком умерен. Князь писал: «…твоя обязанность (т.е. управляющего — Ю. У.) есть хлопотать, чтобы тебе приобретать для меня более выгод; сам рассуди 3800 р. с. коих я от тебя получил суть ничтожный доход, от такового имения; надо тебе как можно более заботиться о продаже продуктов, которые бы пополнили делаемые наши расходы»[193]. Из письма управляющего имением Степана Полякова Васильчикову известно, что в 1844 г. волышовское имение дало доходу оброчной суммы 18 тыс. 700 руб., от продажи ржи – 3373 руб. 67 к., ярового хлеба – 5844 руб.25 коп. В имении содержались значительные стада рогатого скота. Численность коров в течение года варьировалась от 74 до 95 голов, молодых нетелей было 84. Также в имении выращивались овцы и свиньи. В особых условиях содержались породистые лошади, их насчитывалось в разные месяцы от 40 до 60 голов.

Основными статьями дохода являлись: сбор оброка, продажа хлеба, различных кож (коровьих, говяжьих), сельскохозяйственных продуктов, свинины, коровьего масла, и скота. Полученные средства отправлялись Д. В. Васильчикову в Петербург, а также расходовались на выплаты харчевых крестьянам, приобретение необходимых в имении продуктов (масло, свечи, мыло и т.д.), оплату дорожного проезда до Петербурга и на почтовые расходы. В Петербург отправлялись различные продукты. Например, в 1848 г. была составлена опись отправляемых из Волышова в Петербург продуктов и предметов, в том числе: варений, круп, ковров, сукон и мехов.

Таким образом, в вышеупомянутых помещичьих имениях в основном выращивали: простую рожь, простой ячмень, простой овес, а также жито, гречу, картофель, пшеницу, но в меньших количествах. В большинстве усадеб выращивался издавна введенный рогатый скот мелкой породы.

[193] РГАДА. Ф. 1260. Оп. 2. Д. 188. Л. 9.

Почти при каждой помещичьей усадьбе был фруктовый сад. В садах произрастали фруктовые деревья, свойственные здешнему климату. Это были разных сортов яблоки, дули, груши, сливы, вишни; ягодные кустарники: малина, смородина, крыжовник и барбарис. При некоторых помещичьих садах имелись оранжереи, в которых вызревали разные южные плоды. Садоводство существовало для домашнего потребления, но часть плодов, в сыром и сухом виде, шли на продажу внутри губернии и на вывоз в Санкт-Петербург. Самые большие сады доставляли хозяевам в год до 300 или 400 рублей серебром дохода. Плоды скупались большей частью приезжими торговцами. «Иногда от Холма отправляются на нескольких небольших барках (Осташевских) водою к С. Петербургу и частию сушеные плоды посылаются самими помещиками, зимним путем, в Петербург»[194].

Таким образом, эта продукция реализовывалась на рынке, что приносило дополнительный доход имениям.

Оброк, взимаемый помещиками был весьма разнообразен и во многом зависел от качества земли, предоставляемой крестьянам. Самый умеренный оброк считался от 8 до 10 руб. серебром с тягла. Но бывали оброки в 10 руб. серебром и более, принимая в расчет и некоторые натуральные повинности. В первой половине XIX в. в Псковской губернии встречаются следующие размеры оброка. В 1812 г. крестьяне опочецкого помещика Бухвостова указывали, что они платят помещику по 50 руб. с женатого крестьянина, 40 руб. с холостого. С крестьян также собирался столовый сбор: хлеб, яйца, масло, мед, грибы, ягоды и т.д. Помимо этого необходимо было отбывать барщину с каждого двора по два человека с лошадью в течение года[195]. Крестьяне порховского помещика А. Ноинского платили в 20-х гг. XIX в. 41 руб.50 коп., кроме того, должны были возить плитняк, лес и отбывать другие натуральные повинности. Крестьяне помещика Апраксина, того же уезда, платили в 20-х гг. в среднем по 44 рубля с ревизской души, но фактически размер платежа колебался от 46 до 250 рублей с

[194] Военно-статистическое обозрение Псковской губернии…СПб., 1852. С. 283.
[195] РГИА. Ф. 1286. Оп. 2. Д. 191. Л. 18.

души. У помещика островского уезда Л. Горяинова, часть крестьян находилась на оброке. По официальному исследованию, оброчные крестьяне платили по 100 руб. с тягла и, кроме того, должны были возить продукты помещика в Петербург. Известно, что С. Ф. Апраксин в 1839 г. освободил крестьян с. Зарабочье от запашки, заменив её на оброк. Таким образом, ежегодно староста должен был собрать с крестьян 4000, причём эта сумма делилась на две части, платить приходилось в январе и сентябре по 2000 рублей. Но практика показала, что эту сумму с трудом могли выплатить крестьяне с. Зарабочье. «Вот уже и октябрь месяц в половине, а я от тебя не только следующего с зарабочевских крестьян за сей 1842 г. оброка 4000 рублей и не досланных за минувший 1841 г. 247 рублей ассигнациями до селе не получал»,[196] – писал старосте Апраксин.

В 1843 г. Д. В. Васильчиков решил ввести в своих псковских вотчинах новый порядок взимания оброка. Если до этого времени налоговой единицей было тягло, то по новому положению величина оброка должна была определяться величиной земельного надела. С этой целью вся земля была разделена на четыре разряда: хорошая, средняя, плохая, луговая. Размер оброка устанавливался с десятины хорошей земли по 2 руб.50 коп. серебром, средней – 2 руб, плохой – 1 руб. 50 коп. луговой – 1 руб[197]. Кроме оброка крестьяне должны были платить и натуральные повинности. У помещика Новоржевского уезда Голубцова (с. Новое) было 170 крестьян, из которых часть крестьян платила 25 руб. оброка, а часть лишь 15 руб., но зато последние должны были, кроме оброка, обрабатывать у помещика 18 конных, 8 пеших и 16 женских дней летом и 10 конных дней зимой [198].

Представление о том, какие подати крестьянам приходилось платить, можно получить, обратившись к документам, связанным с владениями П. А. Кожина в Порховском уезде. Во-первых, крестьяне платили оброчную подать помещику, размер оброка с тягла составлял – 22 руб. 86 коп. Во-вторых, они платили подушную подать, которая составляла 95 коп. Сборы шли на обеспечение

[196] РГИА. Ф. 887. Оп. 1. Д. 86. Л. 17.
[197] РГАДА. Ф. 1260. Оп. 2. Д. 47. Л. 15.
[198] Дейч Г. М. Крестьянство Псковской губернии в конце XVIII и первой половине XIX вв. Псков, 1957. С. 49.

народного продовольствия, с каждой души по 3 коп. Существовали различные земские сборы (на содержание земской полиции, на устройство присутственных мест, на благородный пансион, на дворянский дом, попечителям, на ремонт дворянского дома) в итоге они получалось 92 коп.[199]

Но всё-таки основной формой отбывания повинностей в Псковской губернии была барщина, хотя имела место и смешанная форма, при которой совмещался оброк с барщинной работой. Примером смешанной формы могут служить имения П. А. Кожина в Порховском уезде и деревня Красица порховской помещицы Белавинской, где крестьяне кроме 20 руб. оброка, должны были отбывать 20 дней барщины с тягла[200].

В хозяйствах как крупных, так и среднепоместных усадеб было много общих черт, но были и свои особенности. Часть усадеб «кормилась» доходами от земледелия и продажи зерновых, в других значительное место в статьях дохода занимал оброк, получаемый с крестьян.

Из отчётов уездных предводителей дворянства Псковскому губернскому предводителю дворянства Николаю Ивановичу Крекшину известно, что на 1838 г. в Псковской губернии была распространена в помещичьих и крестьянских селениях трёхпольная система хлебопашества. Орудия обработки земли были традиционные: соха, борона, серп, коса. В помещичьих имениях выращивали в основном рожь, ячмень, овес, а также, жито, гречу, картофель, пшеницу, но в меньших количествах. В большинстве усадеб выращивался мелкой породы рогатый скот. По словам Опочецкого уездного предводителя дворянства «введение других пород до сего времени оставалось безуспешно»[201].

В связи с частыми неурожаями зерновых культур было принято решение увеличить посевы картофеля, который, в случае необходимости, смог бы заменить хлеб. С таким циркулярным предписанием 15 марта 1840 г. и обратился от имени императора управляющий министерством внутренних дел к уездным предводителям дворянства Псковской губернии. К письму также прикладывались

---

[199] РГИА. Ф. 383. Оп. 11. Д. 10596. Л. 107.
[200] Дейч Г. М. Крестьянство Псковской губернии в конце XVIII и первой половине XIX вв. Псков, 1957. С. 50.
[201] ГАПО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 569. Л. 14.

подробные наставления о разведении картофеля и наставления о заведении четвертого (овощного поля). Сохранилось несколько отчётных ведомостей составленных уездными предводителями дворянства о посеве и урожае картофеля в помещичьих имениях за 1841 г. Рассмотрев ведомость, составленную новоржевским уездным предводителем дворянства, можно сделать вывод о том, что картофель был ещё недостаточно популярным продуктом в помещичьих владениях. Так, из 77 помещиков новоржевского уезда 58 владельцев сажали на господских полях от 1 – до 50 четвертей картофеля, 15 помещиков не сажали его вовсе, 58 четвертей картофеля сажал один владелец, свыше 100 десятин 3 помещика[202].

В 30 – 50-е гг. XIX в. во многих помещичьих хозяйствах Псковской губернии обозначилось истощение земли, низкая урожайность, учащение эпидемий скота. О крупном падеже скота упоминалось в книге распоряжений Д. В. Васильчикова в 1850 г., причём, падёж скота в одной из деревень Васильчикова был усугублён тем, что скот не закапывали как следует и даже снимали шкуру с животных для её дальнейшей продажи. В связи с этими событиями, на крестьян и старост Васильчиков наложил штраф. «Взыскать штраф с каждого двора по 2 руб. серебром, а из старшин, так как обязанность его была известить о злоупотреблении крестьян, и он сего не исполнил, взыскать 4 руб. серебром и означенные деньги записать в приход в мирскую сумму»[203].

Среди владельцев некоторых усадеб всё-таки появляются представители, заинтересованные в усовершенствовании технологий ведения хозяйства. Таким хозяином был и Д. В. Васильчиков, который из Англии выписал молотильную машину, а в Петербурге покупал английские семена овса для выращивания их в Волышовской вотчине. Он обращался к своему управляющему: «напиши мне как растёт английский овес что я тебе прислал нонече на посев и имеет ли он рост выше простого и довольно ли он густ взошел»[204]. Сам управляющий Васильчикова Дмитрий Игрунов также стремился обогатить свои познания в области

[202] ГАПО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 674. Л. 29 – 31 об.
[203] РГАДА. Ф. 1260. Оп. 2. Д. 188. Л. 5.
[204] РГАДА. Ф. 1260. Оп. 2. Д. 159. Л. 23 об.

хозяйствования и обращался с просьбой к князю выписать ему помимо газеты «Северная пчела», журнал «Труды Вольно-Экономического Общества с Экономическими Записками», которые стоили 4 рубля серебром. В одном из писем намекал на то, что желательно бы было иметь и журнал под названием «Сельского благоустройства». В одном из писем он перечислял краткое содержание этого журнала, дабы убедить Васильчикова в необходимости его приобретения. «…В коем есть много предметов относящихся до предполагаемого устройства поместья в имении, где сказано о различной ценности усадеб и участников крестьянских: о наделе крестьян землею; об усадьбах; о теперешнем и будущем устройстве помещичьих крестьян, и проч. Это только краткая выписка из оглавления 3-х номеров, может быть другие номера ещё лучше; цена журналу 5 руб. с. если Ваше Высокопревосходительство, изволите признать этот журнал полезным, то прошу покорнейше оный мне приказать выслать»[205].

К середине XIX столетия стало развиваться дворянское предпринимательство. Значительный доход дворянам приносило винокуренное производство, этому способствовала протекционистская политика и монопольное право высшего сословия на винокурение.

Рост товарно-денежных отношений подтолкнул многих дворян укреплять в своих поместьях товарное начало: определять крестьян на оброк, строить полотняные фабрики, винокуренные заводы, сдавать в аренду пахотные земли, леса, рыбные ловли и пустующие дома. В документах встречаются сведения о том, что в поместьях псковских дворян находились различные вотчинные предприятия, с помощью которых они хотели увеличить свои доходы. Помещик Островского уезда Александр Валуев в 1827 г. обращался в Псковскую казенную палату с тем, чтобы получить разрешение на строительство в селе Жеребцово Островского уезда «винокуренный завод для выкурки и поставки в казну каждогодно вина не менее 10 тысяч ведер»[206]. Обосновывал своё желание тем, что в Островском уезде находился в это время лишь один винокуренный завод у

[205] РГАДА. Ф. 1278. Оп. 4. Д. 466. Л. 64 об.
[206] ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 791. Л. 1.

чиновника 8 класса Луки Лосева. Данные аргументы были взяты в расчёт, и разрешение на строительство завода было получено. А уже в 1833 г. Валуев вновь обращается в казенную палату, с тем, чтобы получить разрешение строительство парового винокуренного завода на 15 тысяч ведер, но уже в другом селе. Разрешение вновь было получено. Из документов известно, что за шесть лет с 1827 по 1833 гг. количество винокуренных заводов в Островском уезде выросло до пяти[207]. В 1838 г. в Новоржевском уезде числилось 5 винокуренных заводов, которые в год производили 26 тысяч ведер вина. В Опочецком уезде в том же году было 3 винокуренных завода, с ежегодным производством вина – 18 тысяч ведер, такое же количество заводов было и в Порховском уезде, где выкуривали 31 108 ведер вина в год[208]. В 1852 г. в губернии числилось 29 винокуренных заводов, все они были помещичьи.

Винокурение в губернии производилось только для внутреннего потребления. Наибольшее количество вина выкуривалось в Порховском, Торопецком и Великолуцком уездах; в каждом выкуривалось в год от 35000 до 50 000 ведер вина полугара. В Новоржевском и Опочецком выкуривалось от 10 000 до 20 000 ведер; в Островском от 8000 до 15 000 ведер, а в Псковском от 4000 до 5000 ведер полугара. Всего в губернии в обыкновенные годы выкуривалось около 200 000 ведер, иногда и более[209].

Помимо винокуренных заводов в помещичьих имениях устраивались и другие предприятия. Например, в Торопецком уезде в селах Барковском и Тулинском числилось два стекольных завода помещицы Львовой. Годичная производительность их была от 14000 до 17000 руб. серебром, чистого доходу заводы приносили от 5000 до 6000 руб. серебром. На них вырабатывалось разного рода стекло. Ежегодно: белого стекла до 300 ящиков, бутылок до 27000, штофов до 7300 и полуштофов до 2000[210]. Материалы для заводов были поташ и дрова, которые заготавливались на собственных лесных дачах помещицы, соль привозилась из г. Ржева, белый песок из окрестностей Пскова. Рабочих и мастеров

[207] ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1089. Л. 1.
[208] ГАПО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 569. Л. 76 – 78.
[209] Военно-статистическое обозрение Псковской губернии… СПб, 1852. С. 318.
[210] Там же. С. 316.

числилось 40 человек, это были собственные люди помещицы. Часть этих изделий расходовалась в губернии, часть же поступала на вывоз в соседние губернии, а также в Ригу и в Санкт-Петербург. Доставка их производилась преимущественно сухопутно, но иногда и водным путем в Ригу, на наемных барках или на плотах.

У графа Кушелева в селе Краснополье Холмского уезда была устроена хлопчатобумажная фабрика. На ней изготавливали: холстинку, кисею, миткаль и ток. Всех изделий ежегодно производилось в среднем на 8000 руб. серебром. Работы производились на 21 простых станках, с помощью самоплетов. Работало на фабрике 35 человек, все люди помещика[211]. Материал для фабрики – бумага беленая, суровая и цветная, доставлялся из Санкт-Петербурга. Готовые изделия отправлялись сухопутно в Санкт-Петербург, за исключением весьма небольшого количества продукции, продаваемой в Псковской губернии.

Одна небольшая помещичья фабрика находилась в Порховском уезде. На ней изготавливался нюхательный и курительный табак, сигары, от 150 до 250 пудов в год, на сумму около 2000 рублей серебром. Материалы для фабрики получали с собственной плантации помещика, засеваемой разного сорта американскими табачными семенами. Для курительного табака – сахарная патока и для нюхательного табаку – разные духи доставляются из Санкт-Петербурга и Порхова. На фабрике работают 5 человек, из них один наемный, а остальные люди помещика. Изделия фабрики – табак и сигары распродаются в Порхове, в Пскове и в соседних городах[212].

Небольшая помещичья спичечная фабрика находилась в Великолуцком уезде. Ежегодно на ней вырабатывалось от 120 до 500 ящиков спичек, на сумму от 500 до 2000 руб. серебром. Рабочих на фабрике числилось 5 человек, это были собственные люди помещика. Изделия фабрики расходовались в своем и соседних уездах. Материалы: сера и фосфор доставлялись из Санкт-Петербурга[213].

В Псковской губернии во многих помещичьих селах имелись домашние ткацкие, в которых изготавливали холст и простое полотно, на некоторых –

[211] Там же. С. 316 – 317.
[212] Военно-статистическое обозрение Псковской губернии… СПб, 1852. С. 318 – 319.
[213] Там же. С. 319.

скатерти, салфетки, тики и полотно. При некоторых селах были построены большие здания, для ткацких. Так, в Опочецком уезде, в селе Петровском, князя Дондукова-Корсакова, было построено каменное трех-этажное строение для прядильни и ткацкой. До 1845 г. в нем вырабатывалось в год до 60000 аршин холста и других тканей. В Новоржевском, Великолуцком, Порховском и Псковском уездах, на фабриках вырабатывалось по несколько тысяч аршин холста и других изделий. Большая их часть изделия шла на домашнее потребление, но также значительное количество отпускалась для продажи разным покупщикам, вывозилось на ярмарки, а часть вывозилась из губернии в Санкт-Петербург и Белоруссию[214].

В селе Бельское Устье находились винокуренный и кожевенный заводы, полотняная фабрика, а также ткацкая и мукомольная мельница. Судя по отчётным документам кожевенный завод в с. Бельское устье с каждым годом набирал обороты и увеличивал доход. На этом заводе трудилось 7 человек, которые в течение года могли изготавливать разные сорта сырцовых кож: черкасские сухие, русские сухие, русские сухие на чёрный товар, выростки русские на чёрный товар и т.д. Таким образом, за год мастера могли сделать по расчётам на 1859 г. – 5960 штук разных видов кож на сумму 8745 рублей[215].

Стремление помещиков увеличить доходы от сельского хозяйства приводит к тому, что некоторые из них стараются рационализировать его. В некоторых уездах отдельные помещики делают попытку заменить трёхпольную систему плодо-переменной[216]. Помещики Псковского, Порховского и Великолукского уездов Назимов, Дондуков-Корсаков и другие пытались специализировать своё хозяйство на разведении племенного скота, разведении тонкорунных овец, появлялись конные заводы.

Владельцы имений в Псковской губернии старались наладить хозяйственную деятельность в своих усадьбах, с помощью специального управленческого аппарата, с целью получения реального дохода. Но в виду того,

---

[214] Там же. С. 320 – 321.
[215] ГАПО. Ф. 564. Оп. 1. Д. 32. Л. 1.
[216] Дейч Г.М. Крестьянство Псковской губернии в конце XVIII и первой половине XIX вв. Псков, 1957. С. 23.

что природные условия для занятия земледелием в Псковской губернии не являлись благоприятными, большинство помещиков предпочитали не тратить имеющиеся средства на совершенствование своего хозяйства, путём приобретения нового оборудования и удобрений, этим занимались лишь единицы. К тому же, идея рационализации хозяйства шла в разрез с природой крепостнического труда и в большей степени оставалась барской причудой. Повышение доходности хозяйства путем увеличения его производительности противоречило как природе дворянина-крепостника, так и психологии дворянина-помещика, который предпочитал идти по более легкому пути роста крестьянских повинностей, поэтому примеры нового хозяйствования не были типичными для Псковской губернии. Большинство дворян использовали, в основном, административные, неэкономические методы ведения хозяйства: расширяли барскую запашку, увеличивали размер крестьянских повинностей.

1.4 Взаимоотношения дворянства с крестьянами

Повседневная жизнь дворянского сословия была неразрывно связана с крестьянством. «Быт дворянской усадьбы неотделим от крестьянского мира. Армия крепостных и дворня обеспечивали хозяйственно-бытовую самостоятельность усадебного мира. Крестьянское окружение передавало свои интеллектуальные и художественные традиции и соединяло их с идеалами помещиков»[217]. Действительно, постепенно происходил синтез дворянского быта с народной культурой. Крепостной труд широко применялся в оформлении усадебного дома, парка. Крестьянами выполнялись различного рода декоративные работы, такие, как изготовление мебели, вышивание, роспись стен, резьба по дереву.

По данным военно-статистического обозрения в 1852 г. в Псковской губернии числилось 651 383 крестьянина[218].

Таблица 5

Численность крестьян Псковской губернии, 1852 г.

Категория крестьян	**Число душ обоего пола**	**%**
Помещичьи	423 229	**65**
Государственные	223 138	**34,3**

[217] Березовая Л. Г., Берлякова Н. П. История русской культуры. С. 16.
[218] Военно-статистическое обозрение Псковской губернии… .СПб., 1852. С. 237 – 238.

Свободные хлебопашцы	1794	**0,3**
Ямщики	2697	**0,4**
Казачьи недоросли	525	**0,08**
Итого:	**651 383**	**—**

Источник: Военно-статистическое обозрение Псковской губернии… .СПб., 1852. С. 237 – 238.

Из таблицы 5 следует, что помещичьи крестьяне составляли большую часть крестьянства Псковской губернии, фактически 65% от всех представителей этого сословия. Из помещичьих крестьян выделялась категория дворовых людей. В Псковской губернии их числилось 15 851 человек, т. е. 4 % от всего количества помещичьих крестьян[219]. В зависимости от тяглой повинности помещичьи крестьяне делились на барщинных и оброчных. Заметное распространение в Псковской губернии имела смешанная система. По данным, составленным полковником Семекой в 1852 г. пропорция оброчных крестьян в Псковской губернии выглядела следующим образом: Опочецкий уезд – 1/5 доля от общего числа помещичьих крестьян; Островский и Новоржевский уезды – 1/8 доля от общего числа помещичьих крестьян; Псковский и Островский уезды – 1/10 доля от общего числа помещичьих крестьян; Великолукский – не более 1/12 доли от общего числа помещичьих крестьян; Самая малая доля в Торопецком и Холмском уездах 1/20 – 1/25 от общего числа помещичьих крестьян[220].

По данным редакционных комиссий, накануне реформы 1861 г. в Псковской губернии было следующие распределение крестьян в зависимости от тягловой повинности.

Таблица 6

Крестьяне Псковской губернии и виды тягловой повинности, 1860 г.

Уезд	**Тягла**		
	Оброчные	**Смешанные**	**Барщинные**
Псковский	1279	1174	2315
Великолукский	527	395	4932

[219] Военно-статистическое обозрение Псковской губернии… .СПб., 1852. С. 240.
[220] Там же. С. 241.

Новоржевский	1219	797	5379
Опочецкий	2071	191	3765
Островский	850	353	3755
Порховский	9640	2636	3464
Торопецкий	475	71	4253
Холмский	1434	123	2720
Итого:	**17495**	**6230**	**30633**

Источник: Дейч Г. М. Крестьянство Псковской губернии в конце XVIII и первой половине XIX веков. Псков, 1957. С. 37.

Из этих документов следует, что подавляющая часть крестьянства Псковской губернии находилась на барщине. Таким образом, она отличалась от других нечерноземных губерний, тем, что здесь преобладала барщинная система тягловой повинности. Возможно, на это повлияло то, что основную массу псковского дворянства составляло среднее и мелкопоместное. Отпускать крестьян на оброк дворянам, владевшим менее 100 крестьянами было нецелесообразно. К тому же, Псковская губерния не являлась достаточно развитым промышленным регионом и крестьянам было сложнее найти возможность для дополнительного заработка и уплачивать оброк.

Негативный оттенок взаимоотношениям между крестьянством и дворянством придавали крепостнические черты, которые проявлялись в том, что крестьянин находился практически на бесправном положении. Ранее приводился пример пренебрежения к крестьянам со стороны управляющих, крепостного могли высечь за малейшую провинность, телесные наказания были обыденностью и применялись, чуть ли ни в каждой усадьбе.

В истории усадьбы можно встретить немало случаев жестокого обращения самих помещиков с крепостными, применения ими изощренных методов исправления крестьян. Документы, хранящиеся в Государственном архиве Псковской области пестрят подобными делами.

В 1827 г. крестьяне порховского помещика графа Апраксина отказались подчиняться земской полиции и своему помещику. Причиной такого возмущения

послужил высокий размер оброка[221]. В жестокости по отношению к крестьянам, дворовым и даже к своим родным обвинялся в 1828 г. помещик Ласкевич[222], в этом же году обвинению подвергся помещик Торопецкого уезда Борисов[223] и новоржевский помещик Еремеев[224]. В отношении отставного генерал-майора помещика Баранова в 1829 г. велись разбирательства, в связи с жестокими способами наказаний, применяемыми Барановым в отношении крестьян. Так, четырех своих крестьян он избил до такой степени, что один из них умер[225]. В результате разбирательств имение Баранова было отдано в опеку, за смерть крестьянина помещика предали церковному покаянию.

В некоторых случаях крестьяне сами оказывали сопротивление владельцам. Так, например, в 1826 г. в Порховском уезде в имениях нескольких помещиков были зафиксированы волнения крестьян. Причинами которых являлись: слишком высокий размер оброка и непомерные работы[226]. 28 марта 1845 г. новоржевский уездный предводитель дворянства извещал псковского губернского предводителя дворянства Н. С. Беклешова о том, что в некоторых новоржевских помещичьих имениях были замечены случаи неповиновения помещикам и управляющим[227]. Данные ситуации были урегулированы силами владельцев.

Жестокость и распущенность местных помещиков обратили на себя внимание высшей администрации. В 1828 г. Рижским военным, Псковским, Лифляндским, Эстляндским и Курляндским генерал-губернатором Ф. О. Паулуччи было подано в Комитет 6 декабря 1826 г. нескольких записок, касающихся положения крестьян Псковской губернии. В одной из записок говорилось: «В Псковской губернии помещичьи крестьяне по совершенно беззащитному положению своему внушают искреннее участие. Отечественное законодательство представило их с весьма малым ограничением произволу помещиков, которые большею частью, вышед в малый чин в государственной службе потому, что по

[221] ГАПО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 247. Л. 1 – 3.
[222] ГАПО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 290 а. Л. 1.
[223] ГАПО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 290. Л. 1 – 10.
[224] ГАПО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 303. Л. 1.
[225] ГАПО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 333. Л. 1.
[226] ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 745. Л. 1; Ф. 20. Оп. 1. Д. 746. Л. 118.
[227] ГАПО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 761. Л. 27.

непосвящению своему не могут надеяться занять когда-либо важных степеней, возвращаются в свои поместья и стараются над бедными, подвластными им поселянами поселить страх, заменяющий им в глуши деревни уважение света»[228].

Паулуччи в документе привёл примеры жестокого обращения дворян Псковской губернии со своими крестьянами. Вот один из них: «В 1825 г. помещик Торопецкого уезда, отставной поручик Ярышкин с женою, кроме жестокого вообще управления крестьянами, засек до смерти крестьянку Прасковью Иванову. Следствие о сем произведено исправлявшим должность Псковского Губернского предводителя дворянства статским советником Пещуровым, и хотя преступление Ярышкина было очевидно, но по неимению законных доказательств он оправдан»[229]. Чаще всего, такое отношение помещиков к своим крестьянам оставалось безнаказанным, в крайнем случае, его имение могли забрать в опеку. Паулуччи фактически поставил вопрос о бесправности крестьянства и выступил с некоторыми предложениями для улучшения положения данного сословия. Он считал необходимым ограничить в имениях, отданных опекой в аренду, власть арендаторов над крестьянами; запретить продажу крестьян без земли и для Псковской губернии отменить закон от 3 марта 1822 года, возвративший помещикам право ссылать крестьян без суда на поселение в Сибирь[230].

Записка Паулуччи была рассмотрена в правительственном комитете в начале 1829 г. Предложение о запрещении псковским помещикам без суда ссылать своих крестьян в Сибирь было отвергнуто. Комитет мотивировал это тем, что злоупотребления помещичьей властью «приметно уменьшились и впредь уменьшаться будут», а также тем, что «существующие в государственном устройстве недостатки не могут быть исправлены переменами внезапными, иногда подвергающими опасности общее спокойствие». Император Николай I утвердил это решение комитета[231].

---

[228] Цит. по: Дейч Г. М. Крестьянство Псковской губернии в конце XVIII и первой половине XIX веков. Псков, 1957. С. 69.
[229] Цит. по: Дейч Г. М. Крестьянство Псковской губернии в конце XVIII и первой половине XIX веков. Псков, 1957. С. 69.
[230] Дейч Г. М. Крестьянство Псковской губернии в конце XVIII и первой половине XIX веков. Псков, 1957. С. 72.
[231] Там же. С. 72.

Среди дворян Псковской губернии было немало и таких, которые радели за своих крепостных, честно заботились об их попечении, понимая, что от крестьянина зависит их благосостояние. Некоторые представители благородного сословия старались улучшить быт своих крестьян, приказывали управляющим следить за их здоровьем. Дмитрий Васильчиков в одном из распоряжений управляющему предписывал: «В барщинных избах не мешало бы нам устроить по возможности полати, дабы крестьяне не на полу бы валялись, это им будет чище и здоровее как в мужском, так и в женском отделениях»[232]. Для крестьян в имении были построены новые избы. Впоследствии Васильчиков интересовался их обустройством, управляющему писал: «Уведомь меня, в нынешнем году барщинники жили в новом строении, которое для них строилось, довольны ли они этим»[233]. Но в случае провинности крестьян, владелец приказывал управляющему поступать справедливо по отношению к крепостным. Так, однажды крестьянин Васильчикова явился на сходку пьяный и при этом упорствовал в уплате с него недоимок и склонял к этому других крестьян. Д. В. Васильчиков приказал отправить провинившегося к становому для наказания. В документе заключалось, что в случае повторения подобных прецедентов, данный крестьянин будет отправлен на поселение в Сибирь[234].

Из документов известно, что Васильчиков всегда поздравлял своих крестьян и дворовых людей с православными праздниками и новым годом. «Поздравлю тебя Александр Иванов с новым годом, прошу Всевышнего, чтобы он тебе доставил силу в здоровье и в распоряжениях твоих кои тебе вверены, и о заботе твоей насчет их благосостояния, поздравь так же от меня всех служителей и крестьян, молю Бога чтобы все были щастливы»[235]. П. А. Кожин в имении Бельское Устье в дни празднования православных праздников выделял деньги на угощение дворовых и крестьян. В 1855 г. им в Петров день на гостинцы для людей было выделено 13 руб. 40 коп.[236]

---

[232] РГАДА. Ф. 260. Оп. 2. Д. 261. Л. 10.
[233] РГАДА. Ф. 1260. Оп. 2. Д. 261. Л. 8.
[234] РГАДА. Ф. 1260. Оп. 2. Д. 150. Л. 6.
[235] РГАДА. Ф. 1260. Оп. 2. Д. 188. Л. 45.
[236] ГАПО. Ф. 564. Оп. 1. Д. 23. Л. 138.

Случалось и так, что крепостным давали вольную. Например, П. П. Коновницыным в 1816 г. было выдано отпускное свидетельство крестьянке Федосье Михайловой, дочери кормилицы детей Петра Петровича. «За усердную службу матери ея бывшей кормилецею у детей моих, с сего числа отпущена от меня вечно на волю, которой вольно избрать род жизни, или выйти в замужество за кого пожелает»[237]. Такие случаи были скорее исключением, чем правилом. Каждый крепостной – рабочая сила, да и самому крестьянину сложно было приспособиться к обстоятельствам свободной жизни, без соответствующих условий. Зачастую крестьяне искали защиты у помещика, несмотря на жестокости крепостного рабства. Знали, что с барского двора можно было получить помощь в голодные годы, к тому же помещик следил за порядком, организовывал охрану деревни от разбоя, боролся с болезнями.

В конце 50-х гг. XIX столетия в дворянских комитетах стали обсуждаться возможности изменения положения крестьянства в России, поднимался вопрос об их освобождении.

Летом 1858 г. практически каждый владелец имений в Псковской губернии получил «Общую программу сведений о помещичьих имениях Псковской губернии, составленную Псковским губернским предводителем дворянства на основании высочайше утверждённой программы об улучшении быта помещичьих крестьян». В результате, каждый помещик должен был предоставить информацию о своих владениях и положении крепостных крестьян. В отчётной ведомости должны были содержаться подробные сведения о количестве крестьян, сведения об их повинностях, о распределении поземельных угодий между помещиками и крестьянами, о количестве земли, находящейся в пользовании крепостных, о возможностях крестьян заниматься промысловой деятельностью[238] и т. п. Вскоре, в крестьянской среде стали распространяться слухи об установлении нового порядка устройства помещичьих имений. О чём в секретном письме хозяину Д. В. Васильчикову указывал управляющий порховского имения Волышово. «На

[237] ПГОИАХМЗ. Древлехранилище. Ф. 347. Д. 2052. Л. 1.
[238] ГАПО. Ф. 564. Оп. 1. Д. 19. Л. 2 – 17.

сколько мне известно, в пяти помещичьих имениях Порховского уезда потребовалось содействие господина предводителя и господина исправника по предмету внушения крестьянам должного повиновения помещикам; усмирения сии или убеждения проистекали от ложного понятия будущего устройства крестьян… . С распространившимися известиями о предполагаемом новом порядке устройства помещичьих имений, крестьяне как-то слабее стали выходить на барщину»[239].

Во время подготовки крестьянской реформы в среде образованного дворянства началось постепенное осознание несправедливости крепостной зависимости. Помещик Новоржевского уезда Леонид Алексеевич Львов в какой-то степени высказывался за то, чтобы постепенно освободить крестьян от крепостной зависимости. «Он уверял, что освобождать народ не надо, а надо делать только свободными новорожденных. Как родится, так и дать ему вольную»[240]. А. П. Философова вспоминала о том, что «после воли наши помещики (Псковской губернии, Новоржевскаго уезда) стали злиться. Беззубая была их злоба. Папенька велел повесить портрет Государя вверх ногами…»[241].

Крепостное право было не просто одним из институтов русского государства, оно, особенно до 1860-х гг., являлось средой, в которой проходила жизнь каждого члена общества, оно оказывало влияние на все стороны жизни[242].

Для русского помещика в начале XIX столетия во владении крепостными не было ничего безнравственного, крепостное право воспринималось благородным сословием как должное. Дворяне жили так, как было заведено предками, не задумываясь о том, что можно жить как-то иначе. К середине XIX столетия стали заметны изменения в восприятии помещиком крестьянина, но крепостнические пережитки преодолели не все представители этого сословия.

---

[239] РГАДА. Ф. 1278. Оп. 4. Д. 466. Л. 68.
[240] Тыркова А. В. Анна Павловна Философова и её время. Петроград, 1915. С. 89.
[241] Там же. С. 90.
[242] Миронов Б. Н. Социальная истории России периода империи. Т. 1. СПб., 2000. С. 87.

Глава 2. Увлечения, досуг, бытовая сторона жизни псковского дворянства

2.1. Дом, мир вещей и бытовая жизнь псковского дворянства

Повседневная культура – это сложное социокультурное явление, отражающее многообразие сторон частной жизни человека: его дом, мир его вещей, бытовую жизнь, семью, увлечения, его ценности и религиозные чувства[243].

Культурно-бытовая среда дворянства разной степени зажиточности включала в себя вещи необходимые в быту и хозяйстве: мебель, одежду, транспортные средства, утварь и т. п.

Господский дом всегда занимал центральное место в усадьбе и, как правило, гармонично вписывался в окружающую его природу, поэтому устроители большое значение придавали пейзажу, виду из окна усадебного дома. Для строительства выбирали, как правило, высокое место на берегу озера или реки, так, чтобы открывался живописный вид на окрестности.

Владелец усадьбы Глубокое Опочецкого уезда Михаил Александрович Дондуков-Корсаков для строительства дома выбрал место на берегу озера Глубокое. С горы, на которой строилась усадьба, открывался вид на озеро и окружающие его хвойные леса. Изначально был построен один небольшой деревянный дом, затем поблизости от него – другой, тоже деревянный, а позднее

[243] Короткова М. В. К вопросу о соотношении понятий быт, повседневная культура и частная жизнь в изучении истории // Культура и быт России с древнейших времен до XX века. М., 2009. С. 11 – 12.

они были соединены большой сквозной гостиной с балконом, обращенным к озеру.

Семейство Вревских в 1832 г. построило новый дом в имении Голубово Островского уезда, он находился недалеко от древнего городища Врев. Усадьба располагалась на холме, сад и парк – на склоне. Двухэтажный дом в Голубово с бельведером был выстроен в стиле провинциального ампира. На возвышенности стоял и дом семейства Меландеров Сухопольцево Островского уезда. Господский дом с колоннами имел два этажа. Окна, смотревшие на север, т. е. на город Остров были выполнены из мелких разноцветных стекол, которые сверкали при любом освещении. Дом утопал в зелени и цветниках. Просторный двухэтажный деревянный господский дом семейства Неклюдовых в имении Родовое Островского уезда был устроен на скалистом берегу реки, как и дом Яхонтовых в усадьбе Туховик. Усадьба матери поэта А. С. Пушкина Михайловское также располагалась на возвышенности, северный фасад дома был обращен в сторону реки Сороть. Сам дом был деревянный небольшой, одноэтажный с балконом, с которого открывались прелестные виды окрестностей усадьбы.

Большинство усадебных домов в Псковской губернии были деревянными, одно-двухэтажными. Не все владельцы могли себе позволить строительство каменных домов. Известно, что в Опочецком уезде Псковской губернии в конце XVIII в. из 102 господских домов, 101 был деревянным[244]. В первой половине XIX в. количество каменных домов увеличилось, встречались дома смешенного типа постройки (где нижний этаж каменный, верхний – деревянный), но по-прежнему, большинство составляли деревянные дома. Лишь состоятельные владельцы могли позволить себе строительство дома из камня.

Во второй половине XVIII в. в сельце Жеребцово Островского уезда была заложена усадьба, принадлежавшая семейству Валуевых. Господский дом в этой усадьбе являлся одним из красивейших во всей Псковской губернии, и строительство его связывали с именем известного архитектора Растрелли. Дом, выполненный в стиле классицизма, – кирпичный двухэтажный, почти

[244] Дворянская и купеческая сельская усадьба в России XVI–XX вв. М., 2001. С. 188.

прямоугольный в плане. Главный фасад его был украшен тремя портиками коринфского ордера. От главного фасада к реке спускалась широкая лестница, по обе стороны украшенная сфинксами[245]. В доме Валуевых была небольшая домовая церковь Богоявления Господня, что ещё раз подчёркивало состоятельность этих дворян. Помимо домовой церкви, существовало в доме помещение, поражавшее своей необычной красотой: так называемый «бальный зал», располагавшийся на втором этаже; в него можно было попасть лишь через дверь в боковом фасаде, а затем подняться вверх по лестнице. По описаниям очевидцев, угол зала справа от входа украшала китайская мозаика; не уступали ей по красоте и изяществу стоявшие в зале изразцовые печи. Четыре колонны отделяли небольшое камерное пространство вдоль восточной стены зала, в его оконных простенках располагались зеркала. Стены и потолок бального зала украшали не только лепнина с позолотой, но и превосходно выполненная роспись. Все потолки комнат усадебного дома были украшены росписью – цветами, лентами, амурами, но роспись каждой комнаты была индивидуальна, не повторяла другую. Для росписи этих интерьеров приглашались мастера из Петербурга. Созданные их талантом живописные пространства потолков отражались в узорном зеркале паркета, а соединявшие многочисленные комнаты двери, декорированные художественной лепкой, служили своеобразным дополнением роскошного интерьера[246]. В своём дневнике В. Д. Философов упоминает об этой усадьбе «…потом с Александром пошли смотреть город. Особого внимания заслуживает крепость и село А. А. Валуева»[247].

В имении Лореров Гораи Островского уезда, каменный господский дом был возведён на вершине холма в 1813 – 1816 гг. в стиле Александровского ампира. Автор проекта неизвестен, но высказывались предположения, что в разработке проекта дома принимал участие Тома де Томон, друживший с хозяйкой усадьбы. Современниками отмечалось великолепие классицистического дома с колоннадой, плоской кровлей и неспешными спусками с холма. Спуски были во все четыре

[245] Розов Н. Г. Ожерелье Псковской земли. Дворянские усадьбы. Псков, 2008. С. 201.
[246] Псковская земля. История в лицах. «Дворяне все родня друг другу». М., 2006. С. 134.
[247] РГАЛИ. Ф. 1183. Оп. 1. Д. 6. Л. 49.

стороны, два из которых представляю ступенчатый, с лестницей в три больших пролёта, так называемый итальянский вариант парка – сада. По бокам лестницы теснились карликовые липы, а портеры между пролётами, кроме скамеек, рассчитаны на размещение китайских ваз[248]. Об усадьбе в Гораях упоминает в своей книге «Записки декабриста» Андрей Евгеньевич Розен: «На сотню верст не видать местности, которая отличалась бы каким-нибудь привлекающим видом… вдали за кустарником, показался стеклянный купол под зелёною крышею, отъехав полверсты могли приметить плоскую крышу, потом показались верхний и нижний ряд окон, а когда выехали из кустарника мы ахнули от удовольствия. Дом красивый в итальянском вкусе, с плоскою крышею, по коей прохаживались две дамы; от большой дороги к дому вела терраса в три отступа, в нескольких местах были приделаны широкие лестницы или ступени, выкрашенные под белый и под дикий мрамор; белизна лестницы и зелень свежего дерна украшали себя взаимно; в разных направлениях стояли невысокие колонны под разноцветный мрамор, а на колоннах большие корзины с цветами. Тут всё было искусство, и дом, и сад, и насыпные террасы»[249]. Он отметил во всём порядок и благоухание. «В доме был комфорт образцовый; дом и сад свидетельствовали, что хозяйка долго жила в Италии»[250].

При строительстве деревянных домов состоятельные владельцы также обращались к услугам столичных архитекторов. В 40-х гг. XIX столетия в селе Бельское Устье Порховского уезда шла подготовка к строительству новой усадьбы. Хозяином имения Петром Артамоновичем Кожиным были заказаны архитекторам проекты усадебных построек и отдельных интерьеров. Проект господского дома, а также оранжереи, дома управляющего, конторы с запасными комнатами для приезжих, амбара, конюшни, теплицы был выполнен архитектором А. Петцольтом, проекты интерьеров дома выполнил другой архитектор Корсини[251]. Наряду с оранжереей Кожин решил устроить и зимний сад. Чертежи дверей, окон

[248] Телетова Н. К. От Гораев до Стокгольма // Художественный вестник. 2008. № 1. С. 60.
[249] Розен А. Е. Записки декабриста. С. 411 – 412.
[250] Там же. С. 412.
[251] Макеенко Л. Н. Дворянская усадьба Кожиных в с. Бельское Устье // Псковская губерния и её архив: история и современность. Материалы научно-практической конференции 16 ноября 2001 г. Псков, 2002. С. 51.

мужской лестницы к стороне зимнего сада, чертежи стены зимнего сада со стороны мужской части господского дома были выполнены в 1851 г. по проекту другого архитектора Антипова[252]. Усадебный дом был двухэтажный деревянный с каменным цокольным этажом, фасадом развернутый к р. Шелони. В заземленном цокольном этаже по проекту архитектора Симонсона к 1860 г. была создана Мавританская зала.

Подобные дворцы, с роскошной мебелью могли позволить себе только состоятельные дворяне, у простых же помещиков средней руки и тем более мелкопоместных дворян всё было гораздо скромнее.

Размер дома, его убранство зависел от состоятельности владельца. Князь Дмитрий Васильевич Васильчиков был богатым помещиком, имел более 1000 крепостных крестьян только в Псковской губернии, но постоянно в своём имении Волышово Порховского уезда не находился, он обычно приезжал в августе или сентябре. О том, каким было убранство дома в с. Волышово, мы можем узнать из описи господского дома, составленной в 1846 г. В ней подробно перечислена мебель, домашняя утварь, провизия, бельё, документы, хранившиеся в доме. Несмотря на то, что владельцы в Волышово постоянно не жили, убранство дома было богато и изысканно. Внутренняя отделка дома изумляла современников своим богатством и красотой.

Особое значение в доме всегда придавалось гостиной, где принимали посетителей, проходили праздники, музыкальные вечера. В доме было две гостиные: большая и малая. Большая гостиная предназначалась для приёма значительного количества людей. Она была очень светлой уютной комнатой. В ней было четыре окна. Комната освещалась двумя люстрами, вызолоченными на бронзовых цепочках, на стенах были прикреплены две лампы. Четыре лампы находились на колоннах у бильярда. Гостиную заполняла мебель, изготовленная из красного дерева и карельской берёзы. В ней расположились десять диванов красного дерева, а также стулья, выполненные из красного дерева и плетеные, в

[252] Там же. С. 51.

простенках висело два больших зеркала[253]. Обивка мебели для удобства и практичности была выполнена из ситца. В ней находились, как и во всех комнатах, образа в серебряных ризах. В гостиной музицировали, раскладывали пасьянс, играли в бильярд. В описи упоминался клавесин красного дерева, бильярд, два ломберных стола, девять портретов в золотых рамах.

Вторая гостиная была несколько меньше первой, в ней было три окна, в золочёной раме висел портрет императора Николая Павловича. Обстановка её располагала посетителей и хозяев к общению, беседам и чтению. В ней находились диваны и кресла, обитые ситцем под холстинным чехлом, стулья берёзовые с решётками, разные столики: карельской берёзы, восьмиугольные, овальные с сукном и алебастровыми досками.

У владельцев дома были и свои личные комнаты. Рядом с кабинетом Дмитрия Васильевича находились его гардероб и уборная. У его жены Аделаиды Петровны тоже был свой кабинет и спальня.

Кабинет являлся своеобразным атрибутом каждого владельца усадьбы и относился к непарадным, приватным комнатам. Кабинет хозяина усадьбы служил местом отдыха, чтения, а также использовался для ведения хозяйственных дел. В кабинете Дмитрия Васильевича висело более тридцати портретов на трёх стенах, среди которых особое место занимали портреты жены в золочёной рамке и брата, князя Иллариона Васильевича, в рамке красного дерева. Комната была достаточно просторная, свет в неё попадал из двух окон, на которых висели коленкоровые шторы. В интерьере кабинета Дмитрия Васильевича помещались: стол крашеный с резным низом и доской белого мрамора, на котором стояли часы чёрного дерева с бронзою, ломберный стол карельской берёзы с зелёным сукном, восемь кресел складных с подушками и белыми чехлами, два кресла с сафьянными подушками, а также кресло орехового дерева на колесиках, обитое материей под холстинным чехлом[254]. В уборной находилась кровать берёзового дерева с двумя матрацами, подножная скамеечка, рядом с кроватью стоял жёлтый шкафчик, а также два

[253] РГАДА. Ф. 1260. Оп. 2. Д. 122. Л. 5.
[254] РГАДА. Ф. 1260. Оп. 2. Д. 122. Л. 2.

шкафа яблоневого дерева, стол красного дерева под лаком и три настольных зеркала.

Хозяйка усадебного дома располагала кабинетом и спальней. Роль женщины в дворянском быту по сравнению с прошедшим веком отличалась и уже не ограничивалась только воспитанием детей и участием в хозяйственных делах. Она всё более становилась создательницей культурной атмосферы в усадьбе. И хозяйство, и новые стороны повседневной культуры обусловили особенности быта владелицы усадьбы. В своем кабинете она принимала близких друзей, родственников, соседей, читала, вела переписку, занималась рукоделием. Он находился рядом с гостиной. Женский кабинет всегда носил на себе отпечаток личности хозяйки, его обстановка создавалась в соответствии с её вкусами и пристрастиями. Центральное место на стене в нём занимал портрет её мужа в золотой раме. Ниже, под хрустальным футляром, висели часы. Кабинет был просторным, в нём помещалось четыре дивана, в том числе точёные, обитые красным полусукном и узорчатым сукном. Здесь же находилось семь различных кресел: обитых красным и красноузорчатым сукном на точёных ножках, были кресла, выполненные из карельской берёзы, обитые ситцем. Особое значение придавалось посуде, среди которой имелись не только раритеты, но и предметы, выражающие представления о роскоши и вкусе хозяйки[255]. Недалеко от дверей в гостиную стояли два шкафа. На одном из них стояло пять разных алебастровых фигур, на втором – фарфоровый молочник и фаянсовый чёрный кувшинчик, ларчик морёной берёзы с замком и ключиком, а также портфель, закрывающийся на замок[256]. Рядом с входом в спальню стояла горка, на ней можно было увидеть шесть разных фарфоровых кукол. В горке находилась хрустальная посуда: рюмочка янтарного цвета, три солонки резные с блюдечками, три корзинки резные с блюдечками, молочник, вазочка резная красноватого цвета, два бокала резных без крышек и один бокал с золотом и крышкой, две кружечки хрустальных резных с крышками и одна без крышки. Помимо этого в горке находилась одна

[255] Журавская Э. Женский кабинет // Мир русской усадьбы. Каталог. С. 50.
[256] РГАДА. Ф. 1260. Оп. 2. Д. 122. Л. 8.

фаянсовая кружечка и стакан гранёный с узором[257]. В кабинете была ещё одна горка за печкой. На ней стояло четыре фарфоровых куклы, ваза резная хрустальная с ручками, два хрустальных бокала с вензелями, три хрустальных сахарницы с крышками, причём одна из них круглая с золотом. В этой горке хранились два чайных приборчика, один состоял из пяти штук: подноса, кофейника, чайника, сахарницы и чайной чашечки с блюдцем. Второй прибор, фаянсовый, голубого цвета, – из пяти штук: кофейника, чайника с крышкой, молочника, чайной чашки и блюдца. Помимо приборов здесь стояли две пары фарфоровых чайных чаш с золотом и крышками, и пять пар бело-фарфоровых с вензелями чайных чаш с блюдечками и без крышек[258].

Большую роль в достижении художественной выразительности интерьера в кабинете играл декоративный стиль (шторы, драпировки, обивка мебели, напольные ковры). В кабинете Аделаиды Петровны висели на четырёх окнах практичные коленкоровые шторы. Занавес к этим окнам был ситцевый и кисейный. Мебель обивалась чаще всего различным сукном. Также был тканый кругом ковёр зелёного сукна, а половое сукно тянулось через три комнаты: две гостиных и кабинет. Для украшения у дверей стоял цветник с двумя ящиками.
В спальне Аделаиды Петровны находилось две кровати с различными матрацами: волосяными и мочальными[259]. Стены спальни были украшены детскими портретами и портретами родственников семьи: Екатерины Илларионовны и Иллариона Яковлевича. Кресла, стулья, диваны дополнялись по назначению небольшими столиками: овальными, круглыми, для письма с ящиками и т.д. В спальне также находились бюро, шкаф красного дерева со стёклами и замком, между окнами в рамке красного дерева висело зеркало.

Другая половина дома отводилась для комнат дочери Васильчиковых Татьяне Дмитриевне. На её половине располагались: маленькая передняя, маленький кабинет, кабинет, спальня и девичья.

В кабинете Татьяны Дмитриевны было два окна, на которых висели

[257] Там же. Л.8 об. – 9.
[258] РГАДА. Ф. 1260. Оп. 2. Д. 122. Л. 9.
[259] Там же. Л. 10.

коленкоровые шторы и ситцевые занавесы с зелёными цветочками. В него вели две двери, на которых висели такие же занавесы. Стены кабинета были украшены портретами, в том числе портретом сестры Татьяны Дмитриевны Софии. Различные столы и столики дополняли его интерьер. Это были наборные столы, рисовальные, выполненные из красного дерева овальные и с ящиками[260]. Экзотическим дополнением обстановки кабинета барышни было наличие двух клеток с попугаями. В описи значился «маленький кабинет», в нём помещался маленький диванчик, кресло, обтянутое коленкором, три столика, два из которых были чёрными на точёных ножках, на другом столе лежало житие святых под стеклом. В кабинете было одно окно, на котором висели занавес ситцевый, а у окна находилась штора из розового коленкора. У Татьяны Дмитриевны была типичная спальня барышни, в которой находились две берёзовые кровати. Рядом с ними стояли ольховые шкафчики, у кроватей были ширмы, обитые голубым коленкором. В спальне стояло несколько столиков, четыре кресла и одно маленькое кресельце на медных колёсиках. Между окнами на стене висело зеркало в золочёной раме, на двух окнах были коленкоровые шторы и при них суконные занавески.

Одним из важнейших помещений усадебного дома являлась столовая, постоянное использование которой обусловило сочетание в ней элементов как парадного, так и ежедневного обихода. Оформление столовой зависело, прежде всего, от общего архитектурного и декоративного решения всего здания[261]. В доме Васильчиковых столовая занимала светлое помещение, где можно было проводить многолюдные праздники. В центре столовой находился большой раздвижной чёрный стол, который занимал большее пространство комнаты, а также поодаль от него стояли два приборных стола. В то время к изготовлению стульев предъявлялось главное условие – удобство, так как обеды часто затягивались надолго. Двадцать восемь чёрных стульев с переплётом стояли в столовой, выполненные в том же стиле, что и стол, а также два ломберных стола карельской

[260] Там же. Л. 13.
[261] Дворянская и купеческая сельская усадьба в России XVI-XX в. М., 2001. С. 302.

берёзы с сукном дополняли интерьер этой комнаты. Освещала столовую навесная лампа с тремя рожками. Украшением её являлись часы с органами в футляре. Рядом со столовой обычно отводилось место для буфета или других подсобных служб, искусно скрытых парадной отделкой. Не исключением был и буфет в доме Васильчиковых, находившийся за ширмами. В буфете хранили посуду, столовые приборы и прочие необходимые принадлежности для сервировки стола и обслуживания гостей. Кроме того, там находились: кувшины, вазы, соусники, тарелки, сахарницы, масленицы, кружки, молочники, бокалы и т.д. Одних только рюмок насчитывалось сто штук. Особым разнообразием отличалась коллекция графинов. Это были графины с позолотой, гранёные с поясками, гладкие, с гранью внизу. Они использовались как под воду, так и для хранения уксуса, масла и перца.

Отдельно вёлся учёт предметов из серебра. В буфете в общей сложности насчитывалось двести сорок шесть серебряных предметов, некоторые из них были с позолотой. Ковши разливные, ложки соусные, десертные, чайные, щипчики, подносы, солонки, вилки, ситечки были серебряные и хранились там же.

В Волышово велись особые реестры столовому и чайному белью, хранящемуся в доме. Один из реестров был составлен 10 февраля 1843 г. В нём числилось разных скатертей – 43 шт., разных салфеток – 124 шт., разных полотенец – 241 шт.[262] Отдельно учитывались постельные принадлежности. Хранились в доме различные господские простыни – 30 шт., наволок господских числилось – 45 шт., одеял (стеганых шелковых, коленкоровых, салфеточных, шерстяных) – 29 шт., покрывал различных – 10 шт., подушек – 49 шт., перин – 14 шт., матрацев (волосяных, перовых, пуховых) – 32 шт., а также упоминались матрацы-соломенники, которые предназначались для дворовых людей, их числилось 17 штук[263].

Подробное описание дома в имении Волышово позволяет представить себе бытовую обстановку состоятельных дворян, которые основное время года проводили в столице, но всё-таки заботились о том, чтобы в их провинциальном

[262] РГАДА. Ф. 1278. Оп. 4. Д. 411. Л. 3.
[263] Там же. Л. 3 об.

имении было также уютно, была возможность принимать гостей и отдыхать самим.

В имении Цевло Новоржевского уезда семья дворян Креницыных проживала летом, а с наступлением холодов также перебиралась в Петербург. Эта усадьба славилась на всю округу своим двухэтажным домом, оранжереями, конюшнями, псарнями и огромным парком, разбитым на английский манер. Из сохранившегося списка имущества этой усадьбы можно узнать об обстановке дома. Так в описи числился: кабинет золотых монет и разных серебряных медалей, библиотека классических российских и французских книг, а также учебников, столовый и чайный резной фарфор, столовый и десертный хрусталь, кабинет физический со всеми препаратами, телескопом, электрической машиной, микроскопом, картины и разные портреты, ружья и пистолеты, ковры. Также различные ткани в четырёх сундуках, в том числе бархат, голландское полотно, английские ткани и многое другое[264]. Только мебель из красного дерева и карельской березы оценивалась в 186 тыс. рублей, а всё имущество в 394 150 рублей[265]. Но эта богатая усадьба сгорела дотла в 1821 г.

Среди постоянно проживающих помещиков в Псковской губернии были состоятельные, заботившиеся о своём быте. Одним из таких был и Дмитрий Николаевич Философов. «Воздержание и невоздержанность занимают видное место в жизни Дмитрия Николаевича»[266]. Дом в Богдановском был просторным с анфиладным расположением комнат, оформленных во вкусе 30-х годов XIX в. Интерьеры некоторых его комнат, в частности гостиной и диванной были запечатлены молодым художником. А. Н. Бенуа описывал интерьеры Богдановского по живописным полотнам так: «Интерьеры изображают просторный богдановский дом с анфиладой комнат, убранных со всеми тонкостями комфорта и вкуса времени и господства ампира. С тщательностью миниатюриста художник изображает прекрасную мебель из карельской берёзы, зеркала, мраморные скульптуры (копии Аполлона Бельведерского и Геракла),

[264] ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 673. Л. 13.
[265] Там же. Л. 13. об.
[266] Тыркова А. В. Анна Павловна Философова и её время. Петроград, 1915. С. 24.

бронзу, фарфор, а также живопись и графику и даёт представление о коллекции Богдановского, хорошо известной за пределами Псковской губернии»[267]. Создателем этой коллекции был сам Дмитрий Николаевич, который много путешествовал, привозил из поездок различные предметы искусства, в том числе мрамор из Италии, живопись, графику из Франции и Голландии. В его собрании находилась известная картина «Деревенское утро. Семейство за чаем». Однако предметом особой гордости владельца коллекции были не только мраморы из Италии, украшавшие усадебный парк версальского типа, но судя по «Интерьеру гостиной», произведения голландского и французского искусства. Три композиции, значительные по размерам (пейзаж и два «фланкирующих» его натюрморта), располагались на центральной стене, противоположной стене с окнами и зеркалами. В одном из полотен усматривается близость к композициям живописца и рисовальщика, автора охотничьих сцен и натюрмортов Жана-Батиста Удри, жившего во Франции и работавшего в XVIII в. О том, что в собрании Д. Н. Философова находилось «несколько маленьких голландцев», упоминает и А. Н. Бенуа, особенно выделяя «Пирушку» в духе Дирка Хальса, приписываемая её мастеру более изысканному и интересному – Бейтевеху»[268]. В собрании Д. Н. Философова были и раскрашенные гравюры по оригиналам французских художников-жанристов XVIII в., хорошо различаемые в «Интерьере» диванной в верхнем ряду справа от двери»[269]. Однако особой ценностью для собирателя обладала работа Пуссена, с которой он никогда не расставался в своих странствиях. Название работы и его последующая судьба неизвестны. Неизвестна судьба и «большой Клеопатры» во вкусе Гвидо Рении»[270]. Но часть этой богатой и редкой коллекции сгорела во время деревенского пожара, в то время когда Философов находился в отъезде в Киеве.

Убранство домов менее состоятельных дворян, как правило, было скромнее. В с. Михайловское Опочецкого уезда в имении матери А. С. Пушкина

[267] Антипова Р. Н. Коллекция Д. Н. Философова (первая половина XIX века) // Философовские чтения: сборник статей первых философовских чтений, 2005. С. 45.
[268] Антипова Р. Н. Коллекция Д. Н. Философова (первая половина XIX века) // Философовские чтения: сборник статей первых философовских чтений, 2005. С. 47.
[269] Там же. С. 46 – 47.
[270] Там же. С. 47.

одноэтажный деревянный дом отапливался голландскими печами, которых было шесть. Мебели было немного, в большей части это была простая мебель, без излишеств, выполненная из простого дерева. Среди перечисленных предметов в описи значились: два комода простого дерева, два зеркала (овальное и круглое), два ломберных стола красного дерева, четыре дивана, пять старых кресел, восемь стульев с набойчатыми подушками, три деревянных кровати, в том числе одна двойная и два простых сундука[271]. В доме был «билиярт корел. чистой березы старой с 4 шарами – 1»[272]. Вечерами, а также в дни приема гостей и родственников он мог служить развлечением. Столовая посуда была самая обычная, в основном это были фаянсовые тарелки и блюда. В описи числилось: восемнадцать тарелок, три чайные чашки, три молочника, два графина белого стекла, один медный самовар, два медных чайника и три медные кастрюли[273]. Серебряных предметов в описи не упоминалось. Стены комнат часто украшали работы, выполненные молодыми барышнями. Так, например, комнаты господского дома в Михайловском родители Пушкина украшали рисунками дочери Ольги. «Рисуешь ли ты иногда? – спрашивает в одном из писем Сергей Львович, – на сей раз, я привез из Михайловского твою Маргариту и твоего старика, они в гостиной»[274]. Убранство дома было более чем скромным, но это объяснялось тем, что семья родителей А. С. Пушкина постоянно в Михайловском не жила и особо не заботилась о благосостоянии своего имения.

В Новоржевском уезде в семье дворян Назимовых в 1816 г. произошел полюбовный раздел имущества после смерти отца. Известно, что каждому брату в распоряжение отдавалось село с имеющимся там строением, крестьянами и прилегающими пустошами. В селах были: господское строение, избы для крестьян, скотные дворы, хлева, кузницы, мельницы, гумна, риги, ледники амбары, бани, в селе Кузмино, упоминается и часовня. Все братья и сестры получили иконы от 5 до 8 каждый, в серебряных ризах и обычные. Обстановка

[271] Летописи Государственного литературного музея. Архив опеки Пушкина. Кн. 5. М., 1939. С. 271 – 272.
[272] Летописи Государственного литературного музея. Архив опеки Пушкина. Кн. 5. М., 1939. С. 271.
[273] Там же. С. 272.
[274] Мир Пушкина. Письма С. Л. и Н. О. Пушкиных к их дочери О. С. Павлищевой, 1828 – 1835 гг. СПб.,1993. С. 235.

господских домов хотя и была небогатой, но всё же в них была мебель красного дерева. В домах находились шкафы, комоды, ломберные столы, диваны, зеркала, стулья, кресла. Каждому из наследников полагался набор серебряной, фаянсовой, медной, оловянной, фарфоровой посуды. Так, одному из сыновей, Платону Николаевичу Назимову по разделу принадлежало следующее: «Святым образом Николая Чудотворца в серебряной вызолоченной ризе – 1, в серебряных окладах Успения Божьей Матери – 1, от бед страдающих – 1, без окладов и риз Платона Ирамана – 2, Бориса и Глеба – 1, Троицы Живоначальныя – 1. Воскресения Христова – 1. Посуды серебряный ковш –1, хлебательных ложек – 3, десертных – 2, чайных – 2, чашка полоскательная – 1, кофейник – 1, чайник – 1, молочников – 2, ситичко – 1»[275]. Из мебели: один стол ломберный красного дерева средней величины, один простой большой стол, один круглый стол красного дерева, два простых шкафа, четыре простых кресла, обычные стулья и диван[276].

Порховский помещик Григорий Артамонович Кожин, отставной коллежский секретарь, незадолго до своей кончины составил завещание, в котором указывал, что, не имея прямых наследников, он всё родовое имение завещает своей племяннице Марии Петровне Новосильцевой в том числе: золото, серебро, мебель, книги. Григорий Артамонович в завещании предусмотрел список людей, которым необходимо после его смерти вручить памятные вещи «князю Павлу Петровичу Лопухину – табакерку с портретом его батюшки, Петру Григорьевичу Демидову – пистолет Кухенрейтера, Елизавете Николаевне Демидовой – перстень с антиком и образ подаренный после смерти Александра Григорьевича Демидова, Ольге Александровне Демидовой – табакерку рогожкой… Марье Петровне Новосильцевой – крест от гроба Св. Макария Чудотворца с мощами Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоустого…золочёный крест с мощами, находящийся в моей большой Божнице, а также и образ Богородицы, чтобы остались всегда при селе Княжьи Горках, - как хранители оных»[277]. Таким образом, во многих документах официального характера, помимо упоминания о

[275] ОР РНБ. Ф. 509. Оп. 1. Д. 51. Л. 3.
[276] ОР РНБ. Ф. 509. Оп. 1. Д. 51. Л. 3.
[277] ГАПО. Ф. 564. Оп.1. Д. 13. Л. 2.

движимом и недвижимом имуществе, встречаются сведения о наиболее ценных и дорогих вещах, которые владельцы завещают своим близким и дорогим людям.

В с. Щиглицы Псковского уезда хозяйкой имения Анной Петровной Пальчиковой фиксировалось в хозяйственной книге всё, что хранилось в доме.

В одном сундуке хранились ткани: кофейная парча, розовый люстрин, атлас, тафта и др. Во втором сундуке хранились серебряные вещи: табакерки, кубки, шандалы, зеркала в серебряных рамах, столовая посуда. Ещё в одном сундуке хранились: шуба голубая атласная на лисьем меху, солопка парчовая на беличьем меху и другая одежда[278]. Хозяйка вела отдельный учёт одежды и принадлежностей для детей: Дмитрия, Николая, а позже и внука Владимира. В них указывалось сколько рубашек, чулок, постельных принадлежностей, одеял, манишек имеет ребёнок.

Живя в усадьбе, даже самая небогатая семья имела некоторый набор транспортных средств. Мелкие и средние помещики обычно довольствовались несколькими видами летних и зимних дрожек, колясок или бричек. У дворян Пальчиковых в с. Щиглицы было несколько карет, дрожек, колясок, кибитка, сани большие, средние и малые для зимнего хода и многое другое[279].

В имении Д. В. Васильчикова Волышово Порховского уезда был богатый ассортимент транспортных средств. Управляющий Александр Пустодомов составил подробную опись имеющихся экипажей и повозок в селе на 1846 г. В ней числилось несколько видов дрожек: четырёхместные крытые, внутри обитые тёмно-зеленым сукном, четырёхместные троечные не крытые, троечные с подушкой тёмно-серого сукна, парные с подушкой тёмно-серого сукна. Несколько разновидностей колясок было у Васильчикова: двухместная темно-зеленого цвета, обитая внутри светло-зеленым сукном, желтая заграничная коляска, обитая сукном горохового цвета, полевая коляска темно-зеленого цвета, желтая колясочка, обтянутая белой кожей, желтая колясочка с оглоблями, обитая белой кожей[280]. Также имелось несколько бричек, повозок и телег. Всего 26

[278] Псковские хроники: История Псковского края в документах и исследованиях. Вып. 4, Псков, 2004. С. 166
[279] Там же. С. 166.
[280] РГАДА. Ф. 1260.Оп. 2. Д. 122. Л. 37 об.

наименований транспортных средств.

У помещиков Креницыных, вероятно, тоже был богатый парк транспорта, так как в реестре сгоревшему в селе Цевло господскому имуществу упоминаются «экипажи летние и зимние с принадлежащею к ним сбруею»[281], общей стоимостью 15 000 рублей.

Для дальних поездок использовались, как правило, тарантасы и дормезы, в которых можно было лечь спать. В случае недалёкой поездки использовали дрожки и коляски. Для поездок в лес по грибы – долгуши и линейки. В. Д. Философов в дневнике писал «после обеда отправился с Емельяном кататься, он верхом, я на беговых дрожках»[282], «отправился на Торговище, папа в кабриолете, я в беговых дрожках»[283]. В зимний сезон в ходу были возки, кибитки, крытые войлоком или кожей[284].

Российские дороги находились далеко не в лучшем состоянии. Даже отправляясь в расположенную в ближайшем уезде усадьбу, помещики тщательно обдумывали маршрут, следили за погодными условиями, старались не попасть в весеннюю и осеннюю распутицу. Им приходилось ехать не спеша, объезжая опасные участки пути. Поэтому путешествие всегда было знаменательным событием. «У нас суббота, во вторник надеемся пуститься в дорогу в Петербург. – Но что за дорога, Бог мой! – она должна быть ужасна. – Сегодня весь день лил дождь, и господин Вульф сам потратил 10 дней на то, чтобы добраться досюда, и 3 дня, чтобы проехать в телеге 250 верст – что мы будем делать с четырехместной коляской нагруженной сверху донизу! Мы едем через Остров и Псков, это самое верное»,[285] – писала Надежда Осиповна Пушкина дочери 11 ноября 1833 г., незадолго до своего отъезда из Михайловского.

В первой половине XIX в. было два вида путешествий: на своих и на почтовых лошадях. Провинциальные помещики предпочитали ездить на своих лошадях, так как это было значительно дешевле, но зато гораздо дольше, нежели

[281] ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 673. Л. 13.
[282] РГАЛИ. Ф. 1183. Оп. 1. Д. 6. Л. 46 об.
[283] Там же. Л. 48.
[284] Полякова М. А., Савинова Е.Н. Русская провинциальная усадьба XVII – начало XX века. М., 2011. С. 91.
[285] Там же. С. 187.

на почтовых. Замедляло путешествие и то, что необходимо было постоянно останавливаться, чтобы лошади отдыхали. Ежели всё-таки помещики выбирали казенных лошадей, то им необходимо было обзавестись специальным документом – подорожной, который удостоверял личность путешественника, в нем указывалась цель поездки и маршрут путешествия. Отсутствие подорожной затрудняло путь. Если не было подорожной, то путник сам должен был о себе позаботиться, нанимать ямщиков и лошадей по вольной, договорной цене или же брать их на тех же почтовых станциях, платя втридорога. О трудностях езды без подорожной упоминает тригорский помещик А. Н. Вульф, путешествующий с А. С. Пушкиным из Псковской губернии в Петербург: «Путешествие моё в Петербург с Пушкиным было довольно приятно, довольно скоро и благополучно, исключая некоторых прижимок от ямщиков. Мы понадеялись на честность их, не брали подорожной, а этим они хотели пользоваться, чтобы взять с нас боле»[286].
Потеря подорожной тоже могла принести неудобства в пути. С такими трудностями столкнулась Надежда Осиповна и Сергей Львович Пушкины, отправляясь из Петербурга в Псковскую губернию. В письме к дочери Ольге Пушкина сообщала: «Наше путешествие было довольно счастливо, исключая нескольких неприятностей: сначала мы забыли свою подорожную на третьей станции, что нас задержало на несколько часов»[287]. Но все трудности компенсировала радость от пребывания в любимом уголке, в своей деревне «я была в восторге, что нахожусь за городом и дышу свежим воздухом...»,[288] – писала Н. О. Пушкина дочери Ольге.

Маршрут следования из Петербурга в имение Богдановское Новоржевского уезда подробно и по часам описал Владимир Дмитриевич Философов, куда он ехал отдыхать на каникулы к своему отцу. Путешествовал он на своих лошадях. Выехал из Петербурга вместе со своими братьями Александром и Николаем после обеда 22 июня 1838 г. на бричке, через три с половиной часа они были уже в Царском Селе, пили чай вечером в Гатчине, а в полночь находились на станции

[286] Буковский А.В. «…Летя в пыли на почтовых…». Путешествие в пушкинское время // Михайловская пушкиниана. Вып. 19. М., 2001. С. 98.
[287] Мир Пушкина. Письма С. Л. и Н. О. Пушкиных к их дочери О. С. Павлищевой, 1828-1835 годы. СПб.,1993. С. 31
[288] Там же. С. 31.

Выра. Остановки делали довольно часто. В три часа ночи 23 июня ели котлеты в Ящере, в девять часов утра были уже в Луге, где сделали остановку, к обеду приехали в Городец, миновали Плюсы, Новоселье, Залазы, в два часа ночи 24 июня проехали станцию Боровичи, Порхов, Дубровку, Сорокино, к обеду были в Ашево, а в три часа дня приехали домой, в Богдановское[289]. Таким образом, путь по времени занял двое суток. На следующий год, когда Владимир вновь собрался на каникулы в деревню, то отправился в путь уже на почтовых лошадях и за день до отправления получил подорожную. В этот раз путешествие Владимира Дмитриевича заняло несколько больше времени, чем в прошлом году. На это повлияли и погодные условия, а также частые поломки транспортного средства. До Богдановского он добрался за двое с половиной суток. Выехав 19 июня в 11 часов утра, он приехал 22 июня рано утром, в 4 часа. Три раза приходилось чиниться: в Ящере, Долгове и Луге. Приехав, сразу же лег спать, а затем отправился в баню[290].

О «хлебе насущном» в усадьбе заботились основательно. Многочисленные обитатели нуждались в каждодневном пропитании. Имение давало практически всё необходимое: молочные продукты, мясо и птицу (кур, индюков, гусей), овощи, ягоды и фрукты, выращиваемые в оранжереях, некоторые продукты приобретали на ярмарках. Стол помещиков был достаточно разнообразным, особенно по части солений и закусок домашнего приготовления. «Ты знаешь, в деревне одно дело объедаться», – сетовала Надежда Осиповна Пушкина в письме к Ольге.

Гостей старались поразить обилием блюд. Правда, родители Пушкина жили относительно скромно, больших приёмов в имении не устраивали. И, судя по некоторым отзывам хорошей кухни не имели, но однажды отправили крепостного мастера на выучку к повару[291].

В богатых домах полагалось до обеда подавать закуски: рыбу копчёную, балык, икру, масло, сыр, ветчину, а также водки, наливки, настойки, ликёры. Сам обед состоял из супа, сладких плодов, винограда, дынь, арбузов, ягод, пирожного,

[289] РГАЛИ. Ф. 1183. Оп. 1. Д. 6. Л. 46.
[290] РГАЛИ. Ф. 1183. Оп. 1. Д. 7. Л. 77 об.
[291] Будылин И. Т. Деревенский Пушкин. Пушкинские места Псковского края. М., 2008. С. 298.

варенья. Варенье было любимым кушаньем дворян. Сама хозяйка Н. О. Пушкина с удовольствием принимала участие в варке варенья. «Сегодня я пешком ходила в Михайловское, что делаю довольно часто, единственно, чтобы погулять по-нашему саду и варить варенье; плодов множество, я уж и не придумаю, что делать с вишнями, в нынешнем году много тоже будет белых слив»[292],– пишет она в августе 1829 г. дочери. В садах Михайловского и Тригорского Опочецкого уезда произрастало большое количество яблок, белых слив, вишен. В саду Михайловского в оранжерее выращивали дыни. «У нас в Михайловском очень хорошие дыни, и всякий раз, как я ем их, я думаю о тебе, ты их любишь»[293], – писала дочери Надежда Осиповна.

Некоторые господа любили проводить время на кухне и следить за кухонным процессом, а иногда даже руководили приготовлением одного или другого блюда. В часы досуга сочиняли кулинарные руководства и справочники, как это делал двоюродный дед А. С. Пушкина Петр Абрамович Ганнибал, проживавший в имении Петровское Опочецкого уезда[294]. В ходу в усадьбе были различные книги по ведению хозяйства: строительству усадеб, разведению садов, лечению, заготовке продуктов, приготовлению блюд. В одной из них давался рецепт бланманже: «Возьми оленьего рогу, свари оной в воде, процедя застуди, положи в кастрюлю молока, толчёного сладкого миндалю, застуженной рог, корицы, взвари оное и процеди сквозь сито в форму, а после, как застынет, выложи на блюдо»[295].

Стол в имении Васильчиковых Волышово был достаточно разнообразным, изысканным и богатым. В кладовой дома числились запасы икры в бочонке, оливок, каперсов, горчицы, различных круп, в том числе манной, крупчатой, смоленской, перловой. Для приготовления блюд использовались приправы, запасов которых было множество, в их числе лавровый лист, гвоздика, корица, горох, перец простой, белый, английский, уксус, оливки и прованское масло.

---

[292] Мир Пушкина. Письма С. Л. и Н. О. Пушкиных к их дочери О. С. Павлищевой, 1828 – 1835 гг. СПб., 1993. С. 43.
[293] Мир Пушкина. Письма С. Л. и Н. О. Пушкиных к их дочери О. С. Павлищевой,1828 – 1835 гг. СПб., 1993. С. 234.
[294] Лаврентьева Е. В. Культура застолья XIX в.: пушкинская пора. М., 1999. С. 65.
[295] Будылин И. Т. Деревенский Пушкин. Пушкинские места Псковского края. М., 2008. С. 298.

Элитные сорта сыров, швейцарский сыр и пармезан, также находились в кладовой. Иногда в своих распоряжениях Дмитрий Васильевич приводил подробные рецепты некоторых заготовок и напитков. В одном из распоряжений в январе 1850 г. он делился рецептом клюквенного морса, которого по его приказанию нужно было сделать достаточное количество. «Купить клюкву мерзлую, взять большую чашу всыпать клюкву в оную и ея растолочь, потом взять сито наполнить оное растолчённой клюквой и поставить сито на чашу из оного сита потечет морс, когда морс весь протечет, процедить оный сквозь салфетку или холстину и очищенный морс наливать в бутылки и закупоривать, и держать в винном погребе»[296].По распоряжению жены Васильчикова Аделаиды Петровны готовили специальную воду из чёрной смородины по специальным рецептам, солили говядину для господского стола к моменту приезда Васильчикова, но не более 4 пудов[297]. В оранжерее выращивали различные фрукты, в том числе персики. Дмитрий Васильевич однажды обращался к управляющему: «ты мне писал, что в оранжереях много персиков, ты их сюда [в Петербург] не присылай, ибо в перевозке они почти все прибывают порченные, делай из них варенья и прикажи делать из ягод разные сиропы»[298]. Также Васильчиков советовал делать персиковую водку, из-за большого урожая персиков в оранжерее.

Вёлся в Волышово и отдельный реестр винам, находящимся в погребах господского дома. В них хранились французские, испанские, греческие, венгерские сорта вин и сладкой водки. Из престижных в России сортов вин упоминалась в реестре бутылка крепкого вина мадеры. Из французских сортов: четыре полубутылки фронтиньяна (мускатного вина), 13 бутылок сотерны, две бутылки бургонского вина. Испанские вина были представлены следующими сортами: малагой, её числилось девять бутылок, и семью бутылками хереса, крепкого испанского вина. Из греческих вин было закуплено две бутылки кипрского вина. В погребе хранился ликёр из кислых вишен, который назвали мараскин. Был здесь коньяк, ром и шампанское. В общей сложности различных

[296] РГАДА. Ф. 1260. Оп. 2. Д. 188. Л. 3.
[297] Там же. Л. 36.
[298] РГАДА. Ф.1260. Оп. 2. Д. 150. Л. 23 об.

сортов вин числилось 126 бутылок и 154 полубутылки, причём в 1846 г. было привезено ещё 111 бутылок различного вина. В их числе: сотерна, мадера, малага, жульен и ром[299].

Многое, из того, что выращивалось в имении, отправлялось к столу в Петербург. Среди документов архива Волышово, сохранилась опись отправляемых из Волышово в Петербург варений, круп, ковров, сукон и мехов за 19 октября 1848 г. Этот документ даёт возможность узнать, какие заготовки делали в имении и какой объём продуктов отправлялся в Петербург. Известно что, в столицу отправлялось 5 банок варенья, в их числе малиновое, барбарисовое, а также варенье из персиков и чёрной смородины. Различные виды сиропов: вишнёвый, малиновый, барбарисовый, из красной и чёрной смородины, клюквенный морс, в общей сложности 10 банок. Среди продуктов были сушёные персики и вишни, соленья из брусники и персиков. Отправлялись в город и различные крупы: манная, гречневая, кукурузная, пшено, а также белая фасоль. Дмитрий Васильчиков писал управляющему: «Аделаида Петровна препоручила мне тебя благодарить за доставленные тобою персики, которые были у тебя так хорошо уложены, что и один не был испорчен, и я соединяюсь с ней за твою аккуратность»[300].

Не только продукты, но и необходимые вещи отправлялись в Петербург по распоряжению хозяина. Осенью 1848 г. выслали в Петербург несколько кусков узких и полосатых ковров, четыре одеяла, три куска фланели, первого и второго сорта шёлку, а также ванна для молодой графини Строгановой[301].

Особый стол всегда устраивался в честь какого-либо важного события. Свадебный стол обычно отличался изысканностью и обилием блюд. Известно, что на свадебное торжество прапорщицей Пелагеей Засуличевой было потрачено 485 рублей 60 копеек, причём, расходы на продукты для праздничного стола составили: 292 рублей 50 копеек, т.е. больше половины от всей суммы. На столе были блюда из говядины, дичи, рыбы (окуня, угря, сельди), икра. На десерт

[299] РГАДА. Ф. 1260. Оп. 2. Д. 122. Л. 31.
[300] РГАДА. Ф.1260. Оп. 2. Д. 188. Л. 38 об.
[301] РГАДА. Ф.1260. Оп. 2. Д. 168. Л. 2.

гостям предлагались пирожные, калачи, варенье, яблоки и кофе. Из хмельных напитков было хлебное вино, белое виноградное, а также французская водка[302].

В первой половине XIX в. в некоторых дворянских семьях стали отказываться от тяжелой пищи, свойственной русской кухне. При этом на помещичьем столе появлялись различные соусы и подливки. Во время постов, которые свято соблюдали, рацион менялся. Строгое соблюдение религиозных постов усиливало внимание к сбору даров леса и урожая в садах. В вотчинную контору Тригорского Опочецкого уезда, например, следовало распоряжение хозяйки «О заготовлении припасов в господский дом для личного господ употребления». Здесь подробно рассказывалось о сборе орехов, грибов; следовал приказ «ягоды собирать с возможным сбережением, особливо хорошие». Хозяйка заботилась о заготовлении мочёных яблок, огурцов соленых, «моркови как можно более», сушеной малины, соку из барбариса, воды барбарисовой, клюквы и т. п.[303] По данным источников, в составе постного обеда в дворянской усадьбе могли входить «обертки», или пироги из капустных листьев с грибами, сваренные в маковом соку; горох, протертый «через решето»; манная каша с грибами и другие каши с добавками; щи или борщ с грибами; картофель варёный, жареный, печеный или в виде котлет под соусом» убранный или сборный винегреты, а также различные кисели[304].

Благодаря своему хозяйству на столе всегда были молоко, фрукты, овощи и мясо, а вот такие продукты как масло постное, сахар, соль приходилось покупать. Исходя из отчёта прихода и расхода денег с. Тригорского Опочецкого уезда за 1854-1859 гг. можно узнать о тех продуктах питания, которые приобретались для господского стола. Из ведомостей известно, что в Пскове покупали постное и прованское масло, кофе, чай, различные крупы: рис, перловую и манную крупу, а также вермишель, макароны, сахар, соль, пряники, различное вино (церковное, красное, мадеру), свежую рыбу, сухие снетки, лимоны, буженину, икру, сыр, а также различные приправы: уксус, горчицу, корицу, миндаль, чернослив, изюм и

[302] ГАПО. Ф. 52. Оп. 1. Д. 1. Л. 533.
[303] Будылин И. Т. Деревенский Пушкин. Пушкинские места Псковского края. М., 2008. С. 296.
[304] Полякова М. А., Савинова Е. Н. Русская провинциальная усадьба XVII – начало XX в. М., 2011. С. 96.

т.д. Любопытны существовавшие в то время цены на различные товары, приобретаемые в городе. Таблица 7

Цены на продукты, 1854 – 1855 гг.

Название продукта	Количество	Цена
Кофе	5 фунтов	6р.75 коп.
Пряники	4 фунта	80 коп.
Макароны	5 фунтов	50 коп.
Вермишель	7 фунтов	70 коп.
Чернослив	6 фунтов	1 р 80 коп.
Миндаль	5 фунтов	1 р.65 коп
Рис	20 фунтов	2 р.60 коп.
Уксус	Ведро	90 коп.
Икра	2 фунта	1 р.20 коп.
Лимоны	10 шт.	60 коп.
Сало	1 пуд	3 р.
Церковное вино	12 бутылок	4 р.
Мыло серое	1 пуд	3 р.
Свечи (сальные)	2 пуда	10 р.

Источник: ИРЛИ РО. Ф. 244. Оп. 3. Д. 23025. Л. 3 – 15.

Из таблицы 7 видно, что кофе был дорогостоящим продуктом 5 фунтов кофе стоил почти 7 руб., в то же время мешок муки (16 кг) можно было купить за 2 руб. 57 коп. Чай считался мужским напитком, а вот кофе был в моде у женщин, но пили его осторожно, так как он производил «волнение в крови» и «воодушевление к нежностям»[305]. Софья Ковалевская с трепетом в душе вспоминала свои детские годы, когда по утрам нянюшка приносила им кофе с булочками, которыми они с братом и сестрой угощались, находясь ещё в постели. «В комнате распространяется аппетитный запах кофе, няня сама ещё полуодетая, сменив только ночной чепец на шелковую косынку вносит поднос с большим медным кофейником и ещё в постельке, неумытых и нечесаных, начинает угощать нас кофе со сливками и сдобными булочками»[306].

Каждая из дворянских семей Псковской губернии имела свой особый уклад жизни, который во многом зависел от уровня благосостояния дворянина, его образованности и широты интересов. Жизнь дворянина среднего достатка,

[305] Полякова М. А., Савинова Е. Н. Русская провинциальная усадьба XVII – начало XX в. М., 2011. С. 298.
[306] Ковалевская С. В. Воспоминания. М., 1986. С. 32.

несомненно, отличалась от жизни состоятельных представителей дворянства, которые даже если постоянно не находились в собственной усадьбе старались устроить в ней жизнь так, чтобы она привлекала внимание современников и изумляла их своей красотой. С этой целью для строительства домов выбиралось живописное место, приглашались столичные, и даже заграничные архитекторы. Менее состоятельные дворяне при строительстве домов в большей степени исходили из идей практичности и удобства, но старались также найти более выгодное расположение усадьбы, так чтобы вид из окна радовал глаз домочадцев и гостей.

2. 2. Досуговая и развлекательная культура дворянства

Жизнь в деревне была сопряжена со многими хозяйственными заботами, но дворянин всегда находил время, чтобы посвятить своё свободное время различным занятиям: чтению, прогулкам, музицированию, верховой езде, охоте и поездкам к своим родственникам и соседям.

Жизнь дворянина в усадьбе зачастую представляется следующим образом: «Весь уклад жизни рядового помещика обычно подчинялся определенной регламентации. День складывался как бы из двух половин. С раннего утра до обеда все были заняты хозяйством, различными домашними делами… После обеда до ужина – время отдыха и развлечений. Домашняя работа, как правило, складывалась из различных дел по поддержанию чистоты в доме, приготовления пищи, организации и руководства женскими рукоделиями»[307].

В воспоминаниях Софьи Васильевны Ковалевской встречаются упоминания о распорядке дня её отца генерала Корвин-Круковского. Он вышел в отставку в 1858 г. и уехал на постоянное жительство в имение Полибино. Обыкновенно его день начинался с хозяйственной прогулки в одиночестве или в компании управляющего, а остальную часть дня Корвин-Круковский проводил в своём

[307] Дворянская и купеческая сельская усадьба в России XVI – XX вв. Исторические очерки. М., 2000 С. 364.

кабинете. «Он любил быть один, и у него был свой собственный мир, в который никто из домашних не допускался»[308]. Кабинет отца представлял «святую святых» в доме, «даже мать наша и та никогда не входила в него не постучавшись предварительно, детям и в голову не пришло бы явиться в него без приглашения»[309]. Что же касается занятий хозяйки дома, матери Софьи, то о них упоминается лишь вскользь. Можно предположить, что, как и все женщины её круга, она занималась домашними делами, но по вечерам любила музицировать. «Мама имеет привычку играть по вечерам на фортепиано. Она играет целыми часами, наизусть, сочетая, импровизируя, переходя от одной темы к другой»[310]. Зимой обычно Елизавета Корвин-Круковская вместе со своей старшей дочерью Анной на несколько месяцев уезжали в Петербург погостить к своим тётушкам.

В семействе Вревских супруга хозяина имения Евпраксия Николаевна, напротив, всё бремя хозяйствования взяла на себя. Её муж Борис Александрович «не вникал в хозяйственные дела, не умел создать «оборотный» капитал и вечно пребывал в денежном затруднении»[311]. По данным на 1849 г., семейство Вревских в своём распоряжении имело 677 крепостных крестьян[312]. Летом Евпраксия Николаевна вставала в 5 часов утра. «День её был наполнен заботами: огород, теплицы, скотный двор, сад, заготовки на зиму, заказ обеда, ужина, ткацкая – всё это делалось на месте»[313]. Зимой Вревская часто уезжала в Петербург для лечения от постоянных недомоганий. Борис Александрович Вревский с 1827 по 1832 гг. исполнял обязанности дворянского заседателя псковского приказа общественного призрения, входил в первый состав Островского уездного земского собрания и временно исполнял обязанности Островского уездного предводителя дворянства[314]. Он пользовался всеобщим уважением у дворянства и крестьянства благодаря своей честности и принципиальности. Вревский лишь в случае крайней

---

[308] Ковалевская С. В. Воспоминания. Повести. М., 1986. С. 60.
[309] Там же. С. 61.
[310] Там же. С. 64.
[311] Дневник баронессы Н. П. Вревской. По материалам семейного архива Вревских // Временник Пушкинской комиссии. Сборник научных трудов. Вып. 28. СПб., 2002. С. 253.
[312] ГАПО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 44. Л. 4 об.
[313] Дневник баронессы Н. П. Вревской. По материалам семейного архива Вревских // Временник Пушкинской комиссии. Сборник научных трудов. Вып. 28. СПб., 2002. С. 252.
[314] Левин Н. Ф. Бароны Вревские и вревская школа // Псков. 1996. № 5. С. 34 – 41.

необходимости покидал имение Голубово, уезжая то в Петербург, то в Тверь, Псков или Остров. Его занимало серьёзное чтение книг и газет, интересовался он и стихосложением. Уклад семьи, мирное настроение, незыблемую основательность быта, хорошо передают непритязательные стихи Б. А. Вревского из домашнего архива:

Я представляю здесь отчёт
Подробный за минувший год.
Знакомство – книги и природа.
Пиры давал – семье родной.
Все выезды – до огорода.
А гости – матушка с сестрой.
Забава – весь век быть с женою,
Желанье – больше не желать,
Мечты – возвыситься душою,
Труды – обдумывать, писать.
План жизни – вера в провиденье,
Товарищи – добро и честь,
Богатство – совесть и свобода.
Прикажите итог подвесть? –
Мне счастья полного доход[315].

Во «Вседневном журнале» Вревский помимо различного рода помет, ежедневно фиксировал погодные изменения. Благодаря этим записям мы знаем, что, например, лето 1837 г. выдалось довольно холодным. Средняя температура в летние месяцы составляла +12, +15º С. Борис Александрович вёл дневник, фрагмент которого за 1832 г. сохранился. Из дневника известно, что по воскресеньям Вревский посещал обедню в церкви. Часто ездил в Святые Горы, в соседнее имение Александрово, где ловил рыбу, иногда отправлялся в гости. «31 октября. Были у Надежды Семёновны Глаубич. Обедали и ночевали»[316]. 1 октября

[315] Лобанова Э. Ф. Культурные связи и семейные традиции баронов Вревских // Усадьба в русской культуре XIX – начала XX веков. М., 1996. С. 44 – 46.
[316] ИРЛИ РО. Ф. 244. Оп. 17. Д. 67. Л. 4.

1832 г., по старому стилю, отмечался праздник Покрова Божьей Матери. Вревский писал о том, что накануне праздника они с супругой (Евпраксией Николаевной Вревской) переехали в новый дом. «Накануне праздника перешли в Новый дом…пробыли там вечер. Ночевать было невозможно – в воскресенье лил целый день дождь»[317]. 9 октября Вревские устроили новоселье. Пригласили заранее на торжество гостей. Среди них были Надежда Осиповна Пушкина и Александра Ивановна Осипова, Глаубичи, а также многочисленные соседи и родственники. Вревский в дневнике писал: «Приехали к нам на новоселье Глаубичи, Над [ежда] Ос[иповна] Пушкина и Ал[ександра] Ив[ановна] Осипова»[318]. В свою очередь это событие упоминает Н. О. Пушкина в письме к дочери Ольге 17 октября 1832 г.: «Эфрозина не решается выезжать из-за плохих дорог, она брюхата. Я была у неё на Новоселье, её новый дом очень красив»[319]. Спустя месяц Пушкины снова были в гостях у Вревских – 9 ноября. Б. А. Вревский в дневнике отметил: «Приехали к нам Пушкины, Ал. Ив. и девицы Тимофеевы. После обеда играли в бостон. 10 ноября. После завтрака Над[ежда] Ос[иповна] с девицами Тимофеевыми и Ал[ександра] Ив[ановна] поехали к Алекс[андру] Адам[овичу] [Глаубичу], Серг[ей] Льв[ович] остался с нами обедать. После обеда поехал на моих лошадях обратно, домой»[320].

Семья родителей А. С. Пушкина в своём имении Михайловское Опочецкого уезда постоянно не жила. Сергей Львович и Надежда Осиповна приезжали сюда почти каждый год весной, чаще всего в мае-июне, и уезжали осенью, в зависимости от погодных условий. Единственным способом частного общения на расстоянии между родственниками была переписка. Из писем можно узнать о мыслях, настроении, чувствах людей, а также бытовых подробностях их жизни. Сохранились письма родителей А. С. Пушкина к их дочери Ольге Сергеевне Павлищевой. Из писем известно, что хозяйка Михайловского Надежда Осиповна Пушкина вставала ежедневно не позже семи часов утра, исключение составляли лишь те дни, когда наступала изнурительная жара. В таком случае совершался

[317] Там же. Л. 1.
[318] Там же. Л. 2.
[319] Мир Пушкина. Письма С.Л. и Н.О. Пушкиных к их дочери О. С. Павлищевой,1828 – 1835 гг. С. 111.
[320] ИРЛИ РО. Ф. 244. Оп. 17. Д. 67. Л. 4 об.

ранний подъём в четыре часа утра ради того, чтобы прогуляться по окрестностям. В обычные дни прогулки совершались ежедневно по вечерам. Днём Надежда Осиповна нередко занималась рукоделием: «…весь день я сижу перед домом, работая по канве»[321]. Она вышивала собаку для госпожи Шушериной, а также, будучи прихожанкой Святогорского монастыря, вышивала шерстью для обители «пелену налойную»[322], принимала участие в варке варенья из плодов, выращенных в собственном саду. В 1829 г. родители Пушкина решили сделать ремонт в своём старом доме, которому к тому моменту было уже 40 лет. На время ремонта они переехали в соседнюю усадьбу Тригорское. Сергей Львович постоянно ездил в Михайловское следить за продвижением дел. «Я только и буду делать, что ездить взад и вперед отсюда и к нам, дабы наблюдать работы, и в этом есть своя приятность»[323], – писал он дочери. Он надеется, что «в доме можно будет жить. Он останется совсем как был, не считая кое-каких лишних украшений, которые придадут ему более приятную внешность. У него была изрядно потрёпанная физиономия. Теперь будет как дача на Чёрной речке»[324].

Дворяне, особенно в летнее время, любили бывать в саду. Не только в утилитарных целях взращивался усадебный сад, он, несомненно, был местом отдыха и прогулок его хозяев и гостей. «Сад – функционирующий объект искусства. Его посещают, в нем гуляют, отдыхают, размышляют, развлекаются»[325]. Иной раз Надежда Осиповна упоминала в одном из писем к дочери, что они с мужем и гостями весь день напролет провели в саду Михайловского, в котором частенько устраивались чаепития. «Мы весь день провели в саду, который всё разрастается и украшается, ты прямо не имеешь представления, как он хорош»[326]. В письмах чаще всего Сергей Львович делился с дочерью новостями о приезжавших к ним гостям, о погоде, иногда рассказывал о делах в его любимом саду. «Погода прекрасна, сады очень хорошо содержатся. Что я посадил – всё

[321] Мир Пушкина. Письма С.Л. и Н.О. Пушкиных к их дочери О. С. Павлищевой,1828 – 1835 гг. С. 37.
[322] Там же. С. 37.
[323] Мир Пушкина. Письма С. Л. и Н. О. Пушкиных к их дочери О. С. Павлищевой, 1828 – 1835 гг. С. 32.
[324] Там же. С. 35.
[325] Лихачев Д. С. Поэзия садов. К семантике садово-парковых стилей. С. 14.
[326] Мир Пушкина. Письма С. Л. и Н. О. Пушкиных к их дочери О. С. Павлищевой, 1828 – 1835 гг. С. 34.

пошло в рост. – Уже одно это может сделать их приятными»[327].

Дворяне, имевшие управляющих, могли проводить в саду большее количество времени, в отличие от менее состоятельных помещиков, которые вынуждены были самостоятельно вести хозяйство. Сады и парки, основанные на гармонии с окружающей природой, способствовали душевному отдыху дворянина. Сергей Львович делился своими впечатлениями о деревне: «Все же я так рад, что нахожусь в нашем домике и гуляю по нашим садам, которые истинно очень красивы»[328]. Его жена Надежда Осиповна тоже писала о том, что «сад прелестен, много цветов и три цветника, изобилие цветов на балконе и в комнатах»[329]. В саду Пушкины отдыхали душой, поэтому так часто в письмах они упоминают о нём. Даже в Петербурге Надежда Осиповна часто вспоминает любимую усадьбу. 25 мая 1834 г. она пишет Ольге: «Я время от времени гуляю по улицам и довольствуюсь тем. Предпочла бы сделать это в саду Михайловского, где никогда не бывает ветра и который так красив»[330].

Дмитрий Николаевич Философов, который считал Богдановское своим «раем земным», стремился похвастаться перед гостями своим французским парком, да и сам его очень любил. В парке и оранжерее произрастали розы, пальмы, виноград. «Одна половина сада была устроена ещё в первой половине XVIII в., в версальском стиле. Прямые, широкие аллеи, причудливо остриженные липы, ели, на фоне высоких шпалер из деревьев. За садом текла речка из тёмной, торфяной воды. За нею начинался лес. Д. Н. Философов превратил этот лес в парк английского типа, сообразно вкусу времени. Речка и болотистая долина были превращены в колоссальный пруд, напоминающий озеро. В пруду выросли острова»[331].

Особой красотой отличался пейзажный парк в с. Волышово, разбитый в конце XVIII – начале XIX вв. «Главной красотой, мыслью и душой парка были аллеи. Задуманные и вычерченные на бумаге каким-то большим мастером…, они

[327] Там же. С. 170.
[328] Там же. С. 231.
[329] Там же. С. 234.
[330] Мир Пушкина. Письма С. Л. и Н. О. Пушкиных к их дочери О. С. Павлищевой, 1828 – 1835 гг. С. 225.
[331] Тыркова А. В. Анна Павловна Философова и её время. Петроград, 1915. С. 28.

вели вас по парку, переходили одна в другую, показывали то группы деревьев, то мостик, то шлюз с водопадом на речке, то широкий луг или горку»[332].

Искусно был распланирован парк в усадьбе Глубокое М. А. Дондукова-Корсакова. Спуск от господского дома к озеру был оформлен террасами, два ближайших озера были соединены каналом с каменным мостом через него. «На мысах и заливах озера Глубокое были возведены руины греческих храмов. Каждый мыс получил свое название: Матапан, Акритас, Сунион…, а остров был назван Этна»[333].

Огромный парк был в имении генерал-майора Валуева, аллеи которого были украшены мраморными статуями, дно небольшого пруда, по преданию, было выложено изразцами. Напротив бокового фасада дома 12 елей образовывали символические часы, 13-я росла в центре[334].

В начале XIX в. в итальянском стиле был разбит парк в усадьбе Гораи Островского уезда. Южный и восточный спуски от господского дома Лореров были оформлены трёхъярусными террасами, отделаны мрамором и обсажены карликовыми липами, специально вывезенными из Италии. В центре парка был пруд, имевший форму многоугольника, с традиционным островом уединения и беседкой на нем[335]. По обеим сторонам парка были высажены плодовые деревья.

Несколько скромнее выглядели парки менее состоятельных дворян Псковской губернии. Но их характерной чертой являлось то, что они живописно вписывались в окружающую среду, были распланированы с учетом особенностей рельефа местности. Искусственным украшением парков всегда являлись пруды, причудливые аллеи, различные затеи: зеленые беседки, зеленые танцевальные залы, гроты, дерновые диваны, солнечные часы и т.п.

Разнообразие в размеренную жизнь дворян привносили приезды соседей, родственников, друзей. Визиты по своему происхождению были городским явлением, поэтому сопровождались формальностями. Но в условиях сельской неторопливой жизни он мог порой затянуться на сутки, а то и дольше. Старались

[332] Проскурякова Г. В. Волышовская старина. СПб., 2008. С. 39.
[333] Розов Н. Г. Ожерелье Псковской земли. Дворянские усадьбы. Псков, 2008. С. 172.
[334] Псковская земля. История в лицах. «Дворяне все родня друг другу». М., 2006. С. 134.
[335] Розов Н. Г. Ожерелье Псковской земли. Дворянские усадьбы. Псков, 2008. С. 197.

следить за числом визитов, «сколько раз ездили к вам, столько раз вы должны съездить к соседу»[336]. Само собой, визиты делались по приезде в деревню, причём по строго определенной форме: сначала посещали ближних и старших родственников, потом дальних и младших, потом – соседей. Не отдать визит – обида[337]. Конечно же, не всегда эти формальности соблюдались. Так, Надежда Осиповна Пушкина сообщала дочери Ольге о том, что 28 июня 1833 г. они вместе с мужем выехали из Петербурга в своё имение. По пути они совершали визиты «направо и налево», т. е. не придерживались светских условностей. «В первый день мы завтракали в Луге с кузинами моими Крестинной Семеновной, её сестрой и кузеном Павлом Исааковичем. На другой день мы были уже в Пскове и пили чай у Александрин Беклешовой, час спустя беседовали у Эфрозины, куда пришел повидать нас губернатор, это была пятница; а в субботу приехали в Остров. Потом, задолго до обеденного часа в Сухопольцево к Катерине Исааковне, где провели три дня, а по дороге в Михайловское обедали у Эфрозины во Вреве, куда она только что приехала из Пскова»[338]. В письме к своей дочери Надежда Осиповна писала летом 1829 г.: «Вот уже две недели как ты не получала от нас известий и не удивляйся. Нас в Тригорском не было, не было и в Михайловском. Да что в Михайловском было делать? Скука невыносимая. Итак, мы решились объездить всех наших добрых знакомых. Начали с Рокотовых… Нагрянули к Рокотовым и Шушерирны, Креницыны, и кузены мои Ганнибалы. Добродушный Jean, fils de Mathiieu устроил танцы, катанья на лодках, угощал нас до невозможного»[339]. От Рокотова вся компания вместе с самим хозяином отправилась к Шушериным, от Шушериных – к Креницыным. Об этом к письму жены делает приписку Сергей Львович: «От Шушериных мы с Рокотовым и той же компанией двинулись к Креницыным на три дня, а оттуда к Темировым»[340]. В конце концов, вся эта компания направилась к Пушкиным в Михайловское. Хозяева, т.е. Надежда Осиповна и Сергей Львович, разместили всю делегацию в

[336] Соловьёв К. А. «Во вкусе умной старины». Усадебный быт российского дворянства. СПб, 1998. С. 42.
[337] Там же. С. 42.
[338] Мир Пушкина. Письма С. Л. и Н. О. Пушкиных к их дочери О. С. Павлищевой,1828 – 1835 гг. С. 168.
[339] Философов Д. В. Старое и новое. Сборник статей по вопросам искусства и литературы. М., 1912. С. 128.
[340] Там же. С. 129.

12 человек в доме «вповалку», а сами, чтобы дать место гостям, перебрались в баню.

Такой переезд из гостей в гости был очень распространён, в то время как и обычай внезапно нагрянуть к хозяевам означал сделать сюрприз[341]. Некоторые из знакомых Пушкиных также не придерживались светских приличий и приезжали в гости, когда вздумается. «Они совсем без церемоний, – писала Надежда Осиповна дочери в июле 1829 г., – визитами не считаются, и это мне очень на руку; я до сих пор не стронулась с места, мои странствия начнутся в августе»[342]**.** Иногда такие нежданные гости могли застать врасплох хозяина и вызвать неудовольствие с его стороны. Действительно, принимать гостей вот так «запросто» было порой утомительно. Подобный пример мы находим в одном из писем Сергея Львовича Пушкина дочери Ольге 24 августа 1833 г.: «Я был раздосадован приездом Шушериных. – Вообрази, дорогая Оленька, что несчастье это на меня обрушилось в ту минуту, как я собрался сесть за совсем крохотный обед, изготовленный в половине третьего на меня одного, и, не довольствуясь тем, что приехали на десяти лошадях, они привозят мне господина Ланского и ещё какого-то неуча, которого я никогда не видел и которого они называют г-ном Дельфени. – Всё это у меня ночует и, к счастью, на другой день уезжает в восемь часов утра – я был на ногах с пяти»[343]. По всем правилам в таком случае необходимо было делать ответный визит, иначе с соседями могли ухудшиться отношения. Сергей Львович писал дочери: «Завтра мы едем к Шушериным – по правде, это тяжкая повинность – не знаю, чтобы я дал, чтоб от этого избавиться, но оно необходимо. Надо признаться, что эти путешествия к соседям за сорок верст, по этой погоде, весьма неприятны»[344]. Однажды Надежда Осиповна познакомилась с монастыркой 30 лет, вышедшей замуж за некого господина Суморотского. Они побывали в Тригорском, в Михайловском пили чай. «Я рада была бы этому знакомству, если бы не должна была отдать им визит за 50 верст отсюда; как я подумаю обо всех поездках,

[341] Соловьёв К. А. «Во вкусе умной старины». Усадебный быт российского дворянства. СПб, 1998. С. 43.
[342] Мир Пушкина. Письма С. Л. и Н. О. Пушкиных к их дочери О. С. Павлищевой, 1828 – 1835 гг. С. 37.
[343] Мир Пушкина. Письма С. Л. и Н .О. Пушкиных к их дочери О. С. Павлищевой, 1828 – 1835 гг. С. 176.
[344] Там же. С. 115.

которые вынуждена буду совершить, уже самая мысль об них меня утомляет»[345]. Но всё же в провинции было больше простоты и открытости, нежели в городе. В деревне постепенно нивелировались светская условность нанесения ответных визитов. «В гости приглашать не обязательно, к вам всё равно приедут»[346].

В дневнике Владимира Философова то и дело встречаются упоминания о приездах гостей в Богдановское. К ним постоянно наведывались родственники Неклюдовы, Княжнины, Чихачёвы, Креницыны, Рокотовы и многие другие. Да и сам Владимир Дмитриевич, живя летом в имении, совершал путешествия в соседние города и усадьбы. Так, с 11 по 23 июля 1838 г. он постоянно находился в разъездах. Утром 11 июля он выехал из Богдановского и направился в сторону Новоржева, проехав через имение Родовое, ночевал в Новоржеве у Андрея Семеновича Стадольского. На следующий день «утром ходил по Новоржеву, потом играл в вист. После обеда тотчас отправился в Ругодево, где «Николай Михайлович Шушерин с огромными ногтями и ещё огромнейшей семьёй собак, из коих одна слепа. Наталия Николаевна – жена его, устаревшая кокетка со множеством портретов. Внучка их Н. Н. Мордвинова, довольно хороша, как и внук В. Р. Мордвинов очень неглупый малый, сочиняющий стихи. Мы все вместе с ними поднимались на окрестные горы, откуда вид очаровательный»[347]. Обедали в Машевицах в местной школе. Далее отправились в Остров, где ужинали у тётушек, на другой день пошли в гости к господам Неклюдовым и знакомились с городом Островом. Старинная крепость и село Жеребцово А. А. Валуева произвели на них сильное впечатление. Затем отобедали у Неклюдовых, а вечером наслаждались видами Родового. 17 июля отправились в Остров, а затем поехали к дядюшке в село Губеново, оттуда – в Стехново, где отслужили панихиду в Стехновской церкви, потом – в Ругодево, Новоржев и лишь 21 июля прибыли домой. 19 июля 1839 г. Владимир совершил интересную прогулку в имение Д. М. Чихачёва, которую описывает так: «Отправились в Заклюку. Там купались и удивлялись огромным деревьям, а в особенности дубам, соснам, и дулям в саду

[345] Там же. С. 43.
[346] Соловьёв К. А. «Во вкусе умной старины». Усадебный быт российского дворянства. СПб, 1998. С. 43.
[347] РГАЛИ. Ф. 1183. Оп. 1. Д. 6. Л. 49.

растущим. Ехавши домой заехали в Александровское, где управитель дал нам два десятка абрикосов (кстати, Дмитрий Матвеевич водил нас по оранжереям, где множество персиков и подал нам два падальца, разрезанные пополам. В Александровском ужасное опустошение, его берут под опеку»[348].

Нанесение визитов было достаточно распространенной формой развлечения в имении, особым являлся процесс организации праздника в усадьбе. На праздники собирались, как правило, окрестные помещики разного достатка и положения в свете. Торжественно всегда отмечались дни именин хозяев.

Так, например, Софья Ковалевская отмечала, что именины её мамы – это было всегда особое событие в Полибино. «Все соседи, верст на пятьдесят в окружности, съезжались к нам; набиралось человек до ста, и уже всегда к этому дню устраивалось у нас что-нибудь особенное: фейерверк, живые картины или домашний спектакль. Приготовления начинались, разумеется, задолго наперед»[349]. Однажды в честь именин Елизаветы Корвин-Круковской, матери Софьи Васильевны Ковалевской, в Полибино был устроен бал, где под музыку полковых музыкантов все гости танцевали до утра. Это событие Софья Ковалевская описывает так: «Именинный обед уже часа три как кончился. В большой зале наверху были зажжены все люстры и канделябры, и гости, успевшие отдохнуть после обеда и переодеться к балу, начали сходиться. Офицерики, пыхтя и тужась, натягивали белые перчатки; воздушные барышни в тарлатановых платьях и огромных кринолинах, бывших тогда в моде, вертелись перед зеркалами»[350].

Однажды родители Пушкина были приглашены на именины к своим соседям, где было довольно много гостей, которые танцевали, а Надежда Осиповна играла в твист и выиграла 40 рублей[351]. Действительно, и мужчины и женщины того времени страстно увлекались картами. Почти в каждом дворянском доме был ломберный стол. Так, иногда развлекались в одиночку, раскладывая преферанс вечером или в обществе своих знакомых и соседей, играя в азартные игры.

---

[348] РГАЛИ. Ф. 1183. Оп. 1. Д. 7. Л. 83.
[349] Ковалевская С. В. Воспоминания. Повести. М., 1986. С. 90.
[350] Там же. С. 108.
[351] Мир Пушкина. Письма С. Л. и Н. О. Пушкиных к их дочери О. С. Павлищевой, 1828 – 1835 гг. С. 241.

Напротив, именины Владимира Философова отметили достаточно скромно, в домашнем кругу. «День моих именин. Мне подарили оброк с Фёдора Евдокимова. Утром гулял с Александре в саду. Приехала тётушка Татьяна Сергеевна с семейством. Начались танцы, в которых я мало принимал участие, именно протанцевал кадриль один, ибо к тому мне воспрепятствовало нездоровье»[352]. Сергей Львович Пушкин в одном из писем к дочери описывает провинциальный бал у соседей Шелгуновых, где они вместе с женой присутствовали 28 июля 1833 г. Бал начался в три часа дня, все приглашенные гости танцевали различные фигуры под звуки клавесина, на котором играла хозяйка дома, заменяя собой оркестр. Домашний учитель Шелгуновых «один танцует балетные антре, разные соло, венгерки и матлоты под бурные аплодисменты всего общества. Это так смешно, что можно лопнуть со смеху, как бы мало ни был к тому расположен»[353]. Несомненно, танцы были одним из самых популярных занятий в усадьбе. «Знаешь ли ты, что в нашей округе помешались на танцах. У Шушериных есть гувернантка-полька, которая только и делает, что танцует… Вообрази, Акулина Герасимовна, Наталья Ивановна, Надежда Андреевна – все танцуют французские кадрили, это со смеху помереть, и карапузики – принадлежащие семейству ребятишки – восхитительны»[354]. Надежда Осиповна Пушкина рассказывала в письме к дочери Ольге о праздновании дня Ангела своей кузины: «Мы в Острове с 24, со дня ангела моей кузины, у неё множество гостей, танцевали с 5 часов вечера до 3-х часов утра. Завтра возвращаемся в Михайловское через Врев, где проведем два дня»[355].

В богатых усадьбах летом большой популярностью пользовались театрализованные постановки. Пьесы выбирались несложные, но с занимательным, часто комическим сюжетом. В усадьбе Полибино очень любили домашние спектакли, так что даже была построена постоянная сцена с кулисами и декорациями. В спектаклях принимали участие члены семейства Корвин-Круковских, в частности, старшая дочь Анна, а также «в соседстве было

[352] РГАЛИ. Ф. 1183. Д. 6. Л. 50.
[353] Мир Пушкина. Письма С. Л. и Н. О. Пушкиных к их дочери О. С. Павлищевой, 1828 – 1835 гг. С. 180.
[354] Там же. С. 179.
[355] Там же. С. 116.

несколько старых записных театралов, которых всегда было можно завербовать в актёры» [356], – вспоминала С. В. Ковалевская. В начале XIX в. домашний театр, где играли господа, стал явлением достаточно распространенным. «Большинство пьес разыгрываемых в домашних спектаклях бралось из репертуара французского классического театра»[357]. Так, например, одним из произведений, разыгранных в доме Корвин-Круковских, был французский водевиль «Les oeufs de Perette»[358], что означало «Яйца Перетты», где старшая сестра Софьи Васильевны Анна играла главную роль. Также известно, что в Торопецком уезде Псковской губернии у помещика Н. Афросимова был крепостной театр, дворянин в 1829 г. даже продавал своих актёров[359].

Наравне с другими искусствами процветала в русской усадьбе и музыка. В усадьбах могли быть собственные крепостные оркестры, часто руководимые заезжими иностранцами, были и доморощенные композиторы из дворовых людей. Нередко помещики имели в своём доме различные музыкальные инструменты, чаще всего рояль, фортепиано, клавесин и музицировали вечерами для собственного удовольствия и для гостей. Некоторые настолько серьёзно увлекались музицированием, что сочиняли самостоятельно различные пьесы. Музыкальные инструменты имели многие помещики, а вот содержание оркестра было дорогим удовольствием. Состоятельная семья Креницыных, летом приезжавшая из Петербурга в с. Цевло Новоржевского уезда содержала собственный оркестр. «У Креницыных, как и у всех богатых помещиков того времени, было много всяких затей. Имелся, между прочим, и свой оркестр. В капельмейстеры попал один крепостной, которого посылали на обучение за границу»[360].

Балы и приёмы проходили в усадьбе Валуевых в сельце Жеребцово Островского уезда. В доме был для этого случая «бальный зал» поражавший своей красотой и изысканностью. Атмосфера, которая царила в этой усадьбе, была очень

---

[356] Ковалевская С. В. Воспоминания. Повести. М. 1986. С. 90 – 91.
[357] Соловьёв К. А. «Во вкусе умной старины». Усадебный быт российского дворянства. СПб., 1998. С. 37.
[358] Ковалевская С. В. Воспоминания. Повести. М. 1986. С. 91.
[359] Дмитриева Е. Е. Купцова О. Н. Жизнь усадебного мифа: утраченный и обретенный рай. М., 2003. С. 496.
[360] Философов Д. В. Старое и новое. Сборник статей по вопросам искусства и литературы. М., 1912. С. 131.

весёлой, шумной, хлебосольной. Хозяева отличались радушием и гостеприимством. Их просторный дом часто служил местом проведения столь обычных для той эпохи многолюдных приёмов[361]. Алексей Николаевич Вульф в своём дневнике упоминает о том, что его мать Прасковья Александровна Осипова вместе с дочерьми встречала новый 1831 г. в Острове в имении Валуева[362]. Вероятно, в этот вечер её дочь Евпраксия Николаевна познакомилась с Борисом Александровичем Вревским, за которого она вскоре вышла замуж.

В сентябре 1833 г. Пушкины были приглашены на свадебные торжества их знакомых Кирьяковых. Надежда Осиповна была посаженной матерью жениха Василия Яковлевича Кирьякова. В письме от 14 июля 1833 г. Надежда Осиповна сообщала дочери: «…а в субботу приехали в Остров, потом, задолго до обеденного часа, в Сухопальцево, к Екатерине Исааковне, где провели три дня. Екатерина Исааковна так и сияет, он выдает дочку за полковника Кирьякова, командира полка, стоящего в Острове. Она делает превосходную партию, ему 33 года, он обожает Полиньку, имеет состояние, у него превосходный характер, он очень любим офицерами. Его невеста влюблена в него, как можно быть влюбленной в 16 лет, то есть до безумия, свадьба будет в сентябре, где я тоже буду играть роль, я буду посаженная мать жениха, невестиной – будет собственная ее тетка»[363]. На церемонии брака присутствовала вся многочисленная родня Ганнибалов, а свадьбу праздновали целых десять дней. Балам, обедам, увеселительным прогулкам не было конца. Такое событие обычно отмечалось с размахом. Дворяне порой тратили значительные суммы на организацию свадебного торжества. Известно, что в 1818 г. псковской прапорщицей Пелагеей Засуличевой было израсходовано на свадьбу 485 рублей 60 копеек, немалые деньги. Причём расходы на продукты для праздничного стола составили 292 рубля 50 копеек, т.е. больше половины от всей суммы. Для торжества были куплены различные вещи: платье, шалевый платок, белые башмаки, куски шелка, темно-зеленые ленты, лайковые перчатки, а также цветы на голову. Таким образом, на

[361] Псковская земля. История в лицах. «Дворяне все родня друг другу». М., 2006. С. 134.
[362] Любовный быт Пушкинской эпохи. Т. 1. М., 1994. С. 370.
[363] Мир Пушкина. Письма С. Л. и Н. О. Пушкиных к их дочери О. С. Павлищевой, 1828 – 1835 гг. С. 45.

наряд и украшения было потрачено 116 рублей 55 копеек. Разные мелочи (свечи, принадлежности для шитья, игральные карты и многое другое) обошлись в 74 руб. 55 коп. Торжественность этого мероприятия поддерживалась приглашенными для этого случая музыкантами[364].

Для того чтобы произвести особое впечатление на гостей наиболее состоятельные помещики устраивали в завершении праздника фейерверки. Об этой забаве упоминала и С. В. Ковалевская в воспоминаниях. То, что это было развлечение для богатых, доказывает счёт помещику Псковской губернии господину Николаю Степановичу Тютчеву. Обращаясь к документу, можно узнать, что на организацию фейерверка им было потрачено 54 руб. 55 коп. Причём за полный фейерверк пришлось отдать 27 руб. 75 коп., а также заплатить за 34 фунта пороха 26 руб. 80 коп.[365]

Из дневника 18-летнего Владимира Философова известно, что его жизнь в Богдановском была достаточно свободной, ведь здесь он, прежде всего, отдыхал. Основными его занятиями были: купание, игра в бильярд и вист, верховая езда, катание на лодках и прогулки. Он почти ежедневно купался, гулял в саду, рыбачил, встречался с родственниками, играл на бильярде и в рулетку, в которую однажды выиграл дорожную чернильницу. Иногда он занимался тем, что переписывал письма своего батюшки. Но особое место в жизни В. Д. Философова занимало чтение. Его духовной пищей были книги. Он много читал, особенно вечерами и в дождливую погоду. «Любимыми авторами были У. Шекспир, Н. В. Гоголь, М. Ю. Лермонтов, А. Бестужев. Стихотворение последнего «Шебутуй» он внёс целиком в текст «Дневника» в марте 1838 г. в сопровождении нижеследующих строк: это «лучшие стихи русской литературы. И про такого человека как Бестужев осмелился сказать N., что смерть на поле битвы слишком для него хороша. Презренный деспот, ты недостоин целовать праха ног творца Шебутуя. О... может быть всевышний даст мне когда-нибудь отслужить за Бестужева, я бы с удовольствием пожертвовал жизнью для человечества»[366].

---

[364] ГАПО. Ф. 52. Оп. 1. Д. 1. Л. 533.
[365] ГАПО. Ф. 586. Оп. 1. Д. 65. Л. 21.
[366] Антипова Р. Н. О дневнике Владимира Дмитриевича Философова («Сыны отражены в отцах») // Философовские

Молодой человек мечтал о литературной деятельности и славе. «Дневник» сохранил упоминания о трех созданных им произведениях — «Араб», «Профессор», «Курбский», – о творческом созревании его с лучшим поэтом училища А. Жемчужниковым, о занятиях переводом. «Вместе с Сашей Княжниным, которого я очень люблю, я перевел роман Жорж Занда под заглавием СИМОН и отпечатал на свой счет в типографии Витбера»[367]. За месяц пребывания в Богдановском в 1838 г. Философовым было прочитано 12 книг. В дневнике дважды упоминаются произведения известной английской романистки Анны Радклиф, одной из основательниц «готического» романа тайн. Философов читал её романы «Полночный колокол» и «Пустынник таинственной гробницы». Историческая литература также была в библиотеке Владимира Дмитриевича, в том числе произведения Плутарха, а также энциклопедический лексикон – русская энциклопедия, которая издавалась в 1834–1841 гг. Интересовался он и периодической печатью, так как встречаются в дневнике упоминания о «Литературном прибавлении». Можно предположить, что это были «Литературные прибавления к «Русскому инвалиду», которые выходили в Петербурге с 1831 по 1839 гг. и включали в себя следующие отделы: пересмешки, словесность, критика, смесь и моды [368]. Была и французская литература в библиотеке Философовых. Из дневника известно, что в Богдановском он читал «Heplameron contes de la reine de Navarre» (Гептамерон. Новеллы королевы Наварской). Это собрание новелл, автором которых была французская принцесса Маргарита Наварская (Валуа). Новеллы были написаны в духе Боккаччо, поэтичные, соединяющие легкость сюжетов с некоторой поучительностью. Беседы кавалеров и дам, от имени которых велись рассказы, были полны остроумия и душевной чуткости [369]. Помимо этого в дневнике встречаются названия и других французских книг, прочитанных Философовым, но без авторства. В 1839 г. записи в дневнике, связанные с чтением, стали заметно реже. Чуть более месяца отдыхал Владимир в Богдановском, и за этот период лишь

чтения. Сборник материалов четвертых Философовских чтений. Псков, 2011. С. 50.
[367] Там же. С. 50.
[368] Энциклопедический словарь. Под ред. Ф.А. Брокгауза и И. А. Ефрона. М., 1991. Т. 34. С. 803.
[369] Энциклопедический словарь. Под ред. Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. М., 1991. Т. 36. С. 604.

трижды он упоминает о прочитанных книгах. Среди них были работы бельгийского юриста и историка, профессора гражданского права в Гентском университете Франсуа Лорана[370], книга, посвященная историческим событиям во Франции (осаде крепости Ла-Рошель), автор не указан, а также некое произведение «Чёрный рыцарь», тоже без авторства.

Книги были во многих дворянских семьях, их количество и состав зависели от интересов домочадцев, их потребности в чтении. В состоятельных домах личная библиотека становилась непременным атрибутом домашней обстановки и показателем кругозора дворянина. Но, конечно, не все личные библиотеки того времени могут служить выражением действительной потребности чтения: они часто соответствовали веяниям моды и вкусам времени. К тому же в конце XVIII в. была заложена традиция коллекционирования книг. Среди книг в усадьбах предпочтение отдавали, прежде всего, исторической литературе, справочникам для занятия хозяйственными делами, а также читали переводную беллетристику: рыцарские, назидательные и сентиментальные романы.

Семья родителей А. С. Пушкина в Михайловском постоянно не жила и библиотекой не располагала. Они часто пользовались книгами своих соседей Осиповых в Тригорском, а также знакомых Вревских из имения Голубово. «Вревские дают нам книги, и в деревне это большая отрада»[371], – сообщал С. Л. Пушкин дочери Ольге. Своими впечатлениями о прочитанных книгах Сергей Львович делился с дочерью: «Вревские продолжают давать нам книги, как и Газету и Заграничное обозрение. В последнее время и теперь я ещё читаю мемуары Байрона, писанные Муром. Надо признаться, что этот Великий Гений много мелочного имел в характере и, случалось, вел себя как сущий пьяница, каким он и был. – Дабы примириться с ним, мне нужно было его перечитать. Как Поэта я его люблю, но как человека… нимало! Я для этого не довольно цивилизован. – Читал я ещё Мемуары Базиля Галя, капитана английского корабля, попадаются места очень интересные»[372]. В Голубово была хорошая библиотека, в

[370] Энциклопедический словарь. Под ред. Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. М., 1991. Т. 35. С. 12.
[371] Мир Пушкина. Письма С.Л. И Н.О. Пушкиных к их дочери О. С. Павлищевой,1828 – 1835 гг. С. 179.
[372] Там же. С. 247.

которой насчитывалась свыше трёх тысяч томов книг. Хозяин имения Борис Александрович Вревский серьезно относился к чтению книг и газет. Он родился и вырос в Париже, первоначальное обучение получил в школе иезуитов. Там его приучили к выдержке и самообладанию, труду и добросовестному отношению к делу. Борисом Александровичем был составлен каталог книг, приобретённых в библиотеку с 1831 по 1874 год[373]. Каталог небольшого формата, в нём выполнена разбивка на шесть граф. В первой графе записывалось имя автора книги, во второй – её название, в третьей – количество томов, в четвертой – размер, в пятой – год выпуска, в шестой – место печати. Большую часть книг составляла литература на французском языке, в основном, это книги первой половины XIX в., но 60 наименований книг были XVIII в. Была литература и на немецком языке, но всего лишь 86 наименований, из них 6 – книги XVIII в., остальные – XIX столетия. На английском языке было всего лишь 17 наименований книг, из них четыре – XVIII в. На русском языке в каталоге числится 217 наименований книг, среди которых была духовная литература. Например, Евангелие 1816 и 1861 гг., «Поучительные слова, притчи и проповеди» 1835 г., «Поучения православной церкви» 1843 г., «Принципы для христианина» 1828 г. и т. д. В библиотеке был труд Н. М. Карамзина «История Государства Российского» в 7 книгах 1817 г. Хранились книги А. С. Пушкина, Е. А. Баратынского, И. И. Козлова, А. А. Дельвига, Н. М. Языкова, А. С. Грибоедова, а также полные собрания сочинений русских авторов (30 книг): А. Д. Кантемира, Д. И. Фонвизина, И. М. Долгорукова, Г. Р. Державина, К. Н. Батюшкова[374] и др.

В 1840-е гг. Вревский являлся постоянным подписчиком Белизара, петербургского книгопродавца, у которого много книг приобретал в последние годы А. С. Пушкин. В счёте от Белизара на 13 рублей серебром на бланке 1840-х гг. перечислены выписанные Вревским сочинения Капниста, Измайлова, Долгорукова, Тредиаковского, Кострова, Судовщикова и других российских авторов. В общем списке получаемых изданий – «Театральный и музыкальный

[373] ИРЛИ РО. Ф. 244. Д. 2540. 52 л.
[374] ИРЛИ РО. Ф. 244. Д. 2540. 23 – 35.

вестник», журналы «Современник», «Вестник Европы», «Дамский журнал», «Труды вольного экономического общества»[375]. Выписывал Вревский разные журналы, в том числе «Русский вестник» М. Н. Каткова, «Русский Архив» П. И. Бартенева, «Московский телеграф» Н. А. Полевого, «Северные цветы» А. А. Дельвига, «Библиотеку для чтения» О. И. Сенковского, «Отечественные записки» А. А. Краевского, а также интересный журнал для детей «Звездочка» А. О. Ишимовой. Он всегда старался находиться в курсе событий и читал свежие газеты. Среди них – «Сын Отечества», «Сенатские ведомости», «Санкт-Петербургские ведомости», «Московский вестник», «Псковские губернские ведомости», «Журнал Псковской губернии», «Северная пчела», «Вестник русского географического общества» и некоторые другие.

В усадебной библиотеке были и различные хозяйственные справочники. В каталоге упоминаются следующие книги: «Агрономия, домоводство и медицина», «Записки для городских и сельских хозяев», «Русский практический огородник», а также «Труды Вольного экономического общества» в 12-ти томах и другие издания. Отдельно в каталоге вынесены карты и географические планы.

В Тригорском была богатая библиотека. В ней были сентиментальные французские романы, энциклопедические словари, домашние лечебники, исторические книги, старинные журналы и альманахи, а также коллекция календарей, принадлежавших хозяйке П. А. Осиповой. Каталог библиотеки был составлен известным пушкинистом Б. Л. Модзалевским, который в 1902 г. посетил Тригорское. Всего в библиотеке он насчитал 352 наименования книг, причём книг XVIII столетия было подавляющее число, оно составляло почти 70% всех изданий. Таким образом, книг XVIII в. – 243 наименования, а первой половины XIX в. – 109 книг. Модзалевский разделил всю библиотеку на 6 отделов[376]. В первый, самый большой, отдел вошла т.н. «изящная литература» (собрания сочинений известных писателей, поэтов, различные романы, повести и альманахи), во второй отдел – детские книги и учебники, в третий – историческая

[375] Лобанова Э. Ф. Культурные связи и семейные традиции баронов Вревских // Усадьба в русской культуре XIX – начала XX веков. М., 1996. С. 49 – 50.
[376] Модзалевский Б. Л. Поездка в с. Тригорское в 1902 г. // Пушкин и его современники. Материалы и исследования. СПб., 1903. Вып. 1. С. 19 – 52.

литература, в четвертый отдел – медицинские справочники, литература о путешествиях, в пятый отдел – философская, политическая, богословская литература, в заключительный шестой отдел вошли словари, журналы и книги об искусстве. Книги были на разных европейских языках. Подавляющее число книг было на французском языке, чуть меньше – на немецком, 50 изданий – книги, переведённые на русский язык, 42 книги – собственно на русском языке, на итальянском языке насчитывалось 16 изданий.

Библиотека в усадьбе Полибино Корвин-Круковских находилась рядом с залой, в ней везде, на диванах и на всех столах, лежали томики иностранных романов или русские журналы. Очень любил пользоваться библиотекой родной дядя Софьи Васильевны Ковалевской Петр Васильевич, который из всех наслаждений ценил только чтение. «Чтение до запоя, до дури было его единственной слабостью. Политика очень занимала его. С жадностью поглощал он газеты, приходившие к нам раз в неделю, и потом долго сидел и обдумывал»[377].

Софья Васильевна отмечала, что в их большой полибинской библиотеке не было отечественных авторов, она состояла преимущественно из иностранных книг. «Главное же богатство нашей библиотеки состояло в массе старых английских романов, преимущественно исторических, в которых действие происходило в средние века, в рыцарский период»[378]. Такими романами увлекалась её старшая 15-летняя сестра Анна: «…она набросилась на все романы, какие только находились в нашей деревенской библиотеке»[379]. Детских книг в полибинской библиотеке было немного, поэтому она с жадностью читала хрестоматию Филонова, благодаря которой она познакомилась с произведениями классиков русской литературы. Упоминание о том, что семья Корвин-Круковских выписывала некоторые журналы говорит о том, что семья была состоятельной, так как многим провинциальным помещикам подписка на периодические издания была просто не по карману. Софья Васильевна вспоминала: «У нас в семье много читали и выписывали новых книг. К каждой книжке, к каждому печатному слову

[377] Ковалевская С. В. Воспоминания. М., 1986. С. 67.
[378] Там же. С. 84.
[379] Там же. С. 84.

не только мы, но и все наши окружающие относились как к чему-то приходящему к нам издалека, из какого-то неведомого, чуждого и не имеющего с нами ничего общего мира»[380].

Библиотеки были в домах и многих других псковских помещиков. В Кярово, имении Коновницыных, была библиотека, и владелец дома между хозяйственными делами обогащал свою память познаниями. Он занимался чтением русской и иностранной литературы по разным отраслям знаний, много переводил, творчески осмысливал прочитанное и отражал в своих записках[381]. В усадьбе дворян Креницыных Цевло была большая библиотека, в которой находились книги российских авторов, французская литература, учебники, стоимость которых оценивалась в 15 тысяч рублей[382]. О содержании этой библиотеки узнать невозможно, так как в 1821 г. в имении случился пожар и всё имущество, в том числе и книги, сгорело. В имении псковских дворян Пальчиковых Щиглицы была хорошая библиотека, в которой были достаточно редкие экземпляры духовной литературы. В ней находились старопечатные книги, такие как «Служебник» 1693 г., Псалтырь 1742 г., а также Толковое евангелие XVIII в. болгарского архиепископа Феофилакта, Служебник второй половины XVIII в. Среди исторических книг была «Древняя история об египтянах» автора Роллень 1753 г., полное собрание сочинений М. В. Ломоносова 1794 г., а также многочисленная литература на французском языке[383]. В Богдановском, имении Д. Н. Философова было много прекрасных книг наряду с картинами, статуями, привезённых из частных поездок за границу. В усадьбе Мелехово Великолукского уезда в господском доме помещика Лавра Степановича Лаврова имелась богатейшая библиотека, в которой была знаменитая «Энциклопедия» французских материалистов XVIII в., немецкая историческая хроника с выразительными гравюрами, роскошно иллюстрированные издания. В имении Васильчиковых-Строгановых в Волышово была большая библиотека. В ней находились сочинения классиков, произведения французских и немецких писателей периода романтизма,

[380] Там же. С. 103.
[381] Иванов Е. П. Генерал Петр Петрович Коновницын. Псков, 2002. С. 32.
[382] ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 673. Л. 13.
[383] ПГОИАХМЗ. Древлехранилище. Ф. 548.

значительным был и философский отдел библиотеки, состоящий из французских и немецких изданий 40-х гг. Много было в ней развлекательной беллетристики, подписных изданий, романов (то и другое на разных языках и нередко с неразрезанными страницами). Солиднее всего выглядели сотни томов на английском языке, посвященных коневодству, конному спорту, охоте[384]. Состав библиотек провинциального дворянства раскрывает весьма разнообразные интересы, которыми жили представители высшего сословия в первой половине XIX столетия.

В осенне-зимний период одним из распространенных занятий в помещичьих усадьбах была охота. У некоторых дворян охота превращалась в страсть, на которую тратились огромные деньги и силы. Помещик новоржевского уезда А. И. Львов увлекался охотой, имел для этого специальных лошадей, большую псарню.

В целом, предпочтение отдавалось псовой охоте. Поэма А. С. Пушкина «Граф Нулин» начинается с описания подготовки такой охоты.

«Пора, пора! Рога трубят;
Псари в охотничьих уборах
Чем свет уж на конях сидят,
Борзые прыгают на сворах».

А. М. Гордин предположил, что в качестве прототипов помещичьей четы в этой поэме могли выступить соседи Пушкина по Михайловскому: владелец села Ругодева Николай Михайлович Шушерин и его супруга Наталья Николаевна. По воспоминаниям современников Шушерина «он любил окружать себя всякого рода приживалами и гордился перед соседями своими необыкновенно длинными холеными ногтями да псарней. Охота, собаки составляли его главный жизненный интерес»[385].

В усадьбах имелись помещения для содержания собак. Охотились, главным образом, на зайцев и лис. В частности, охота на зайцев была излюбленным

[384] Проскурякова Г. В. Волышовская старина. СПб., 2008. С. 28.
[385] Гордин А. М. Пушкин в Михайловском. Л., 1989. С. 198.

занятием владельцев усадьбы Волышово. Она воспринималась как праздник, в котором принимали участие и крестьяне[386].

Князь Дмитрий Васильевич Васильчиков был заядлым охотником, специально закупал для этого занятия породистых лошадей, собак и почти ежегодно в конце августа приезжал из Петербурга в Волышово, чтобы насладиться прелестями этого развлечения. Он знал толк в этом деле, так как во времена императора Николая I был обер-егермейстером, то есть заведовал императорской охотой. У него была своя псарня в Волышово. «Самые старинные здания в селе – псарник, манеж, некоторые из конюшен датируются концом XVIII - началом XIX в»[387]. Число собак постоянно пополнялось. Тщательно подбирались люди для конюшен, псарников, птичьего двора. В Волышово был человек, назначенный ухаживать за собаками и следить за состоянием их здоровья. «У Василия Горшка молодые щенки подросли, и он теперь с ними делает малые проездки в поле; верховые лошади подготавливаются теперь окончательно»[388]. Нередко сам Васильчиков из Петербурга присылал новых гончих для охоты, о чём упоминается в его бумагах. «Отправляю к тебе Александр Иванов казенным охотником двух борзых собак белую суку щенную и черного кобеля привезенного из Англии»[389]. Известно из воспоминаний князя Бориса Васильчикова, что сама королева Виктория прислала в подарок Дмитрию Васильевичу двух английских борзых, «из которых одна – сука Фанси, сделалась любимицей Д. В., жила у него в комнатах, а в поле «рыскала за ним в простых», то есть ходила без своры и отличалась выдающейся резвостью»[390]. Из его распоряжений известно, что собак числилось в разное время от 30 до 60, которым полагалось 50 четвертей овса ежегодно[391].

День открытия псовой охоты в Волышово исстари был торжественным днём. Открытие происходило между 5 и 10 сентября. «Уже с половины августа переписка между Выбити и Волышовом оживлялась: обменивались сведениями о

[386] Проскурякова Г.В. Волышовская старина. СПб., 2008. С. 67.
[387] Там же. С. 14.
[388] РГАДА. Ф. 1278. Оп. 4. Д. 466. Л. 14.
[389] РГАДА. Ф. 1260. Оп. 2. Д. 188. Л. 18 об.
[390] Васильчиков Б. Воспоминания. М., 2003. С. 61.
[391] РГАДА. Ф. 1260. Оп. 2. Д. 261. Л. 56.

состоянии хлебов и в зависимости от предполагаемого окончания их уборки устанавливался срок начала охот…, намечался день и план на осень и день первого поля»[392].

К 30-м гг. охота превратилась в своего рода ежегодные состязания, собиравшие помещиков в определенное время на назначенной территории. Собачьи своры были гордостью помещика и даже предметом зависти. К своим успехам и разочарованиям псовый охотник был очень чуток, и на этой почве между собратьями по страсти устанавливалось соревнование, которое проявлялось и дома при осмотре собак, и в поле, на охоте, и на садках и выставках, «если оно происходит в спортивном духе и среди благовоспитанных людей, увлекает и заполняет содержанием всё то, что тесно связано с псовою охотою как известным видом спорта»[393].

Брат Васильчикова Илларион Васильевич также был страстным охотником. Сохранился даже его дневник охоты на медведя с рисунками и схемами (1808 – 1809 гг.) на французском языке[394]. Однажды братья поссорились из-за двух русаков, так как собака Дмитрия Васильевича на одной из охот проявила особую ловкость, так как была без своры, а брат Васильчикова был глубоко обижен на этот инцидент. «Предание гласит, что в этот день братья, из которых один был председателем Государственного Совета, а другой первым чином Двора, за полевым завтраком между собой не разговаривали!»[395]

Дамы в семье Васильчиковых, а позже и Строгановых, тоже разделяли страсть к этому увлечению и многие выезжали в поле. По итогам охоты всегда устраивали обед на свежем воздухе. В описи имения Волышово отдельно выделены серебряные предметы, предназначенные для приготовления пищи на охоте. Для этого отводился специальный сундук, в котором хранилась вся необходимая посуда. В нём всего числилось сто шестьдесят девять серебряных предметов. В их числе были: суповая чашка, глубокие тарелки, разливной ковш,

[392] Васильчиков Б. Воспоминания. М., 2003. С. 67 – 68.
[393] Там же. С. 60 – 61.
[394] РГИА. Ф. 651. Оп. 1. Д. 1424. Л. 45.
[395] Васильчиков Б. Воспоминания. М., 2003. С. 61.

ложки, вилки, стаканы и горчичница[396].

К занятию охотой относились ответственно. На протяжении первой половины XIX в. было издано немало пособий по псовой охоте, что лишний раз подтверждало её роль в сельской жизни. Почти все помещики знали труды В. А. Левшина «Псовый охотник или основательное и полное наставление о заведении всякого рода охотничьих собак» и «Книга охотников до звериной и птичьей ловли, также до ружейной стрельбы и содержании певчих птиц, или полный совершенный егерь, стрелок, охотник»[397].

Таким образом, охота – это не столько травля зайцев, сколько осенний образ жизни помещиков. Псовая охота была занятием общедворянским, но для особых любителей охоты были и другие её виды. Более простая, но рискованная «волчья» охота начиналась в декабре. За волком ходили с ружьем пешком в лес. Охота на крупную дичь – кабанов, лосей, медведей – требовала хитрости, воли, силы, спокойствия, в то время как псовая охота в большей степени напоминала кавалерийскую атаку или карточную игру[398].

Страсть дворянства к охоте выражало их стремление продемонстрировать свою принадлежность к высшему сословию, в какой-то степени занятия охотой способствовала сплочению дворянского общества.

Удалённость от столичных городов накладывала отпечаток на весь образ жизни помещиков Псковской губернии. Одной из самых распространённых и доступных форм развлечений было нанесение визитов своим соседям, приём гостей. Так как жизнь провинциального дворянина отличалась уединенностью, то общение вносило определенное разнообразие в монотонный порядок дня сельского помещика. В провинции ритуал приема гостей был подчинен формальностям, но они были не столь строгими, как в столице. К тому же, в случае трудных жизненных обстоятельств, можно было рассчитывать на помощь соседа.

---

[396] РГАДА. Ф. 1260. Оп. 2. Д. 122. Л. 27.
[397] Дворянская и купеческая сельская усадьба в России XVI –XX вв. Исторические очерки. М., 2000. С. 373.
[398] Соловьёв К. А. «Во вкусе умной старины». Усадебный быт российского дворянства. СПб., 1998. С. 59.

В первой половине XIX в. такие занятия, как прогулки и чтение, приобрели новый смысл. Для дворянина, находившегося под впечатлением идей Просвещения, ежедневный ритуал прогулки порой приобретал значение не просто отдыха, а отдыха осмысленного. Этому даже способствовал порядок устройства парков, где каждый элемент нёс определенную смысловую нагрузку. Серьёзное, вдумчивое чтение в этот период становится важной составляющей повседневной жизни дворянства. Правда, в Псковской губернии, по свидетельству многих современников, читающих помещиков было не так много.

2. 3. Церковь в повседневной жизни псковского дворянства

Усадьбу провинциального дворянина трудно себе представить без храма, который в сельской местности духовно связывал господ и крестьян, дворовых людей. Церковь в усадьбе или её окрестностях играла большую консолидирующую роль. В двунадесятые, а чаще в храмовые праздники здесь вместе со своими семействами, родственниками и знакомыми собирались все дворяне, жившие в границах прихода, богатые и сановитые, а также небогатые мелкопоместные помещики, их крепостные, дворня и т.д. Присутствующие в храме сообща крестились, слушали, пели хором молитвы, припадали к кресту, приносили пожертвования. На клиросе бок о бок исполняли церковные песнопения дворяне и крестьяне.

Жизнь помещиков постоянно сопровождалась религиозными обрядами. Рождались в семье дети – их крестили, для оформления брачного союза молодая пара венчалась в церкви, усопшего человека отпевали по всем православным канонам. Как правило, каждый день дворянина начинался и завершался молитвой. Обязательной принадлежностью интерьеров господских домов были иконы.

Из описи господского дома в с. Волышово Порховского уезда, составленной в 1846 г., известно, что в каждой комнате были иконы, а в некоторых и не одна. В главном доме названо 34 иконы. Они находились практически в каждом помещении большого дома – в столовой, гостиной, кабинетах и уборной. В спальне хозяйки имения Аделаиды Петровны– 6 икон, в уборной – 4 иконы, в большой гостиной – 3 иконы, в малой гостиной – 3 иконы, в кабинете хозяина

дома – 1 икона, в прихожей (передней) – 1 икона, в столовой – 1 икона и т. д.[399] Переписчик указал и названия икон, это были образа Спасителя, Тайная вечеря, образа святого Николая Чудотворца, а также иконы Богородичного ряда, в том числе икона Казанской Божьей Матери, Тихвинской Божьей матери, Взыскания погибших и Умягчения злых сердец.

В воскресенье и в дни религиозных праздников дворяне старались посещать богослужения в храме. В дневнике Б. А. Вревского упоминается о том, что он в воскресенье часто бывал в церкви. В. Д. Философов практически каждое воскресенье заносит в свой дневник сведения о том, что он посещал обедню или молебен в храме. Храмовые, церковные праздники отмечали особо, всегда посещали церковь. Владимир Философов в дневнике писал: «Петров день. Утром поехали к обедне, дома служили молебен благодарственный…»[400]. День Ангела или день именин, которые в XIX в. стали уже почти светскими праздниками, также отмечались широко и сопровождались походом в церковь. В Месяцеслове Б. А. Вревского на 1835 г.[401], были отмечены именины всех родственников. Отправляясь в дальнюю дорогу, служили молебен для отъезжающих, даже перед сезоном открытия полей служили молебен, о чём упоминал в своем донесении владельцу порховских имений князю В. Д. Васильчикову управляющий имением Волышово. Т. е. вся жизнь провинциального дворянства была тесно связана с религиозными обрядами. Иногда дворяне к ним относились достаточно формально, согласно сложившейся религиозной традиции, но, конечно, были и истинно верующие представители дворянского сословия, исповедующие жизнь христианскую своим примером.

Анна Петровна Керн, живя в 1820 г. вместе со своим мужем Е. Ф. Керном в Пскове, где он находился на службе, вела «Дневник для отдохновения». В нём она постоянно обращалась к своим духовным переживаниям. Однажды она писала: «Когда искренне жаждешь предаться молитве, делается не по себе в толпе всех этих людей, которые приходят в церковь лишь затем, чтобы покрасоваться.

[399] РГАДА. Ф. 1260. Оп. 2. Д. 122. Л. 2 – 43 об.
[400] РГАЛИ. Ф. 1183. Оп. 1. Д. 5. Л. 47.
[401] ИРЛИ РО. Ф. 244. Оп. 17. Д. 64. Лл.1 – 39.

Невольные слёзы, что исторгает молитва из глубин взволнованной души не могут свободно излиться среди такого множества людей, устремивших на тебя свои взоры…Я твердо решила отныне ходить только в ту церковь, где менее всего бывает народу»[402]. Складывается впечатление, что «Дневник» был её единственным собеседником, которому она изливала все свои тяготы и невзгоды. Но всегда со светлым чувством она описывала свои посещения храма, где она обретала душевный покой и умиротворение. « Я только что немножко прокатилась в карете, и это принесло мне пользу. Но ещё более того – молитва. Проезжая мимо отпертой церкви, я вошла туда. Шла вечерняя служба. Я встала в уголке перед образом нашего Спасителя, умирающего на кресте, и горячо молилась, прося небо сохранить мне тех, кого я люблю… Вы не можете себе вообразить, как эта молитва меня облегчила, святость места, образ умершего на кресте за нас, всё это внушает упование и тихое спокойствие»[403].

В библиотеках состоятельных дворянских семей встречалась духовная литература, к которой тоже наверняка обращались. Довольно часто читали Псалтырь, Мясецеслов, Часослов, реже Библию. Среди книг, упомянутых Б. А. Вревским в его каталоге, немало книг религиозного содержания. Среди них: Евангелие на славянском языке, Священное писание на русском языке, сокращенный молитвослов, Поучение православной веры, книга «Принципы для христианина» и т. д[404]. Всего указано 12 наименований книг духовного содержания. В библиотеке псковских дворян Пальчиковых были довольно редкие экземпляры духовной литературы. Например, Служебник 1693 г., старопечатная книга, Псалтырь 1742 г., толковое Евангелие Феофилакта Болгарского в переплёте из кожи с золотым теснением XVIII в.[405] и т. п. Князь Дмитрий Васильевич Васильчиков присылал из Петербурга своему управляющему духовное чтение, о чём упоминается в документах. «Христианское чтение получил, за которое Вас чувствительно благодарю»[406], – писал в одном из писем князю управляющий

[402] Керн А. П. Воспоминания о Пушкине. М., 1988. С. 169 – 170.
[403] Керн А. П. Воспоминания о Пушкине. М., 1988. С. 272.
[404] ИРЛИ РО. Ф. 244. Оп. 17. Д. 2540. Л. 35.
[405] ПГОИАХМЗ. Древлехранилище. Ф. 548.
[406] РГАДА. Ф. 1260. Оп. 2. Д. 86. Л. 17 об.

Волышова Степан Поляков.

Все жительствующие в уезде были приписаны к своим приходам, и таинства совершались священником определенного прихода. Храм мог находиться в селе, где было несколько усадеб, и о его благоустройстве заботились все помещики данного прихода. Но строительство нового храма было благочестивым делом для дворянина. Владелец имения считал необходимым на свои средства построить церковь, или хотя бы украсить её. Случалось иногда, что вначале на помещичьей земле ставили храм и лишь потом принимались за усадебный дом. Поэтому, в усадебном ансамбле церковь занимала важное место. При усадьбах, где церквей не было, обязательно находились часовни. Богатые и знатные дворяне нередко устраивали в домах (особенно усадебных, стоящих уединенно) домовые церкви. Так поступил и помещик Островского уезда генерал-майор Валуев: сразу же по окончании строительства нового дома в его северо-восточном углу была устроена церковь во имя Богоявления Господня. Церковь была небольшой. Над входом в неё были устроены хоры для певчих, а на иконостасе (деревянном, крашеном белой масляной краской, с позолоченными пилястрами) были размещены шесть живописных полотен французского художника Друльера. Церковные купола размещались то в парке, на особых креплениях, то между колоннами бокового фасада здания[407].

Домовая церковь Всемилостивого Спаса была в имении князя Васильчикова Волышово. Но, в ней только молились и совершали службы. «Волышовцы и крестьяне-соседи очень любили ходить в домовую церковь, так как была она богатой и её посещение усиливало впечатление от праздников»[408]. Она поражала всех своей красотой. «Царские врата в алтарь и сам алтарь блистали позолотой. Перегородки, отделявшие алтарь и место для хора, обтянуты бархатом, пол выложен из каменных плиток и покрыт ковровыми дорожками, подсвечники и люстра, которую зажигали во время особо торжественных праздников, тоже позолочены»[409]. Приходская церковь села Волышово располагалась в соседней

[407] Розов Н. Г. Ожерелье Псковской земли. Дворянские усадьбы, Псков, 2008. С. 202.
[408] Проскурякова Г. В. Волышовская старина. СПб., 2008. С. 51.
[409] Там же. С. 51.

деревне – Тишинке. В ней венчали, отпевали, крестили детей и совершали другие обряды.

Когда князь Михаил Александрович Дондуков-Корсаков приобрёл имение Глубокое в Опочецком уезде, то стал ходатайствовать перед Синодом об открытии храма в своём имении. «В 1843 г. обратился с просьбою к Псковскому Епархиальному начальнику о дозволении ему устроить на своё иждивение домовую каменную церковь в собственном его имении Опочецкого уезда в сельце Глубоком, как потому что семейство его проводит там летние месяца, так и потому что значительная часть принадлежащих к этому имению крестьян числом 2600 душ обоего пола по отдалённости приходских церквей не только весьма редко назидается словом Божьим, но даже затрудняется в исполнении Священных Христианских обязанностей, особенно во время осени и весны, от затруднительности сообщения»[410]. Домовую каменную церковь построить ему не разрешили, а вот строительство приходской церкви позволили[411]. В 1853 г. церковь во имя иконы Казанской Божьей Матери была уже освящена. В дополнение к церкви соорудили «Святые ворота» с рельефным изображением благословляющего Христа.

В усадьбе Иваньково была построена церковь иконы Ахтырской Божьей Матери в 1813 г. (по преданию – по заказу помещика Арбузова). Кирпичная, построенная в стиле провинциального классицизма, она имела два престола – во имя Ахтырской Божьей Матери и придельный – во имя святителя Николая – Архиепископа Мирликийского чудотворца. На колокольне висело шесть колоколов, самый большой из которых весил 21 пуд 30 фунтов. В иконостасе храма находились древние иконы из сгоревшей деревянной церкви, в том числе местопочитаемая икона Казанской Божьей Матери[412].

В усадьбе «Княжьи Горки» Порховского уезда была церковь Ильи Пророка. Храм был построен в 1833 г. на средства помещика Г. А. Кожина. «Церковь великолепна – столичной архитектуры. Того стиля, который называют русским

[410] РГИА. Ф. 797. Оп. 16. Д. 38545. Л. 1.
[411] Там же. Л. 4.
[412] Розов Н.Г. Ожерелье Псковской земли. Дворянские усадьбы, Псков, 2008. С. 117.

ампиром, а теперь – русским классицизмом первой половины XIX в. Под колокольней колонный портик. На боковых стенах внизу – по три сомкнутых арочных окна. Над ними большие глади стен, по которым длинной узкой лентой идет барельеф из тонко вылепленных арматур. Часть их сбита… над входом, над колокольней изящная лепнина вокруг прямоугольной нишки. Такой же лепниной украшен купол внутри. Построена она в честь победы над Наполеоном, о чём свидетельствует и её архитектура, и близость кутузовских мест»[413].

В сельце Михайловском Опочецкого уезда не было своей церкви, хотя по некоторым версиям А. С. Пушкин хотел построить церковь в деревне[414]. В Михайловском была часовня во имя Михаила Архангела. Сами же Пушкины являлись прихожанами церкви в честь Воскресения Христова, располагавшейся в д. Воронич, которая находилась в нескольких километрах от Михайловского. Церковь была построена ещё в 1789 г. А. С. Пушкин, как прихожанин, не однажды бывал в Воскресенской церкви. Дружил со священником Илларионом Раевским, знал всех служителей церкви и был знаком со многими крестьянами окрестных деревень. Из переписки А. С. Пушкина с братом Л. С. Пушкиным и другом П. А. Вяземским известно, что в 1825 г. в годовщину смерти Байрона, в Воскресенской церкви Опочецкого уезда, в приходской церкви с. Михайловского ссыльным поэтом была заупокойная обедня 7 апреля он писал Вяземскому: «Нынче день смерти Байрона – я заказал с вечера обедню за упокой его души. Мой поп удивился моей набожности и вручил мне просвиру, вынутую за упокой раба Божия боярина Георгия»[415]. Прихожанами Воскресенской церкви были не только Пушкины, но и помещики других близлежащих деревень, в усадьбах которых не было церквей. Среди них: помещица Дарья Герасимовна Шелгунова из сельца Дериглазова, Акилина Лисина из сельца Савкино, помещик штабс-капитан Вениамин Петрович Ганнибал из сельца Петровского [416].

Источники дают богатый материал, свидетельствующий об активной благотворительной деятельности дворянства Псковской губернии. Многие

[413] Розов Н. Г. Ожерелье Псковской земли. Дворянские усадьбы, Псков, 2008. С. 71.
[414] Будылин И. Т. Деревенский Пушкин. Пушкинские места Псковского края. М., 2008. С. 281.
[415] Пушкин А. С. Письма: в 3 т. Т. 1. М., 2006. С. 265.
[416] Никифоров В. Г. Приход Воскресенской церкви // Пушкинский край. 2005. 22 июля. С. 5.

помещики жертвовали на содержание храма иконы, утварь, давали деньги на приобретение необходимых атрибутов. Обитатели с. Тригорского Опочецкого уезда, семья Осиповых, была прихожанами соседней церкви во имя Святого Великомученика Георгия, расположенной на городище Воронич. Осиповы оказывали посильную поддержку церкви, жертвовали средства на её содержание. Именно здесь крестили, венчали и отпевали членов семейства Вындомских, Вульфов и Осиповых. Сохранилась книга брачных обысков (церковной регистрации браков) церкви во имя Святого Великомученика Георгия. В одном из обысков содержится информация о венчании дочери П. А. Осиповой, хозяйки тригорского имения. В нём говорилось: «1831 года июля 8 дня после именного Высочайшего 1765 года июля 2 дня указа Опочецкого уезда пригорода Воронича Георгиевской церкви приходские люди окольные жители случившиеся быть в свадебной церемонии сим свидетельствующем по присяжной должности и чистой совести, так как нам на страшном суде Христове в том ответ дать должно, что желающие ныне сочетаться первым браком Островского уезда сельца Голубово гвардии подпоручик барон Борис Александрович Вревский Опочецкого уезда прихода нашего сельца Тригорского статской советницы Прасковьи Александровны дочь Евпраксия Николаева Вульф…»[417].

Неподалеку от этой церкви многие из членов семейства Осиповых и Вульфов обрели вечный покой. В приходно-расходных книгах конторы с. Тригорского Опочецкого уезда упоминаются расходы на содержание церкви во имя Святого Великомученика Георгия Победоносца. В 1853 г. хозяйкой имения Прасковьей Александровной Осиповой было потрачено на содержание церкви – 35руб. 30 коп., а в 1854 г. – 28 руб. 30 коп[418]. Деньги шли на покупку церковного вина, ладана, свеч и т. п.

Также князь Дмитрий Васильевич Васильчиков заботился о состоянии приходской церкви вблизи с. Волышово. В 1850-е гг. на его средства в приходской Тишинской церкви был сделан ремонт: заменён иконостас, сделана новая крыша,

[417] Научный архив Пушкинского Заповедника. ПЗ-КП – 4677/42. Л. 77 об. – 78.
[418] ИРЛИ РО. Д. 23025. Лл. 3 – 15.

укреплена каменная ограда вокруг церкви. Во все ремонтные дела вникал сам Васильчиков, который по этому вопросу вёл подробную переписку со своим управляющим. Он заботился о том, чтобы все работы были сделаны хорошо, чисто и прочно, «чтобы по-пустому деньги не тратить»[419]. В одном из писем князь Васильчиков обращался к своему управляющему: «Получил я Александр Иванов письмо от Тишинского священника, который мне предлагает покрыть церковь железом на счет церковной суммы, скажи ему что я бы на сие согласился если бы он предложил мне сие прежде, а теперь я уже купил бумагу и послал мастера для покрышки церкви, а буде у него есть на то сумма, то чтобы он употребил оную на устройство потолка церкви, которая сгнила как ты мне писал, также и на весь пол церкви. Послать не деревянное, а плитное, потребую я как от тебя так и от него чтобы сие сделано прочно, дабы оно было годно на долгое время, а не на год; снаружи церкви обождать штукатурить, оставить сие до будущего года, оно будет прочнее, особенно новую стену; а внутри всё отштукатурить по порядку и прочно, иконостас не ставить прежде внутренней штукатурки; потолок и пол передай устройство священнику, ибо оное должно быть сделано на церковные деньги…».[420] В Волышово некоторое время была должность золотаря, в обязанности которого входило золочение рам для новых икон, устанавливаемых в церкви.

Взаимоотношения священнослужителей и дворян были разные. Порой, зависели от некоторых обстоятельств. Во-первых, от личных качеств священника, его образованности и авторитета. Во-вторых, от личности дворянина, его религиозности, состоятельности, а также степени его участия в благоустройстве храма. Ведь, некоторые представители дворянского сословия, жертвуя средства на содержание обители, относились к её имуществу как к своей собственности и считали себя вправе диктовать свою волю священнику. Могли назначить для себя удобное время службы, сократить богослужение, ожидать от священника особого уважения. Священнослужитель, действительно, чаще всего ощущал себя

[419] РГАДА. Ф. 1260. Оп. 2. Д. 188. Л. 26 об.
[420] РГАДА. Ф. 1260. Оп. 2. Д. 188. Л. 26.

зависимым от воли помещика, который мог прекратить щедро платить требы, уменьшить средства, выделяемые на содержание церкви. «Пастырь, попавший в опалу по жалобе помещика архиерею, мог лишиться обжитого места и быть переведенным в новый приход, что всегда было сопряжено с огромными материальными затратами. Наконец, по такой же жалобе можно было по приказу епархиального начальства попасть в виде наказания на какой-то срок в монастырь или даже лишиться сана»[421].

Но всё-таки храм вносил значительный вклад в культуру повседневности усадьбы и её ближайшей округи. Он способствовал соблюдению определенных норм взаимопомощи и единодушия между представителями дворянского сословия и крестьянства. Во многих мемуарах авторы, описывая свои детские годы, с особым чувством вспоминали то необычайно радостное событие, каким был в их довольно скучной и однообразной жизни выезд всей семьи в приходскую церковь в праздники. Так, для С. В. Ковалевской первым и самым ярким воспоминанием, запечатленным в сознании, явился момент посещения церкви. «Гул колоколов. Запах кадила. Толпа народа выходит из церкви. Няня сводит меня за руку с паперти, бережно охраняя меня от толчков»[422].

[421] Розов А. Н. Проблема взаимоотношений сельского священника и помещика // Русская усадьба на пороге XXI в. Хмелитский сборник. Вып. 3. СГПУ, 2001. С. 91 – 92.
[422] Ковалевская С. В. Воспоминания. М., 1986. С. 29.

Глава III. Деятельность дворянства Псковской губернии в сословных учреждениях

3. 1. Образование и воспитание дворянства Псковской губернии

Жизненный путь для многих представителей дворянства начинался в родовой усадьбе. Усадьба со своей архитектурой, садово-парковой культурой, библиотеками, а также соприкосновением сословий дворян и крепостных, несомненно, влияла на становление личности дворянина. Здесь формировались основы нравственности, нормы поведения, вкусы, идеалы, привычки накладывавшие отпечаток на всю последующую жизнь молодого человека. Средствами дворянского воспитания были окружающая действительность, и живое присутствие традиций о которой напоминали портреты и могилы предков, старая мебель, библиотека, парк, семейные предания[423]. С помощью домашнего воспитания передавались дворянские традиции, воспитывалось уважение к своим предкам, которыми гордились и стремились подражать. Конечно, нельзя ставить в один ряд все дворянские семьи, так как отношения внутри каждой из них определялись, во многом, личными качествами ее представителей. Но, как отмечает О. С. Муравьева: "Во всем многообразии дворянского семейного быта просматриваются некоторые общие черты. С одной стороны, воспитание ребенка совершенно беспорядочно: няни, гувернеры, родители, бабушки и дедушки, старшие братья и сестры, близкие и дальние родственники, постоянные друзья дома – все воспитывают его по своему усмотрению и по мере желания. С другой

[423] Дворянская и купеческая сельская усадьба в России XVI – XX вв. М., 2001. С. 357.

стороны, он вынужден подчиняться единым и достаточно жестким правилам поведения, которым, сознательно или неосознанно, учат его всему понемногу»[424].

Ф. В. Булгарин в беллетризованном «Отчете о виденном и слышанном в Псковской губернии» во время путешествия в 1835 г. иронически заметил: «О степени просвещения дворянства нельзя сказать ничего особенного». Таким образом, Псков никак не уступал другим губернским городам. «Здесь, как и везде, – писал Ф. В. Булгарин, – говорят по-французски, танцуют французскую кадриль, кое-что почитывают и, разумеется, рассуждают о прочитанном»[425].

Маленького ребенка в усадьбе чаще всего растила няня – русская женщина, обычно крепостная. Влияние няни на детей было значительно, так как она с ними постоянно находилась, заботилась о них, сопереживала им, приобщала к народной культуре. Большинство мемуаристов вспоминают о своих нянях как о самых ласковых и преданных людях; некоторые память о няне хранили всю жизнь. С. В. Ковалевская упоминала о том, что в детстве за ней, а также сестрой и братом ухаживала няня. Вечерами она любила рассказывать сказки, которые оставили неизгладимое впечатление в её жизни. «Всего счастливее я бывала, когда оставалась наедине с няней. По вечерам …я садилась рядом с няней на диване, прижималась к ней совсем близко, и она начинала рассказывать мне сказки. Какой глубокий след оставили эти сказки в моём воображении»[426]. А. П. Керн с нежностью вспоминала о своей нянюшке Васильевне, которая варила ей кашу из сливок и дивно рассказывала сказки, но отец Анны Петровны запрещал няне вечерами находиться с девочкой и усыплять её сказками[427].

В богатых и среднепоместных усадьбах, были все условия для домашнего образования и воспитания детей – обширные библиотеки, возможность нанимать учителей и гувернёров. По данным военно-статистического обозрения, среди гувернёров и нянек в Псковской губернии было много выходцев Остзейских губерний[428]. В XVIII – начале XIX вв. широкое распространение в дворянской

---

[424] Муравьева О. С. Как воспитывали русского дворянина. СПб., 1998. С. 146 – 147.
[425] Псковский край в литературе. Псков, 2003. С. 126.
[426] Ковалевская С. В. Воспоминания. М., 1986. С. 36 – 37.
[427] Керн А. П. Воспоминания о Пушкине. СПб., 2010. С. 291.
[428] Военно-статистическое обозрение Псковской губернии…СПб., 1852. С. 182.

среде получил французский язык, многие из помещиков прикладывали усилия и тратили деньги для обучения языку своих детей, приглашая иностранцев. Из донесений новоржевского исправника известно, что в имении Дмитрия Философова гувернёром был французский подданный Франсуа Босс, у помещика Бибикова гувернанткой была французская подданная Рен Мерель[429]. Островский земский исправник в 1832 г. констатировал, что в имении помещицы Меланьи Лосевой числился нидерландский подданный Жан Вильморс, который обучал детей французскому языку[430]. Были и русские учителя в помещичьих усадьбах. В Опочецком уезде у подполковника Ирецкого занималась с детьми учитель Татьяна Иванова[431].

Прасковья Александровна Осипова – владелица с. Тригорского Опочецкого уезда, принимала непосредственное активное участие в воспитании и образовании своих детей. Она сама имела довольно глубокие познания в области зарубежной и отечественной литературы, философии, политики. Поэтому в её библиотеке были книги разных европейских языках. В ней был целый блок специальной детской литературы и различных учебников, всего 52 наименования книг подобного рода. Вероятно, сама Прасковья Александровна по многим учебникам занималась в своё время, так как большинство книг (43) были изданы ещё в XVIII в. и лишь 9 книг XIX столетия[432]. Данная литература была издана преимущественно на французском языке, но были книги на немецком, русском языках и одна книга на итальянском языке. В библиотеке хранились книги по математическим дисциплинам, исторической науке, различные географические атласы для детей, а также учебники по французской, немецкой, итальянской грамматике и даже китайский букварь[433].

Вместе со своими детьми Прасковья Александровна изучала английский язык. «Она мало заботилась о своем туалете…она только всё читала и читала и училась! Она знала языки: французский порядочно и немецкий

[429] ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1042. Л. 11.
[430] ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1042. Л. 6.
[431] ГАПО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 610. Л. 2.
[432] Модзалевский Б. Л. Поездка в с. Тригорское в 1902 г. // Пушкин и его современники. Материалы и исследования. СПб., 1903. Вып. 1. С. 39 – 44.
[433] Там же. С. 39 – 49.

хорошо…Любимое её чтение когда-то был Клопшток»[434]. По воспоминаниям А. П. Керн, матерью Осипова была нетерпимой, но её дочери получили довольно хорошее домашнее образование, а старший сын А. Н. Вульф учился в одном из престижных в то время учебных заведений – Дерптском университете на экономическом отделении философского факультета по кафедре военных наук.

Дворянских детей старались приобщать к искусству, танцам, музыке, живописи. Во многих семьях образование было домашним, и учителя жили прямо в семье, поэтому большая роль принадлежала гувернантке – одному из главных персонажей процесса социализации. Девочка воспитывалась гувернанткой на протяжении всего периода взросления, мальчик же вскоре переходил из женских рук (чаще всего няни) в руки мужские – воспитателя, учителя или дядьки. Образование молодой дворянки имело главной целью сделать из девушки привлекательную невесту, поэтому оно заканчивалось с момента вступления в брак. Дочери дворян получали только домашнее образование, которое ограничивалось навыком бытового разговора на одном-двух иностранных языках, умением танцевать и держать себя в обществе, элементарными навыками рисования, пения и игры на каком-нибудь музыкальном инструменте и самыми начатками истории, географии и словесности. Гувернёры и учителя развивали ум, нравственность воспитанника, обучали культуре общения в свете.

А. П. Керн в имении Берново Тверской губернии с восьми до двенадцати лет воспитывалась у гувернантки-англичанки мадмуазель Бенуа. Некоторое время в Берново жила тригорская барышня А. Н. Вульф и обучалась вместе с двоюродной сестрой. Все предметы они изучали на французском языке. «Русскому языку учились только шесть недель во время вакаций, на которые приезжал из Москвы студент Марчинский»[435]. Гувернантка пристрастила девочек к чтению. «У нас была маленькая детская библиотека с m-me Genlis, Ducray-Duminil и другими, и мы в свободные часы и по воскресеньям постоянно читали»[436]. Они с удовольствием посещали и другие занятия. «Мы любили наши уроки и всякие

[434] Керн А. П. Воспоминания о Пушкине. М., 1988. С. 153.
[435] Керн А. П. Воспоминания о Пушкине. СПб., 2010. С. 309.
[436] Там же. С. 310.

занятия вроде вязанья и шитья подле m-lle Бенуа, потому что любили и уважали её и благоговели перед её властью над нами, исключавшею всякую другую власть»[437]. Мадмуазель Бенуа обучала девочек правилам хорошего тона и манерам общения в свете. «В сумерках она заставляла нас ложиться на ковер на полу, чтобы спины были ровны, или приказывала ходить по комнате и кланяться на ходу, скользя, или ложилась на кровать и учила нас, стоящих у кровати, петь французские романсы»[438].

В Полибино у маленькой Софьи Васильевны Ковалевской за время пребывания в усадьбе было три иностранных гувернантки: француженка, англичанка и швейцарка, а также один гувернер поляк. «Гувернёр оказался тихим знающим человеком, давая превосходные уроки, но собственно на воспитание моё имел мало влияния. Зато гувернантка внесла в нашу семью совсем новый элемент»[439]. Этот новый элемент заключался в том, чтобы вырастить из девочек маленьких английских мисс. Ковалевская замечала, что очень трудно было переломить в помещичьем доме уклад, который веками и поколениями прививал привычки барства. Но «она (т. е. гувернантка – Ю. У.) все же до известной степени добилась своего»[440].

Вместе с Софьей в Полибино воспитывались её старшая сестра Анна и младший брат Фёдор. Старшая сестра Ковалевской вышла из-под опеки гувернантки в 15 лет, с этого времени она стала считаться взрослой барышней. Фактически это проявилось в том, что её кровать вынесли из детской комнаты в отдельное помещение, находящиеся рядом с комнатой мамы.

Чаще всего дети учились дома, но день их расписан был довольно строго. Неизменно ранний подъём, уроки, разнообразные занятия. Завтраки, обеды, ужины проходили в определённое время, обычно в кругу семьи. В 7 часов утра начинался день для маленькой Софьи Ковалевской. «По английской манере, меня каждое утро обливают водой»[441], – вспоминала она. Английская гувернантка

[437] Там же. С. 310.
[438] Керн А. П. Воспоминания о Пушкине. СПб., 2010. С. 310.
[439] Ковалевская С. В. Воспоминания. М., 1986. С. 54.
[440] Там же. С. 55.
[441] Там же. С. 57.

тщательно следила за температурой в комнате (она должна быть низкой в спальне и в учебных комнатах) и проветриваемостью помещений. После процедуры обливания следовало чаепитие в столовой в компании гувернантки-англичанки, так как остальные члены семьи вставали позже. Каждый учебный день начинался с урока музыки. «Полтора часа гамм и экзерсизов, аккомпанируемых однообразными ударами палочки»[442]. Затем начинались другие уроки. В 12 часов был завтрак, после которого в случае хорошей погоды совершалась прогулки, если же погодные условия не позволяли, то Софье предоставлялось полтора часа свободного времени для игры в мяч. Это время она использовала по своему усмотрению, иногда мысленно сочиняла стихи, чем особенно увлекалась, а иногда тайком отправлялась в отцовскую библиотеку, где с жадностью поглощала страницы различных произведений. «Детских книг у меня немного, и я все их знаю почти наизусть…»[443]. По вечерам она готовилась в классной комнате к предстоящим урокам. Перед сном обычно пили вечерний чай. Этот ритм жизни для ребёнка повторялся изо дня в день.

Телесные наказания были запрещены в доме, но гувернантка пользовалась различными психологическими приёмами. Если одна из девочек вдруг в чём-то провинилась, то на спину её вешали записочку с указанием вины, с таким ярлыком она должна была просидеть за столом весь обед или ужин. В случае серьёзной провинности её отправляли к отцу для беседы, это было одно из самых тяжелых форм наказания, так как отец всегда работал один в кабинете и очень не любил когда его беспокоили.

Этот пример свидетельствует о том, что в почитающей традиции дворянской семье авторитет отца был безусловным. Отношение к детям в то время, было несколько иным, порой, оно может показаться довольно жёстким. С. В. Ковалевская вспоминала: «В сущности, отец наш вовсе не был строг с нами, но я видела его редко, только за обедом; он никогда не позволял себе с нами ни малейшей фамильярности, исключая, впрочем, тех случаев, когда кто-нибудь из

[442] Ковалевская С. В. Воспоминания. М., 1986. С. 57.
[443] Ковалевская С. В. Воспоминания. М., 1986. С. 59.

детей бывал болен. Тогда он совсем менялся. Страх потерять кого-нибудь из нас делал из него как бы совсем нового человека. В голосе, манере говорить с нами являлась необычайная нежность и мягкость; никто не умел так приласкать нас, так пошутить с нами, как он. Мы решительно обожали его в подобные минуты и долго хранили память о них»[444]. Та строгость, которую проявляли родители к своим детям, не являлась отсутствием любви к ним, эта необходимость, заложенная традициями дворянской семьи и дворянского воспитания. «Высокий уровень требовательности к дворянскому ребенку определялся тем, что его воспитание было строго ориентировано на норму, зафиксированную в традиции, в дворянском кодексе чести, в правилах хорошего тона»[445].

Воспитание молодого дворянина отличалось от обучения юной девушки. Домашнее образование не исключалось. Многие родители стремились к тому, чтобы молодые люди в домашних условиях приобретали глубокие знания по разным предметам, чтобы поступить в дальнейшем в различные учебные заведения. Поэтому образование молодых людей было более разносторонним. Но всё-таки получить классическое образование, живя в усадьбе, было сложно и возможно только для детей состоятельных владельцев, которые имели средства нанимать хороших учителей, покупать дорогие учебники.

С резкой критикой домашнего воспитания выступил А. С. Пушкин. В записке «О народном воспитании» он писал: «В России домашнее воспитание есть самое недостаточное, самое безнравственное; ребёнок окружен одними холопами, видит одни гнусные примеры, своевольничает и рабствует, не получает никаких понятий о справедливости, о взаимных отношениях людей, об истинной чести. Воспитание его ограничивается изучением двух или трех иностранных языков и начальным основанием всех наук, преподаваемых каким-нибудь нанятым учителем»[446]. Мнение поэта во многом отражало реальную действительность, но, несомненно, нельзя отрицать и то, что «усадьба дала широкое образование и

[444] Там же. С. 60.
[445] Муравьева О. С. Как воспитывали русского дворянина. СПб., 1998. С. 154.
[446] Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. Т. 10. С. 44.

привила высокую нравственность многим сотням дворянских детей»[447]. Домашнее обучение и воспитание имело и положительные стороны: дети постоянно находились в семье, могли присутствовать на семейных торжествах или вечером собираться все вместе для того, чтобы музицировать, читать вслух, заниматься рукоделием.

Владимир Философов в дневнике писал о том, что в детские годы, проживая в имении отца своего в с. Богдановском Новоржевского уезда, французскому языку его обучал некий француз. «Я жил в деревне до 11-летнего возраста и на 9 году начал ходить уже в храм к Господину де Воле, доброму французу у которого не выучился более как только болтать по-французски»[448]. Когда Владимиру исполнилось 11 лет, мальчика отправили в Петербург, где его экзаменовал по разным предметам Константин Матвеевич Бороздин. Видимо, знания, полученные Владимиром в деревне, были недостаточно глубокими, так как Бороздин даже удивился невежеству молодого Философова[449]. Для того, чтобы поступить в учебное заведение, нужно было подготовиться. Для поступления в Императорское училище правоведения Владимиру пришлось пройти дополнительный курс обучения. Философов брал уроки у разных учителей, изучал латинский язык, математику, словесность, историю и географию. Наконец, в 1835 г., в 15-летнем возрасте, он успешно поступил в Императорское училище, где студентов серьёзно обучали русскому языку, словесности, истории, танцам, верховой езде, фехтованию. На одной из страниц дневника В. Д. Философов приводит «порядок расположения часов и рекреаций» в Императорском училище. Все дни молодых людей были расписаны. Занятия продолжалось на протяжении шести дней с понедельника по субботу. В день проводилось четыре урока, каждый длился 1,5 – 2 часа. Здесь студенты изучали: государственное право, политическую экономию, римское право, статистику, историю, алгебру, геометрию, русский, немецкий, французский, английский, латинский языки и закон Божий и другие предметы. Домой он приезжал только на каникулы.

---

[447] Дворянская и купеческая сельская усадьба в России XVI – XX вв. М., 2001. С. 378.
[448] РГАЛИ. Ф. 1183. Оп. 1. Д. 5. Л. 3.
[449] Там же. Л. 3.

Воспитанием и образованием Алексея Николаевича Вульфа до 12 лет занимался дед, Александр Максимович Вындомский. А. Н. Вульф вспоминал: «У него-то провел я первые лета моего детства; он меня очень любил; к тому же он мне хотел дать отличное воспитание совершенно в своем роде, не такое вообще как у нас в России тогда давали. У меня не было ни мадамы-француженки, ни немца-дядьки, но зато приходской священник заставлял меня ещё с 6-ти лет твердить: mensa, mensae etc. Кажется, что если бы мой дед долее жил, то бы из меня вышло что-нибудь дельное»[450]. После смерти деда наставником Вульфа стала мать, голос которой наводил на него трепет. «Я учился, учился и только, без отдыха, без пользы. Оттого не осталось у меня ни одного приятного впечатления детских лет»[451], – писал он в дневнике. С 14 лет Вульф жил в Дерпте готовился к поступлению в Дерптский университет. Прежде чем поступить в него он являлся пансионером Горного кадетского корпуса в Петербурге, где изучал немецкий язык. Это было необходимо, так как все лекции в Дерптском университете читались только на немецком языке, даже курс лекций по русскому языку и литературе. 28 июля 1822 г. он был зачислен студентом Дерптского университета. Это было время наивысшего подъёма и процветания университета, главной гордостью которого был научный преподавательский состав, многие профессора были известны за пределами России. Курс обучения Алексей Николаевич закончил в декабре 1826 г. и стал чиновником 14 класса, но в дальнейшем он предпочёл военную карьеру.

П. П. Коновницын внимательно следил за образованием и развитием своих сыновей и принимал участие в их воспитании и определении дальнейшей судьбы. Когда старший сын Пётр был ещё маленький, но отец уже тогда отмечал успехи в его развитии: «трёх лет знал уже французский язык, 5-ти лет писал и считал на двух языках, 6-ти лет мог уже управлять лошадью, 7 лет без принуждения выучил историю всех славных мужей (военных) (имеет) великую охоту к военному искусству, чертил уже разные военные позиции и довольно хорошо во всем

[450] Любовный быт пушкинской эпохи. М., 1994. Т. 1. С. 263.
[451] Там же. С. 263.

соображает»[452]. Дети в семье Коновницыных получили хорошее домашнее образование. Когда сыновья Петра Петровича выросли, они были определены в Пажеский корпус. В 1821 г. Петр был экзаменован в Главном штабе и принят в свиту колонновожатым, а через четыре дня получил чин прапорщика по квартирмейстерской части. Аттестовали Петра по фортификации, артиллерии, черчению, языкам, географии, истории, математике и по подавляющему количеству предметов он получил оценку «очень хорошо»[453].

После нескольких лет домашнего обучения мальчиков отправляли в гимназии, кадетские корпуса, университеты, нередко и сразу на службу. Здесь дворянин сталкивался с первыми трудностями. Ребёнок, которому в семье внушались традиционные этические нормы, порой, испытывал потрясения, сталкиваясь с невозможностью следовать им в условиях учебного заведения, здесь-то он и получал опыт самостоятельной жизни[454].

Из восьми уездных предводителей дворянства Псковской губернии в первой четверти XIX в. закончили учебные заведения лишь трое. Это Великолукский уездный предводитель дворянства Н. Д. Порохов, который являлся выпускником Императорского Царскосельского Лицея[455], Опочецкий уездный предводитель дворянства И. М. Демчинский, закончивший Благородный пансион Императорского Царскосельского Лицея[456] и Холмский уездный предводитель дворянства А. А. Войнакуринский, который закончил Императорский Московский университет и в дальнейшем стал доктором медицины[457]. Остальные пять уездных предводителей дворянства поступили сразу на военную службу, минуя учебные заведения. Из четырёх земских исправников Псковской губернии: двое закончили военные кадетские корпуса и продолжили военную службу, один – вступил на военную стезю сразу, четвёртый – предпочёл гражданскую службу[458].

По-прежнему, военная служба являлась приоритетным занятием дворянина.

---

[452] Иванов Е. П. Генерал Пётр Петрович Коновницын. Псков, 2002. С. 87.
[453] Иванов Е. П. Генерал Пётр Петрович Коновницын. Псков, 2002. С. 88.
[454] Муравьева О. С. Как воспитывали русского дворянина. СПб., 1998. С. 40.
[455] ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1432. Л. 29.
[456] Там же. Л. 10.
[457] Там же. Л. 36.
[458] ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1432. Л. 254 – 294.

Она давала возможность достичь успехов в жизни, продвинуться по карьерной лестнице. В 1806 г. император Александр I постановил, чтобы студенты из дворян, поступающие на военную службу, производились через шесть месяцев в офицеры, при этом три месяца числились рядовыми, а другие три месяца – подпрапорщиками; и потом их производили в офицеры[459]. Государство было заинтересовано в том, чтобы в армии были люди квалифицированные, знающие толк в военном деле. Поэтому, императором было принято решение о том, что воспитанники военно-учебных заведений по окончании курса поступали на военную службу сразу в офицерском чине[460].

Таким образом, домашнее воспитание в усадьбе складывалось из различных компонентов, где большое влияние имело приобщение к русской народной культуре, через общение с нянями, дядьками или крестьянскими детьми. Традиционное домашнее воспитание основывалось на православных ценностях. Но с другой стороны, стараниями гувернёров и гувернанток происходило приобщение к западной культуре и европейским моделям поведения, к строгому соблюдению определенных норм этикета. С помощью которых, дети получали, так называемое, «нормативное» воспитание, направленное на то, чтобы отшлифовать личность ребенка, соответственно установленному в обществе образцу.

В обозначенный период изменилась содержательная составляющая образования. Этот процесс коснулся и провинциального дворянства, т. к. представители высшего сословия, живя в Псковской губернии, желали, чтобы их дети (мальчики) получили образование в учебных заведениях. Для этого они должны были готовиться к поступлению, изучать точные науки, языки, историю, географию и т. п.

[459] Яблочков М. Т. История дворянского сословия в России. Смоленск, 2003. С. 523.
[460] Яблочков М. Т. История дворянского сословия в России. Смоленск, 2003. С. 523.

3. 2 Участие псковского дворянства в общественной жизни губернии, уездов

Согласно Жалованной грамоте, дворяне каждой губернии составляли особое дворянское общество со статусом юридического лица и с соответствующими привилегиями и атрибутами – правом владеть имуществом и капиталом, заключать имущественные сделки, вступать в обязательства, иметь собственное помещение для собрания, печать, делопроизводство и архив[461]. Представительными органами дворянского общества являлись губернские и уездные собрания. Участвовать в собрании можно было в трёх формах: 1) присутствовать; 2) пользоваться пассивным избирательным правом – занимать выборную должность и голосовать за решения, принимаемые дворянскими собраниями, но без права выбирать должностных лиц; 3) пользоваться активным избирательным правом – голосовать, выбирать и быть избранным на должности[462]. На собраниях избирались депутаты, предводители дворянства, секретари, заседатели дворянской опеки, решались вопросы, предложенные правительством, заслушивались предложения губернаторов, распределялись земские повинности[463]. Присутствовать в дворянском собрании имели право все потомственные дворяне мужского пола, записанные в родословную книгу

[461] Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи. СПб., 2000. С. 513.
[462] Там же. С. 513.
[463] Там же. С. 29.

губернии[464]. Правом голоса пользовались лишь лица, имевшие чин не ниже обер-офицера, не моложе 25 лет и владевшие деревнями в уезде или губернии, имевшие ежегодный доход не менее 100 р[465]. Таким образом, для членов собрания устанавливались цензы: сословный, возрастной и имущественный.

Раз в три года глава семейства мог принять участие в дворянском съезде, иногда входил в какую-нибудь комиссию депутатского собрания, но всё это несло хлопоты и затраты. Выгоды от выборной службы не было, и в целом она сельских хозяев мало волновала. В конце XVIII в. был составлен список дворян Псковской губернии, которым предстояло принять участие в выборах губернского депутатского правления, но многие из них отказались приехать в Псков, ссылаясь на занятость по службе, болезни, невозможность отлучаться из дома[466]. Свою неявку на собрание дворянин должен был объяснить и уведомить об этом уездного предводителя дворянства письменно с объяснением причин. Дворянское собрание решало считать ли эти объяснения удовлетворительными. За неявку дворянину могло быть вынесено замечание, денежное взыскание. Если же дворянин не являлся на собрания регулярно, то его могли временно из него исключить [467]. Известно, что на губернские выборы 1850 г. из восьми уездов Псковской губернии прибыло 114 представителей. Самое большое количество приехавших было из Новоржевского и Великолукского уездов – 20. Из Опочецкого – 16, Порховского – 15, Псковского и Островского – по 14 представителей, Холмского – 9, Торопецкого – 6 человек[468].

Указом Екатерины II в 1778 г. для управления были учреждены депутатские Дворянские собрания, в него входили «депутаты от дворян, которых выбирали по одному от каждого уезда на 3 года»[469]. Председательствовал в дворянском депутатском собрании губернский предводитель дворянства. Известно, что в 1853

---

[464] Соколова Е. В. К вопросу о порядке присвоения и подтверждения дворянского достоинства в псковском крае в конце XVIII – начале XIX вв. // Псков. 2008. № 28. С. 21.
[465] Соколова Е. В. Выборы дворян в органы самоуправления и суда в Псковской губернии в 1789 г. // Земля Псковская, древняя и современная. Материалы научно-практической конференции 24 – 25 ноября 2008 г. Псков, 2009. С. 110.
[466] Маркова М. Т. Из истории псковского дворянства // Псковская земля. История в лицах. М., 2006. С. 10.
[467] Романович-Славатинский А. Дворянство в России от начала XVIII в. до отмены крепостного права. С. 21.
[468] ГАПО. Ф. 110. Оп. 1. Д. 1479. Л.1 – 12.
[469] Яблочков М. Т. История дворянского сословия в России. СПб., 1876. С. 514.

г. им был камергер двора Его Императорского Величества действительный тайный советник Николай Сергеевич Беклешов[470]. Основными задачами депутатского собрания являлись ведение дворянских книг, рассмотрение прав на дворянство и выдача необходимых документов.

Дворянское собрание систематически на очередное трёхлетие утверждало смету доходов и расходов. Такой документ на 1835 – 1838 гг. был подписан гражданским губернатором Пещуровым, губернским предводителем дворянства Яхонтовым, вице-губернатором Деденёвым и управляющим делами удельной канцелярии Набоковым. Размер доходов составлял 1 256 339 руб., а расходов – 1 201 194 руб.[471]

Дворянское депутатское собрание рассматривало различные вопросы. Например, в начале XIX в. оно обсуждало кандидатуры молодых дворян, желающих обучаться в сухопутном корпусе с последующим поступлением на военную службу: таковых оказалось 22 человека. Сыновья мелкопоместных дворян при этом направлялись на учёбу за счёт губернии[472]. В 1806 – 1820 гг. производилась массовая запись дворян в Псковскую родословную книгу. Всех занесённых в неё Дворянское собрание утверждало в дворянстве[473]. В годы правления Николая I появились «Журналы присутствий дворянских собраний» с указанием дат заседаний, повестки дня и постановлений. Сохранился журнал присутствий Псковского губернского дворянского собрания за 1832 г. Этот журнал начали вести 7 января, последняя запись была сделана 25 октября 1832 г[474]. Просматривая протоколы собраний, можно заметить, что основная часть дел касалась прошений о внесении в родословную книгу по новым правилам. Дворянским собранием также вёлся «Настольный реестр нерешённых дел Псковского Дворянского депутатского собрания». Он оформлялся по определённой форме. Состоял из пяти граф. В первую графу заносился номер дела, во вторую год, месяц и число, в третьей раскрывалось содержание дела, в

[470] Памятная книжка для Псковской губернии на 1853 г., Псков, 1853. С. 15.
[471] Памятная книжка для Псковской губернии на 1853 г., Псков, 1853. С. 12.
[472] Маркова М. Т. Из истории псковского дворянства // Псковская земля. История в лицах. М., 2006. С. 10 – 11.
[473] Там же. С. 10.
[474] ГАПО. Ф. 110. Оп. 1. Д. 1398. Л. 1 – 113.

четвертой давалось пояснение, в связи с чем оно осталось нерешенным, в пятой предполагалось указывать дату завершения работы над делом[475]. Таким образом, с октября 1832 г. по декабрь 1836 г. нерешенных дел накопилось – 77[476]. Из них большинство касались прошений о внесении в дворянскую родословную книгу – 50 дел, а также обращений с целью выдачи копий с различных протоколов, грамот и свидетельств о дворянстве. Самыми распространёнными причинами того, что рассмотрение дел было отложено являлись: отсутствие разрешений Герольдии и необходимых документов. Поэтому Дворянскому собранию приходилось даже проверять правильность внесения дворянских фамилий в родословную книгу. Тщательно такая проверка проводилась в 1842 г., когда комиссия в составе надворного советника и кавалера Иллариона Клеменьевича Окунева, председателя, коллежского асессора Козьмы Афанасьевича Пастуховского и штабс-капитана Николая Клементьевича Савицкого пришла к выводу, что «ни одно дело нельзя передать в Герольдию для утверждения», так как их оформление не соответствует новым правилам, утверждённым в 1839 г.[477]

Приходилось Дворянскому депутатскому собранию рассматривать и так называемые «секретные дела». К ним относились дела о жестоком обращении помещиков со своими крестьянами. 28 мая 1836 г. одно из таких дел рассматривали на собрании губернского и уездных предводителей дворянства. Опочецкий помещик Тарасевич обвинялся в жестоком обращении с крестьянами. Но достаточных доказательств по данному факту выявлено не было. В результате, собрание определило Опочецкому предводителю дворянства вести бдительное наблюдение как за поведением помещика Тарасевича, так и за поведением самих крестьян[478].

В 1842 г. дворовые люди жаловались на своего помещика капитана Николая Ниловича Мягкова. Причиной обращения послужило недостаточное снабжение крестьян хлебом и продовольствием. Собранием было принято решение Островскому уездному предводителю дворянства вести наблюдение за помещиком

[475] ГАПО. Ф. 110. Оп.1. Д. 1400. Л. 1.
[476] Там же. Л. 1 – 26.
[477] Маркова М. Т. Из истории псковского дворянства // Псковская земля. История в лицах. М., 2006. С. 12.
[478] ГАПО. Ф. 110. Оп. 1. Д. 1413. Л. 1 – 2 об.

Мягковым[479].

Похожее дело Дворянское собрание рассматривало спустя несколько лет, 9 января 1850 г. Причиной послужили действия порховского помещика отставного капитана Фёдора Александровича Крыштановского, отягощающего своих крестьян непомерными работами. По этому делу было проведено разбирательство, была выявлена вина помещика. В результате, имение Крыштановского было подвергнуто опеке. Ему было запрещено находиться в имении и управлять им[480]. 8 февраля 1855 г. собрание обсуждало дело о жестоком отношении со своими крестьянами новоржевского помещика Александра Ивановича Шушерина. Собрание определило: новоржевскому уездному предводителю дворянства сделать помещику Шушерину строгое внушение о перемене его образа жизни и обращения с крестьянами, объявив, что в противном случае имение его будет подвергнуто опеке[481].

Одно из «секретных дел» 1837 г. касалось «употребления излишеств горячительных напитков флота капитаном II ранга Матвеем Николаевичем Чихачёвым и об опасности нахождения при нём малолетних детей»[482]. Собрание постановило о том, что господин исправляющий должность новоржевского предводителя дворянства должен убедить Чихачёва в том, чтобы он избрал себе благонадежного попечителя и опекуна для детей[483].

Из документов следует, что «секретные дела», рассматриваемые Дворянским депутатским собранием, в основном, касались вопросов поведения представителей дворянского сословия. В случае, вопиющего беспредела со стороны помещика, приходилось принимать меры, но чаще всего старались не придавать огласке подробностей дела.

Также в каждом уезде под председательством уездного предводителя дворянства были созданы дворянские опеки для попечения о вдовах и малолетних

---

[479] Там же. Л. 10 – 11.
[480] ГАПО. Ф. 110. Оп. 1. Д. 1413. Л. 12 – 14 об.
[481] Там же. Л. 37.
[482] Там же. Л. 3.
[483] Там же. Л. 3 об.

дворянских сиротах, через особо назначаемых опекунов[484].

Ещё одним звеном в структуре дворянского управления были губернские и уездные предводители дворянства. Губернские предводители дворянства являлись председателями в дворянских собраниях и руководили их заседаниями и выборами, а также председательствовали в дворянских депутатских собраниях, утверждали в дворянстве, записывали дворян в родословную книгу, давали справки о дворянстве[485]. Губернский предводитель был ближайшим советчиком и опорой губернатора. Уездные предводители дворянства председательствовали в уездных дворянских собраниях, вели списки дворянам, выдавали справки о дворянстве и являлись председателями в дворянских опеках[486]. Предводителями дворянства избирались наиболее авторитетные и состоятельные помещики. В их владении находилось, как правило, не менее 100 душ крепостных крестьян. Так, 7 предводителей уездного дворянства Псковской губернии в своём владении имели от 100 до 500 душ крестьян м.п., а один (Торопецкий уездный предводитель дворянства) имел свыше 500 душ крестьян м.п. Предводителем дворянства становились люди, достигшие зрелого возраста, средний возраст составлял 35 – 39 лет. Но были и исключения, так, например, Торопецкий уездный предводитель дворянства занял эту должность в 28 лет, а Порховский в 56 лет. Должность эта была довольно хлопотливой, но престижной. Предводитель был обязан, не доводя дела до суда, улаживать конфликты между местными дворянами, унимать беспокойных.

Таблица 8.

Уездные предводители дворянства Псковской губернии, 1842 г.

Уездные предводители дворянства	Количество душ, находящихся во владении	Военный или гражданский чин
Псковский уездный предводитель дворянства Александр Абрамович Фон-дер-Беллен	374	Артиллерии поручик

[484] Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. М., 1994. Т. 24. С. 232.
[485] Яблочков М. Т. История дворянского сословия в России. Смоленск, 2003. С. 519.
[486] Там же. С. 519.

Островский уездный предводитель дворянства Евграф Семёнович Ладыженский	108	Гвардии поручик
Опочецкий уездный предводитель дворянства Иван Михайлович Демчинский	404	Артиллерии поручик
Новоржевский уездный предводитель дворянства Виктор Семёнович Мягков	100	Штабс–ротмистр
Порховский уездный предводитель дворянства Пётр Митрофанович Балавенский	425	Ротмистр
Великолукский уездный предводитель дворянства Николай Дмитриевич Порохов	310	Поручик
Торопецкий уездный предводитель дворянства Алексей Фёдорович Кутузов	621	Майор
Холмский уездный предводитель дворянства Аким Афанасьевич Войнакуринский	250	Статский советник

Источник: ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1432. Л. 10 – 47.

Карьера молодого дворянина, как правило, начиналась с военной службы. Выйдя в отставку, он мог занять какую-либо должность в губернском или уездном управлении. Известно, что лишь три предводителя закончили учебные заведения, но впоследствии также служили. На примере восьми уездных предводителей дворянства Псковской губернии, рассмотрим путь продвижения по служебной лестнице провинциального дворянина.

Островский уездный предводитель дворянства в 16 лет поступил на военную службу юнкером в почетную лейб-гвардии артиллерийской бригады во 2-ю учебную роту. Служил шесть лет, в чине подпоручика вышел в отставку. В период с 1825 по 1841 гг. занимал различные должности в Пскове и Острове. Изначально был выбран в Островский уездный суд дворянский заседателем, затем в том же суде стал уездным судьей. Позже определен в штат канцелярии Гражданского псковского губернатора, в дальнейшем состоял в должности островского окружного начальника государственных имуществ, в 1841 г. был

избран дворянством на должность Островского уездного предводителя дворянства[487].

Великолукский уездный предводитель дворянства в службу вступил из воспитанников Императорского Царскосельского Лицея в гренадерский полк прапорщиком лейб-гвардии. Служил 4 года, был уволен со службы по домашним обстоятельствам в чине поручика. Спустя 8 лет был избран земским исправником, а затем уездным судьёй, позже Великолукским уездным предводителем дворянства[488].

Торопецкий уездный предводитель дворянства пять раз избирался на эту должность благородным сословием. В военную службу вступил Лейб-гвардии в гренадерский полк портупей прапорщиком и дослужился до чина капитана. Находясь в отставке, был избран земским исправником. «В проезд Государя Императора чрез город Торопец за устройство больших дорог получил высочайшее благоволение в предписании господина Псковского Гражданского губернатора»[489]. В дальнейшем был выбран уездным предводителем дворянства на 17, 18, 19, 21, 22 –е трёхлетия[490].

Административно-полицейское управление в уезде возглавлял земский исправник. Многие из будущих уездных предводителей дворянства занимали эту должность, например Великолукский, Торопецкий, Порховский предводитель дворянства. Порядок формирования органов дворянского самоуправления и суда, в которые избирались дворянские заседатели, судьи и земские исправники был установлен ещё «Учреждениями для управления губерниями» в 1775 г. Губернатору и губернскому правлению подчинялся избираемый дворянством нижний земский суд, состоявший из капитана (земского исправника) и нескольких заседателей[491]. Нижний земский суд должен был следить за сохранением тишины и спокойствия в уезде, «приведение в исполнение распоряжений

[487] ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1432. Л. 18 об.
[488] ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1432. Л. 29 – 29 об.
[489] Там же. Л. 32.
[490] Там же. Л. 30 – 35.
[491] Соколова Е. В. Выборы дворян в органы самоуправления и суда в Псковской губернии в 1789 г. // Земля Псковская, древняя и современная. Материалы научно-практической конференции (24 – 25 ноября 2008 г.), Псков, 2009. С. 108.

правительственных властей, наблюдение за исправным состоянием дорог и т.д.»[492]. Законодательно определялись требования к деловым и нравственным качествам людей, занимающих должность земского исправника. Так, в «Учреждении для управления губернией, 1775 г.» приводилось «Нравоучительное наставление земскому исправнику». В документе говорилось: «Земскому исправнику надлежит отправлять должность свою с непоколебимою верностию и ревностию к службе Императорского Величества с доброхотством и человеколюбием к народу, с осторожною кротостию без ослабления во всех делах с непрестанным бдением, дабы везде установленный порядок всеми и каждым в уезде сохранен был в целости»[493]. В 1837 г. нижний земский суд был переименован в земский суд, в его состав вошли: земский исправник (председатель), старший непременный заседатель, два сельских заседателя, избравшихся из государственных крестьян[494]. Уже в начале XIX в. правительство стало замечать уклонение дворянства от местной службы и это, прежде всего, отражалось на должности земского исправника, в общем-то невысоко ценившейся обществом.

Таблица 9.

Земские исправники в уездах Псковской губернии, 1842 г.

Земские исправники	**Количество душ, находящихся во владении**	**Военный или гражданский чин**
Опочецкий земский исправник Васюков Илья Арсентьевич	231	Подпоручик
Новоржевский земский исправник Николай Иванович Андреев	117	Штабс-капитан
Порховский земский исправник	80	Титулярный советник

[492] Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. М., 1994. Т. 24. С. 532 – 533.
[493] Развитие русского права во второй половине XVII – XVIII вв. М., 1992. С. 28.
[494] Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. М., 1994. Т. 24. С. 532 – 533.

Николай Васильевич Сергеевский		
Торопецкий земский исправник Николай Васильевич Поповцев	35	Коллежский секретарь
Холмский земский исправник Миракса Александровича Нащокина	106	Поручик

Источник: ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1432. Л. 254 – 294.

Из приведённой таблицы следует, что земские исправники обязательно являлись выходцами из дворянского сословия, но не всегда отличались высоким имущественным положением.

Новоржевский земский исправник Николай Иванович Андреев, дворянского происхождения, занял эту должность в 42 года. Свою службу он начал в кадетском корпусе, в который поступил в 18 лет, дослужился до штабс-капитана. Участвовал в знаменитых сражениях Отечественной войны 1812 г. в том числе и в генеральном сражении при Бородине, был награждён орденом Святой Анны 4-й степени, в дальнейшем принимал участие в заграничных походах русской армии. Выйдя в отставку, принимал активное участие в общественной жизни губернии: служил по выборам дворянства в Порховском земском суде дворянским заседателем, избирался в Псковское депутатское собрание депутатом, благородным сословием дважды избирался на должность земского исправника.

Порховский земский исправник на военной службе не был вовсе. Вероятно, получив домашнее образование, в 14 лет поступил в Санкт-Петербургское правление канцеляристом, через два года стал воспитанником Главной контрольной Экспедиции, вскоре был произведён в 14 класс. В 23 года избран дворянством в Порховский земский суд дворянским заседателем, где служил 18, 19 трехлетие. В 1834 г. по выбору дворянства стал земским исправником. Находясь в этой должности, был представлен к суду по доносу, обвинялся в

лихоимстве[495].

Таким образом, в Псковской губернии, равно как и в других губерниях, где существовало дворянское общество, были различные формы участия благородного сословия в дворянском самоуправлении. Это были дворянские и депутатские собрания, дворянская опека, должности губернского и уездного предводителей дворянства. Уже в первой четверти XIX столетия наметилась тенденция уклонения дворян от участия в собраниях и от службы по выборам. Служба в местных учреждениях не являлась привлекательной, в отличие от службы в центральных учреждениях. Для многих дворян выгоды от выборной службы не было вовсе, напротив она приносила только убыток и требовала дополнительных расходов. Процент дворян, имевших право подавать голос на выборах уменьшился в связи с указом Николая I 1831 г., согласно которому имущественный ценз был увеличен. Дворянин имел право голоса, если в его распоряжении находилось не менее 100 душ крестьян. В Псковской губернии основная часть дворянства относилась к среднему и мелкопоместному дворянству. По данным на 1853 г. из 4 084 потомственных дворян право голоса на выборах имели лишь 692 дворянина, что составляло 17 % [496].

[495] ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1432. Л. 294.
[496] Памятная книжка для Псковской губернии на 1853 год. Псков, 1853. С. 70.

Заключение

Дворянская усадьба являлась одним из главных компонентов культуры первой половины XIX столетия, сочетала в себе хозяйственную функцию и особую духовную среду, обладавшую сложной структурой и многофункциональностью.

Различия между усадьбами Псковской губернии, как и во многих других губерниях, заключались в уровне благосостояния и знатности хозяев. От степени состоятельности дворянского семейства во многом зависела его повседневная жизнь и быт. В Псковской губернии в указанный период преимущественно были сосредоточены имения средних и мелкопоместных дворян, это подтверждают данные источников. Состоятельные же помещики своим роскошным образом жизни составляли, скорее, исключение из числа помещиков губернии.

Большая часть владельцев средней руки имела постоянное пребывание в своих имениях, пользовалась более или менее умеренным достатком, который позволял им жить прилично и соответствовать званию дворянина. В их жизни и образовании была заметна близость столиц. Многие усадьбы были устроены со вкусом и множеством затей, но порой они существовали не более, чем для одного поколения. Умирал владелец, и имение разделялось, а наследники богатой усадьбы были не в состоянии её поддерживать в надлежащем состоянии.

Мелкопоместное дворянство было рассеяно по небольшим, бедным сёлам, постоянно боролось с разного рода лишениями. Ни возможностей, ни времени на то, чтобы заботиться о светском образовании у этих дворян зачастую не было. Книги, журналы, газеты – для них дело почти незнакомое. Весь круг их деятельности порой ограничивался деревенским хозяйством. В небольших помещичьих имениях дворянская усадьба хранила традиционные черты и тяготела к осуществлению экономической функции. Однако это не означало, что усадьба мелкопоместного владельца не могла выполнять эстетическую функцию, её состояние определялось скорее индивидуальными особенностями владельца, хотя и зависело от социального статуса владельца, его материального положения. Некоторые представители небогатого дворянства поддерживали связи с более состоятельными помещиками, имели доступ в общество, но зачастую играли в нём незавидную роль зрителей.

Иногда земли состоятельных дворян, Философовых, Креницыных, Львовых и других знатных представителей благородного сословия, граничили с землями мелкопоместных господ, Лозинских, Скородумовых и других. Соответственно различие было и во внешнем облике усадеб. Особняки богатых дворян были впечатляющими и внешне и внутри. Современников особенно поражала многоэтажность зданий, лепка на фасадах, высокие окна и балконы. Во многих домах были библиотеки, музыкальные инструменты, иногда домашние оркестры из крепостных и дорогая мебель. Такими были особняки Васильчиковых-Строгановых, Философовых, Львовых, Креницыных, Ковалевских. У мелкопоместных дворян были дома гораздо скромнее: деревянные, одноэтажные. В богатых поместьях, где не было естественных водоёмов, руками крепостных крестьян создавались пруды с островами уединения, каналами, различными мостиками, оранжереи, где произрастали экзотические фрукты и поражающие взор цветы. Состоятельные помещики могли позволить себе пригласить для оформления парка или дома столичных и даже заграничных архитекторов. На основе обозначенных источников в работе представлен внешний и внутренний

облик усадеб богатых помещиков, представителей среднепоместного и мелкого дворянства.

Можно согласиться с выводами, сделанными исследователем Б. Н. Мироновым, о том, что, с одной стороны, дворянство являлось единым сословием, но, с другой стороны, шёл процесс дифференциации дворянства. Во-первых, представители этого сословия различались по источникам получения дворянства, делились на разные группы (титулованное, древнее, пожалованное государем, приобретённое военной или гражданской службой и т. п.)[497]. Во-вторых, дворянство различалось по своему имущественному положению, и в Псковской губернии в указанный период этот процесс усилился в связи с дроблением дворянских имений, и к середине XIX в. более 80% владельцев усадеб в Псковской губернии в своём распоряжении имели менее 100 крепостных душ крестьян.

С одной стороны, предоставление дворянам широких полномочий в уездах в ходе губернской реформы 1775 г. повысило его политическую значимость, способствовало консолидации дворянского сословия, но в период царствования императора Николая I были существенно ограничены избирательные права мелкопоместного дворянства, оно не имело возможности участвовать в общественной жизни Псковской губернии, лишь 17 % дворян имели право непосредственного голоса.

Влияние на культуру повседневности псковского дворянства оказал и географический фактор, хозяйственная специализация Псковской губернии. Среди землевладельцев не было замечено стремления улучшать свои знания для повышения производительности в области сельского хозяйства. По итогам исследования видно, что большинство дворян, проживавших в Псковской губернии, старалось наладить хозяйственную деятельность в своих усадьбах с помощью специального управленческого аппарата с целью получения реального дохода. Но ввиду того, что природные условия для занятия земледелием в Псковской губернии не являлись благоприятными, большинство помещиков

[497] Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи. СПб., 2000. С. 85.

предпочитали не тратить имеющиеся средства на совершенствование своего хозяйства путём приобретения нового оборудования и удобрений, этим занимались лишь единицы. К тому же, идея рационализации хозяйства шла в разрез с природой крепостнического труда и в большей степени оставалась барской причудой. Повышение доходности хозяйства путем увеличения его производительности противоречило как природе дворянина-крепостника, так и психологии дворянина-помещика, который предпочитал идти по более легкому пути роста крестьянских повинностей, поэтому примеры нового хозяйствования не были типичными для Псковской губернии. Большинство дворян использовали, в основном, административные, неэкономические методы ведения хозяйства: расширяли барскую запашку, увеличивали размер крестьянских повинностей.

Управление имением являлось неотъемлемой частью повседневной жизни провинциального дворянина, занимало значительную часть его времени, определяло уклад его жизни, вызывало немало переживаний. В усадьбе, как правило, велись приходно-расходные книги, составлялись наказы управляющим, велась переписка с ними по вопросам хозяйственной жизни, решались вопросы о земельных спорах. В Псковской губернии среди помещиков выделялись две группы владельцев. С одной стороны, – дворяне, управляющие своими землями самостоятельно. В Псковской губернии таких дворян было подавляющее число, так как большую часть «благородного сословия» губернии составляло мелкопоместное дворянство. Необходимости в привлечении управляющих лиц у них не возникало. С другой стороны, были дворяне, которые по причине занятности, частых разъездов или наличия нескольких имений передавали управление хозяйством в руки приказчика, управляющего или старосты.

Повседневная жизнь дворянства Псковской губернии отличалась высокой степенью традиционности и консерватизмом, но в некоторых случаях и подражательности, стремлении соответствовать столичной аристократии. Вероятно, это было связано с относительной близостью столицы Санкт-Петербурга. Таким образом, традиционное в Псковской губернии сочеталось с европейским, что проявлялось в украшении усадебных парков, строительстве

господского дома, в дворянском воспитании, приглашении иностранных гувернеров. В обозначенный период, находясь под влиянием идей Просвещения, дворяне Псковской губернии старались обустроить свои усадьбы согласно моде и вкусу данной эпохи. Но процесс европеизации дворянства затронул лишь состоятельных представителей благородного сословия.

Среди повседневных развлечений дворян Псковской губернии в связи с возрастанием коммуникативности дворянских семей особое значение приобрело нанесение визитов соседям и, в свою очередь, приём гостей. В поведении псковских помещиков наблюдалось гостеприимство и стёртость границ между дворянскими кругами, отсутствие порой светских условностей.

Развиваясь неспешно, храня традиции, связанная с крепостной деревней усадьба стала сосредоточием жизни русского дворянина в её зримых материальных и духовных проявлениях. Взаимодействие светской и духовной культуры, тесное переплетение всех видов и форм культуры – бытовой, хозяйственной, художественной – с религиозными нравственными категориями поддерживало усадьбу на передовых рубежах культурной жизни страны.

Изучение жизни и быта дворянских усадеб Псковской губернии первой половины XIX в. позволяет убедиться в том, что внутри каждой усадьбы была своя особая микрокультура. Здесь присутствовала оригинальная среда, хотя и было нечто общее, объединявшее такие разные имения – образ жизни и воспитание.

Использованные источники и литература

Источники

Архивные фонды

1. Российский государственный архив древних актов (РГАДА):

Ф. 1260 – Васильчиковы.

Оп. 2. Дд. 31,40, 86, 88, 115, 122, 123, 126, 127, 150, 168, 188, 207, 246, 261.

Ф. 1278 – Строгановы.

Оп. 4. Дд. 411, 443, 466.

2. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ):

Ф. 1183 – В. Д. Философов.

Оп.1. Дд. 5, 6, 7, 8.

3. Российский государственный исторический архив (РГИА):

Ф. 383 – Первый департамент министерства государственных имуществ.

Оп. 11. Д.10596.

Оп. 13. Д. 15388.

Ф. 651 – Васильчиковы.

Оп. 1. Д. 1232.

Ф. 797 - Канцелярия обер-прокурора Синода.

Оп. 16. Д. 38545.

Ф.887 – Апраксины.

Оп. 1. Д. 86.

4. Институт русской литературы, рукописный отдел (ИРЛИ РО):

Дд. 23025, 23027.

5. Российская национальная библиотека, рукописный отдел (РНБ РО):

Ф. 509 – П. Н. и Н. Н. Назимовы.

Оп. 1, Дд. 51, 67.

6. Государственный архив Псковской области (ГАПО):

Ф. 20 – Канцелярия Псковского губернатора.

Оп. 1. Дд. 35, 673, 791, 1419, 1432, 1042, 1089, 1094.

Ф. 52 – Псковская дворянская опека.

Оп. 1. Дд. 1, 6.

Ф. 110 – Псковское губернское дворянское депутатское собрание.

Оп. 1. Дд. 653, 654, 1398, 1400, 1413, 1419, 1479.

Ф. 139 – Новоржевский уездный суд.

Оп. 2. Дд. 72, 149.

Ф. 366 – Псковский губернский предводитель дворянства.

Оп.1. Дд. 245, 290, 290 а, 303, 333, 569, 578, 610, 761, 674, 765.

Ф. 564 – П. А. Кожин.

Оп.1. Дд. 13, 14, 23, 32, 52, 70.

Ф. 566 – Баранов.

Оп.1. Дд. 15, 17, 21, 24, 27.

Ф. 586 – Н. С. Тютчев.

Оп. 1. Д. 65.

7.Псковский государственный объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, древлехранилище (ПГОИАХМЗ):

Ф. 548 – Пальчиковы

Шк. 33. Д. 5, 6.

8. Документальный фонд Пушкинского Заповедника

ПЗ – КП – 4677/42.

Опубликованные источники

I. Воспоминания:

1. Васильчиков, Б. А. Воспоминания / Б. А. Васильчиков. – М.: Наше наследие, 2003. – 271 с.

2. Керн, А. П. Воспоминания о Пушкине / А. П. Керн. – М.: Советская Россия, 1988. – 416 с.

3. Ковалевская, С. В. Воспоминания. Повести / С. В. Ковалевская. – М.: Правда, 1986. – 432 с.

4. Летописи государственного литературного музея. Архив опеки Пушкина. Кн. 5. – М.: Государственный литературный музей, 1939. – 447 с.

5. Любовный быт Пушкинской эпохи. Т. 1. – М.: Васанта, 1994. – 456 с.

6. Мир Пушкина. Письма С. Л. и Н. О. Пушкиных к их дочери О. С. Павлищевой, 1828 – 1835 годы. – СПб.: Пушкинский фонд, 1993. – 293 с.

7. Мир Пушкина. Письма Ольги Сергеевны Павлищевой к мужу и отцу. 1831 – 1837. Т. 2. – СПб.: Пушкинский фонд, 1994. – 256 с.

8. Проскурякова, Г. В. Волышовская старина. Из воспоминаний / Г. В. Проскурякова. – СПб, 2008. – 192 с.

9. Пушкин, А. С. Граф Нулин / А. С. Пушкин // Полное собрание сочинений. Т. 4. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1957. – С. 239 – 250.

10. Розен, А. Е. Записки декабриста / А. Е. Розен. – Лейпциг: Дункер и Гумблот, 1870. – 416 с.

Литература.

1. Акиньшин, А. Н. Архитектура в старой русской провинции (по материалам Воронежской губернии) /А. Н. Акиньшин // Историческое краеведение.

Пенза, 1993. С. 92 – 93.
2. Александров, В. А. Сельская община в России (XVIII – нач. XX вв.) / В. А. Александров. – М.: Наука, 1976. – 320 с.
3. Антипова, Р. Н. Коллекция Д. Н. Философова (первая половина XIX века) / Р. Н. Антипова // Философовские чтения. Сборник материалов первых Философовских чтений. – Псков: ООО «ЛОГОС Плюс», 2005. – С. 45 – 48.
4. Антипова, Р. Н. Культурное наследие Философовых (от пушкинских времён до «Мира искусства») / Р. Н. Антипова // Земля Псковская древняя и современная. Материалы научно-практической конференции. – Псков: Псковская областная типография, 2009. – С. 124 – 134.
5. Артамонова, Л. М. Общество, власть и просвещение русской провинции XVIII – начала XIX вв. / Л. М. Артамонова. – Самара: Издательство Самарского научного центра РАН, 2001. – 395 с.
6. Архитектура русской усадьбы. Под общей редакцией Н. Ф. Гуляницкого. – М.: Наука, 1998. – 334 с.
7. Байбурова, Р. С. Старинная русская усадьба /Р. С. Байбурова // Наука и жизнь. – 1992. – № 10. – С. 70 – 79.
8. Бароны Вревские: материалы к истории рода и фамилии. – Псков: Псковский областной центр народного творчества, 2005. – 67 с.
9. Бартенев, И. А., Батажкова, В. Н. Русский интерьер XIX в. / И. А. Бартенев, В. Н. Батажкова. – Л.: Художник РСФСР, 1984. – 228 с.
10. Бахтина, И. К. Единство культурного и природного ландшафтов в подмосковных усадьбах конца XVIII – начала XIX вв./ И. К. Бахтина // Русская усадьба. – 2004. – Выпуск 10 (26). С. 32 – 44.
11. Беловинский, Л. В. История русской материальной культуры. Учебное пособие / Л. В. Беловинский. – М.: Издательство МГУК, 1995. – 112 с.
12. Беловинский, Л. В. Культура русской повседневности. Учебное пособие /Л. В. Беловинский. – М.: Высшая школа, 2008. – 767 с.
13. Беловинский, Л. В. Российский историко-бытовой словарь / Л. В. Беловинский. – М.: Студия «ТРИТЭ» – «Российский архив», 1999. – 528 с.

14. Березовая, Л. Г., Берлякова, Н. П. История русской культуры / Л. Г. Березовая, Н. П. Берлякова. – М.: Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, 2002. – 400 с.
15. Большой толковый словарь русского языка. Под ред. С. А. Кузнецова. – СПб.: «Норинт» Санкт – Петербург, 2000. – 1536 с.
16. Борсук, О. А., Грищенко, В. В. Рельеф в планировке русских усадеб /О. А. Борсук, В. В. Грищенко // Русская усадьба. – 2004. – Вып. 10 (26). – С. 44 – 51.
17. Будылин, И. Т. Деревенский Пушкин. Пушкинские места Псковского края / И. Т. Будылин. – М.: Профиздат, 2008. – 400 с.
18. Буковский, А. В. «…Летя в пыли на почтовых…». Путешествия в пушкинское время / А. В. Буковский // Михайловская пушкиниана. – 2001. – Вып. 19. – С. 92 – 141.
19. Булдакова, В. В. Неустанная служба обществу. Бежаницкая ветвь рода Философовых / В. В. Булдакова // Дворянские роды Псковской губернии. Псков, 2007. – С. 75.
20. Васильев, М. Е. Псковские знакомые А. С. Пушкина Бороздины / М. Е. Васильев // Псков. – 1995. – № 3. – С. 43 – 48.
21. Васильев, М. Е. Из опыта сохранения и благоустройства усадеб псковских знакомых А. С. Пушкина / М. Е. Васильев // Усадьба в русской культуре XIX – начала XX веков (материалы научной конференции). – М.: МЦНТИ, 1996. – С. 18 – 24.
22. Васильева, Л. В. Нартов Я. А. – предводитель Порховского уездного дворянства в 1812 – 1813 гг. / Л. В. Васильева // Материалы первых архивных чтений 27 – 28 ноября 2006 года. – Псков: АНО «Логос», 2007. – С. 164 – 170.
23. Вдовин, Г. Мужской кабинет / Г. Вдовин // Мир русской усадьбы. Каталог. М., 1995. – С. 12 – 22.
24. Вергунов, А. П. Горохов, В. А. Русские сады и парки / А. П. Вергунов, В. А. Горохов. – М.: Наука, 1988. – 418 с.

25.Вергунов, А. П., Горохов, В. А. Вертоград. Садово-парковое искусство России / А. П. Вергунов, В. А. Горохов. – М.: Культура, 1996. – 431 с.
26.В окрестностях Москвы: из истории русской усадебной культуры XVIII – XIX вв. – М.: Искусство, 1979. – 398 с.
27.Вецель, Н. К. Старые усадебные парки – памятники природы / Н. К. Венцель // Краеведение и охрана природы. Псков, 1993. – С.46 – 49.
28.Водарский, Я. Е. Дворянское землевладение в России в XVII – первой половине XIX в. / Я. Е. Водарский. – М.: Наука, 1988. – 303 с.
29.Володина, Т. И. Русский интерьер / Т. И. Володина. – М.: «Искусство», 2000. – 64 с.
30.Врангель, Н. Н. Помещичья Россия / Н. Н. Врангель // Старые годы. – 1910. – № 7 – 10.
31.Врангель, Н. Н. Старые усадьбы Очерки русского искусства и быта / Н. Н. Врангель. – СПб., 1910. – 181 с.
32.Врангель, Н. Н. Помещики России / Н. Н. Врангель // Памятники Отечества. Мир русской усадьбы. 1993. – Вып. 25. – С. 17 – 25.
33.Гарфинкель, Г. Исследования по этнометодологии / Г. Гарфинкель. – СПб.: Питер, 2007. – 335 с.
34.Георгиева, Т. С. Культура повседневности: частная жизнь и быт древних обществ / Т. С. Георгиева. – М.: Высшая школа, 2005. – 335 с.
35.Глаголева, О. Е. Русская провинциальная старина: очерки культуры и быта Тульской губернии XVIII – первой половины XIX вв. / О. Е. Глаголева. – Тула: ИРИ «Ритм», 1993. – 208 с.
36.Головина, Т. Н. Сады помещиков средней руки в 1820 – 1830-е годы / Т. Н. Головина // Русская усадьба. Сборник Общества изучения русской усадьбы. – М.: «Улей». – 2009. – Вып. 15 (31). С. 134 – 141.
37.Гораи Псковской губернии, Опочецкого уезда // Столица и усадьба. – 1914. – № 23, 1 декабря. – С. 11.
38.Гордин, А. М. Пушкин в Михайловском / А. М. Гордин. – Л.: Лениздат, 1989. – 446 с.

39. Греч, А. Н. Венок усадьбам / А. Н. Греч. – М.: АСТ–ПРЕСС КНИГА, 2006. – 336 с.
40. Греч, А. Н. Музыка в русской усадьбе / А. Н. Греч // Русская усадьба. – 1998. – Вып.4. – С. 171 – 177.
41. Густова, Л. И. «Священный сердцу кров» / Л. И. Густова // Михайловская пушкиниана. – 2004. – Вып. 32. С. 113 – 130.
42. Дворянская и купеческая сельская усадьба в России XVI – XX вв. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 782 с.
43. Дворянские роды Псковской губернии: материалы I областной научно-практической краеведческой конференции. – Псков: Логос, 2007. – 114 с.
44. Дворянские усадьбы Псковской губернии: материалы II областной научно-практической краеведческой конференции. – Псков: Логос, 2008. – 131 с.
45. Дворянская семья. Из истории дворянских фамилий России. Составитель В. П. Старк. – СПб.: «Искусство СПб – Набоковский фонд», 2000. – 238 с.
46. Дедюхина, В. С. Культура дворянской усадьбы / В. С. Дедюхина // Очерки истории русской культуры XVIII в. – М., 1990. –Ч. 4. – С. 16 – 24.
47. Дейч, Г. М. Крестьянство Псковской губернии в конце XVIII и первой половине XIX вв. / Г. М. Дейч. – Псков: издательство газеты «Псковская правда», 1957. – 88 с.
48. Дмитриева, Е. Е., Купцова О. Н. Жизнь усадебного мифа: утраченный и обретенный рай / Е. Е. Дмитриева, О. Н. Купцова. – М.: Объединенное гуманитарное издательство, 2003. – 528 с.
49. Дубровин, Н. Ф. Русская жизнь в начале XIX в. / Н. Ф. Дубровин. – СПб.: ДНК, 2007. – 646 с.
50. Дубяго, Т. Б. Русские регулярные сады и парки / Т. Б. Дубяго. – Л.: Госстройиздат, 1963. – 344 с.
51. Евангулова, О. С. Художественная «Вселенная» русской усадьбы / О. С. Евангулова. – М.: Прогресс–Традиция, 2003. – 304 с.
52. Евангулова, О. С. Город и усадьба второй половины XVIII в. в сознании современников / О. С. Евангулова // Русский город. – 1984. – Вып. 7. – С. 27

– 48.
53. Евсина, Н. А. Архитектурная теория в России второй половины XVIII – начала XIX в. / Н. А. Евсина. – М.: Наука, 1975. – 262 с.
54. Ершова, Л. В. Дворянская усадьба (из истории русской культуры): учебное пособие / Л. В. Ершова. – М.: Диалог – МГУ, 1998. – 117 с.
55. Ефимова, А. И. Владельцы имения Глубокое / А. И. Ефимова // Псков. – 2004. – № 21. – С.
56. Захарова, О. Ю. Гостеприимные хозяева / О. Ю. Захарова // Мир русской усадьбы. Очерки. – М.: Наука, 1995. С. 34 – 46.
57. Злочевский, Г. Д. Русская усадьба: историко-библиографический обзор литературы (1787 – 1992) / Г. Д. Злочевский. – М.: Институт наследия, 2003. – 463 с.
58. Злочевский, Г. Д. Русская усадьба на страницах дореволюционных изданий / Г. Д. Злочевский // Памятники Отечества. Мир русской усадьбы. – 1992. – № 25. – С. 77 – 87.
59. Злочевский, Г. Д. Не праздное чудачество / Г. Д. Злочевский // Библиография. – 1996. – №3. – С. 92 – 202.
60. Игнатович, И. И. Помещичьи крестьяне накануне освобождения / И. И. Игнатович. – Л.: Мысль, 1925. – 378 с.
61. Иванов, Е. П. Генерал Петр Петрович Коновницын / Е. П. Иванов. – Псков: 2002. – 224 с.
62. Иванова, Л. В. Общество изучения русской усадьбы / Л. В. Иванова // Отечество. Краеведческий альманах. – М., 1990. – С. 36 – 44.
63. Иванова, Л. В. Дворянская усадьба – исторический и культурный феномен / Л. В. Иванова // Дворянское собрание. – 1994. – № 1. – С. 149 – 165.
64. Иванова, Л. В. О воссоздании Общества изучения русской усадьбы и проблемах исследования усадьбы / Л. В. Иванова // Усадьба в русской культуре XIX – начала XX веков (материалы научной конференции). – М.: МЦНТИ, 1996. – С. 5 – 10.
65. Ильин, М. А. К вопросу о русских усадьбах XVIII в. / М. А. Ильин //

Русский город. – 1981. – Вып. 4. – С. 157 – 173.
66. Индова, Е. И. Крепостное хозяйство в начале XIX в. По материалам вотчинного архива Воронцовых / Е. И. Индова. – М.: АН СССР, 1955. – 199 с.
67. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории. Учебное пособие /Данилевский И. Н., Кабанов В. В., Медушевская О. М., Румянцева М. Ф. – М.: Российский гос. гуманит. ун-т, 1998. – 702 с.
68. Кадастр. Достопримечательные природные и историко-культурные памятники Псковской области. – Псков: ПГПИ, 1997. – 731 с.
69. Каждан, Т. П. Художественный мир русской усадьбы / Т. П. Каждан. – М.: Традиция, 1997. – 320 с.
70. Калита, С. П. Функциональные аспекты феномена русской усадьбы / С. П. Калита // Русская усадьба XVIII – начала XX вв: проблемы исследования, реставрации и музеефикации. Семиотика пространства. Тезисы докладов V научно – практической конференции. – Ярославль, 2000. – С. 5 – 6.
71. Киреева, Е. В. История костюма / Е. В. Киреева. – М.: «Просвещение», 1976. – 165 с.
72. Клементьева, Т. А. Дворяне Арбузовы на службе России / Т. А. Клементьева // Псков. – 2006. – № 25. – С. 156 – 158.
73. Ключевский, В. О. О русской истории / В. О. Ключевский. – М.: Просвещение, 1993. – 574 с.
74. Ключевский, В. О. Русская история / В. О. Ключевский. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2009. – 352 с.
75. Князьков, С. А. Быт дворянской Москвы конца XVIII и начала XIX вв. / С. А. Князьков // Москва в ее прошлом и настоящем. – 1910. – Т. 8. – С. 44 – 67.
76. Коваленко, Т. А. Менталитет дворянской культуры XVIII века / Т. А. Коваленко // Общественные науки и современность. – 1997. – № 5. – С. 108 – 117.
77. Ковальченко, И. Д. Русское крепостное хозяйство первой половины XIX в. / И. Д. Ковальченко. – М.: МГУ, 1967. – 399 с.

78. Ковальченко, И. Д. Крестьяне и крепостное хозяйство Рязанской и Тамбовской губернии в первой половине XIX в. / И. Д. Ковальченко. – М.: Издательство московского университета, 1959. – 213 с.
79. Ковальченко, И. Д. , Милов, Л. В. Всероссийский аграрный рынок XVII – нач. XX вв. Опыт количественного анализа / И. Д. Ковальченко, Л. В. Милов. – М.: Наука, 1974. – 418 с.
80. Ковальченко, И. Д. Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в. / И. Д. Ковальченко. – М.: Издательство Московского университета, 1967. – 400 с.
81. Ковальченко, И. Д. Источниковедение истории СССР / И. Д. Ковальченко. – М.: Высшая школа, 1981. – 496 с.
82. Козьякова, М. И. История. Культура. Повседневность / М. И. Козьякова. – М.: Весь мир, 2002. – 357 с.
83. Колесникова, З. Л. Сельцо Матюшкино и его владельцы / З. Л. Колесникова // Псков. – 2000. – № 12. – С. 120 – 124.
84. Колиберская, Л. В. Дворяне Вильчевские и Псковская губерния / Л. В. Колиберская // Псков. – 2006. – № 25. – С. 159 – 161.
85. Коробко, М. Ю. Москва усадебная / М. Ю. Коробко. – М.: АНО ИЦ «Москвоведение», 2005. – 336 с.
86. Короткова, М. В. Путешествие в историю русского быта / М. В. Короткова. – М.: Русское слово, 1998. – 256 с.
87. Короткова, М. В. Застольные и кулинарные традиции / М. В. Короткова. – М.: Дрофа – Плюс, 2005. – 288 с.
88. Короткова, М. В. Повседневная жизнь и досуг московского дворянства в XVIII – первой половине XIX вв. / М. В. Короткова. – М.: Академия повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования, 2007. – 312 с.
89. Короткова, М. В. Эволюция материальной и духовной культуры московского дворянства в контексте повседневности XVIII – первой половины XIX вв. / М. В. Короткова. – М.: Академия повышения квалификации и

профессиональной переподготовки работников образования, 2008. – 512 с.
90. Короткова, М. В. Семья, детство и образование в повседневной культуре московского дворянства в XVIII – первой половине XIX вв. / М. В. Короткова. – М.: Академия повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования, 2009. – 288 с.
91. Короткова, М. В. Традиции русского быта / М. В. Короткова. – М.: Дрофа – Плюс, 2008. – 320 с.
92. Короткова, М. В. К вопросу о соотношении понятий «быт», «повседневная культура» и «частная жизнь» в изучении истории / М. В. Короткова // Культура и быт России с древнейших времен до XX в. – М.: Дрофа, 2009. – С. 5–12.
93. Костомаров, Н. И. Домашняя жизнь и нравы великорусского народа / Н. И. Костомаров. – М.: Республика, 1992. – 301 с.
94. Корф, С. А. Дворянство и его сословное управление за столетие 1762 – 1855 гг. / С. А. Корф. – СПб.: Типография Тренке и Фюсно, 1906. – 728 с.
95. Коршунова, Т. Т. Костюм в России XVIII – начало XX века / Т. Т. Коршунова. – Л.: Художник РСФСР, 1979. – 295 с.
96. Круглый стол «Русская усадьба и ее судьбы» // Отечественная история. – 2002. – № 5. – С. 133 – 159.
97. Кузнецова, Ю. В. Псковская ветвь дворянского рода Тютчевых / Ю. В. Кузнецова // Псков. – 2006. – № 24. – С. 88 – 92.
98. Культура и быт России с древнейших времён до XX века: методическое пособие. – М.: Дрофа, 2009. – 253 с.
99. Лаврентьева, Е. В. Культура застолья XIX в. / Е. В. Лаврентьева. – М.:ТЕРРА – Книжный клуб, 1999. – 318 с.
100. Лаврентьева, Е. В. Повседневная жизнь дворянства пушкинской поры. Приметы и суеверия / Е. В. Лаврентьева. – М.: Молодая гвардия, 2006. – 516 с.
101. Лаврентьева, Е. В. Повседневная жизнь дворянства пушкинской поры: Этикет / Е. В. Лаврентьева. – М.: Молодая гвардия, 2005. – 663 с.

102. Левин, Н. Ф., Филиппова. М. А., Шумков, А. А. Лавриновские; дворяне Псковской губернии / Н. Ф. Левин, М. А. Филиппова, А. А. Шумков. – СПб.: ВИРД, 1998. – 84 с.

103. Лелеко, В. Д. Пространство повседневности в европейской культуре / В. Д. Лелеко. – СПб.: Санкт–Петербургский государственный университет культуры и искусств, 2002. – 320 с.

104. Ливанова Т. Н. Русская музыкальная культура XVIII века в её связях с литературой, театром и бытом. Исследования и материалы: в 2т. / Т. Н. Ливанова. – М.: Музгиз, 1952 – 1953.

105. Линков, Я. И. История социально–экономического развития России в музейной экспозиции. Вторая половина XVIII – первая половина XIX вв./ Я. И. Линков. – М., Госкультпросветиздат, 1957. – 97 с.

106. Лихачев, Д. С. Поэзия садов / Д. С. Лихачёв. – М.: Согласие, 1998. – 356 с.

107. Лобанова, Э. Ф. Альбомы обитателей Тригорского в контексте бытовой культуры XIX века / Э. Ф. Лобанова // Михайловская пушкиниана. – 2000. – Вып. 6. – С. 3 – 12.

108. Лобанова, Э. Ф. Культурные связи и семейные традиции баронов Вревских / Э. Ф. Лобанова // Усадьба в русской культуре XIX – начала XX веков (материалы научной конференции). – М.: МЦНТИ, 1996. – С. 42 – 56.

109. Логвинская, Э. Я. Интерьер в русской живописи первой половине X1X в. / Э. Я. Логвинская. – М.: Искусство, 1978. – 119 с.

110. Лотман, Ю. М. Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства.(XVIII – начало XIXвв.) / Ю. М. Лотман. – СПб.: Искусство – СПб, 1994. – 399 с.

111. Лукина, Н. В. Новый документ об имении Вревских Голубово / Н. В. Лукина // Усадьба в русской культуре XIX – начала XX веков (материалы научной конференции). – М.: МЦНТИ, 1996. – С. 11 – 17.

112. Лукомский, Г. К. Холомки: Псковской губ., Порховского уезда, имение князя А. Г. Гагарина / Г. К. Лукомский // Столица и усадьба. – 1915. – № 36 –

37, 1 июля. – С. 11 – 12.

113. Любецкий, С. М. Старина Москвы и русского народа в историческом отношении с бытовою жизнью русских / С. М. Любецкий. – М.: Государственная публичная историческая библиотека, 1872. – 590 с.

114. Любимый уголок А. С. Пушкина // Столица и усадьба. – 1916. – № 57, 1 мая. – С. 23.

115. Макеенко, Л. Н. Дворянская усадьба Кожиных в с. Бельское Устье / Л. Н. Макеенко // Краеведческие чтения Порхов – Холомки: материалы научной конференции 21 – 23 сентября 2001 г. Псков. – 2002. – С. 34 – 39.

116. Марасинова, Е. И. Психология элиты российского дворянства / Е. И. Марасинова. – М.: РОССПЭН, 1999. – 302 с.

117. Маркова, М. Т. Источники по истории псковской дворянской усадьбы / М. Т. Маркова // Псков в российской и европейской истории. – 2003. – Т. 2. – С. 29 – 33.

118. Маркова, М. Т. «Секретные дела» Псковского дворянского собрания / М. Т. Маркова // Земля Псковская, древняя и современная: Материалы научно-практической конференции 2002/ 2003 гг. – Псков. – 2004. – С. 90 – 94.

119. Маркова, М. Т. Псковская ветвь дворянского рода Дерюгиных / М. Т. Маркова // Псков. – 2007. № 27. – С. 158 – 162.

120. Маркова, М. Т. Из истории псковского дворянства / М. Т. Маркова. – Псков: ПГПУ, 2008. – 144 с.

121. Материалы по истории помещичьего и крестьянского хозяйства первой четверти XVIII века. – М.: Издательство АН СССР, 1951.

122. Масленникова, Н. Н. Волышово – уникальный усадебный ансамбль XVIII – XIX вв. / Н. Н. Масленникова // Русская усадьба: сборник Общества изучения русской усадьбы. – 2004. – Вып.10(26). – С. 234 – 256.

123. Мерцалова, М. Н. История костюма / М. Н. Мерцалова. – М.: Легпромбытиздат, 1972. – 196 с.

124. Милешина, Н. А. Повседневная жизнь российского дворянства во

второй половине XVIII – середине XIX столетий / Н. А. Милешина. – Саранск: Институт истории РАН, 2010. – 168 с.

125. Милов, Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса / Л. В. Милов. – М.: Российская политическая энциклопедия, 1998. – 576 с.

126. Миненко, Н. А., Апкаримова, С. Ю., Голикова, С. В. Повседневная жизнь уральского города в XVIII – начале XX века / Н. А. Миненко, С. Ю. Апкаримова, С. В. Голикова. – М.: Наука, 2006. – 384 с.

127. Миронов, Б. Н. Внутренний рынок России во второй половине XVIII – первой половине XIX вв. / Б. Н. Миронов. – Л.: Наука, 1981. – 259 с.

128. Миронов, Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): В 2 т. / Б. Н. Миронов. – СПб.: «Дмитрий Буланин». – 548 + 568 с.

129. Мир русской усадьбы. Очерки. Под редакцией Л. В. Ивановой. – М.: Наука, 1995. – 294 с.

130. Мир русской провинции и провинциальной культуры. – СПб.: «Дмитрий Буланин», 1997. – 141 с.

131. Мировосприятие и самосознание русского общества (XI-XX вв.) / Отв. ред. Л. Н. Пушкарев. – М.: Институт Российской истории РАН, 1994.

132. Михайлова, М. Б. Усадьба как ключевой элемент градостроительной композиции / М. Б. Михайлова // Русская усадьба: сборник Общества изучения русской усадьбы. – 1994. – №2. – С. 28 – 35.

133. Михайловское, имение Пушкиных // Столица и усадьба. – 1914. – № 6, 15 марта. – С. 3 – 4

134. Модзалевский, Б. Л. Поездка в Тригорское в 1902 г. / Б. Л. Модзалевский // Пушкин и его современники. Материалы и исследования. – 1903. – Вып. 1. – С. 2–52.

135. Мозжухина, Т. Парадная столовая / Т. Мозжухина // Мир русской усадьбы. Каталог. М., 1995. С. 85 – 115.

136. Муравьева, О. С. Как воспитывали русского дворянина / О. С.

Муравьева. – СПб.: Летний сад, 1998. – 224 с.
137. Нащокина, М. В. О русской усадьбе / М. В. Нащокина // Художник. – 1992. – № 4 – 5. – С. 1.
138. Неделин, В. М. Орловская усадьба Тагино / В. М. Неделин // Русская усадьба. – 2004. – Вып. 10 (26). – С. 216 – 228.
139. Некрасов, А. И. Архитектура русской дворянской усадьбы / А. И. Некрасов. – М.: Наука, 1949. – 315 с.
140. Низовский, А. Ю. Самые знаменитые усадьбы России / А. Ю. Низовский. – М.: Вече, 2001. – 415 с.
141. Никифоров, В. Г. Сельцо Александрово и его владельцы / В. Г. Никифоров // Псков. – 2000. – № 12. – С. 107 – 119.
142. Никифоров, В. Г. Сельцо Лысая Гора и его владельцы / В. Г. Никифоров // Псков. – 2006. – № 25. С. 127 – 135.
143. Никифоров, В. Г. К истории сельца Трумалёво / В. Г. Никифоров // Псков. – 2007. № 26. – С. 107 – 110.
144. Новикова, Н. Н. О роде Валуевых / Н. Н. Новикова // Псков. – 1999. – № 10. – С. 36 – 44.
145. Новикова, Н. Н. Имение Щиглицы Псковского уезда и его владельцы / Н. Н. Новикова // Псков. – 2004. – № 21. – С. 73 – 80.
146. Овсянников, Ю. М. Картины русского быта. Стили, нравы, этикет / Ю. М. Овсянников. – М.: АСТ – Пресс, 2000. – 351 с.
147. Ойнас, Д. Б. Усадебный комплекс как источник по истории семьи владельцев / Д. Б. Ойнас // Русская усадьба XVIII – начала XX века: проблемы исследования, реставрации и музеефикации. Семиотика пространства. Тезисы докладов V научно – практической конференции. – Ярославль, 2000. – С. 6 – 8.
148. Охлябинин, С. Д. Повседневная жизнь русской усадьбы XIX века/ С. Д. Охлябинин. – М: Молодая Гвардия, 2006. – 392 с.
149. Очерки русской культуры XIX в. Т. 1. – М.: Издательство Московского университета, 1998. – 384 с.

150. Пахоменкова, М. М. Дворянский род Львовых / М. М. Пахоменкова // Псков. – 2007. – № 27. – С. 95 – 106.

151. Пахоменкова, М. М. Вымысел и правда о дворянском роде Львовых Новоржевского уезда Псковской губернии / М. М. Пахоменкова // Материалы первых архивных чтений 27 – 28 ноября 2006 года. – Псков: АНО «Логос», 2007. – С. 177 – 186.

152. Петров, Д. П. О Вреве и Вревских / Д. П. Петров // Псков. – 1995. – №3. – С. 48 – 56.

153. Петровское, бывшее имение Ганнибала, деда А. С. Пушкина // Столица и усадьба. – 1914. – № 19 – 20, 10 октября. – С. 23 – 24.

154. Познанский, В. В. Очерки истории русской культуры первой половины XIX в / В. В. Познанский. – М.: Просвещение, 1970. – 278 с.

155. Поляков, Ю. А. Историческая наука: люди и проблемы / Ю. А. Поляков. – М.: РОССПЭН, 1999. – 453 с.

156. Поляков, Ю. А. Человек в повседневности: исторические аспекты / Ю. А. Поляков // Отечественная история. – 2003. № 3.

157. Полякова, М. А., Савинова, Е. Н. Русская провинциальная усадьба XVII – начало XX века / М. А. Полякова, Е. Н. Савинова. М., 2011. – 264 с.

158. Полунина, Н. М. Кто есть кто в коллекционировании старой России / Н. М. Полунина. – М.: «РИПОЛ КЛАССИК», 2003. – 560 с.

159. Пономарёва, В. В., Хорошилова Л. Б. Мир русской женщины: семья, профессия, домашний уклад. XVIII – начало XX вв. / В. В. Пономарёва, Л. Б. Хорошилова. – М.: Новый хронограф, 2009. – 352 с.

160. Попов, А. К. Дворянская усадьба: культура на сваях или на почве? / А. К. Попов // Михайловская пушкиниана. – 2002. – Вып.23. – С.93 – 120.

161. Прохоров, М. Ф. Дневник помещика / М. Ф. Прохоров // Советские архивы. – 1991. – № 5. С. 95 – 97.

162. Псковская земля. История в лицах. «Дворяне все родня друг другу…». – М.: Можайский полиграфический комбинат, 2006. – 320 с.

163. Псковские хроники: история Псковского края в документах и

исследованиях. – 2001. – Вып. 1. – 231 с.
164. Псковские хроники: история Псковского края в документах и исследованиях. – 2002. – Вып. 3. – 349 с.
165. Псковские хроники: история Псковского края в документах и исследованиях. – 2004. – Вып. 4. – 314 с.
166. Псковский край в литературе. Под ред. Н. Л. Вершининой. – Псков: ПГПИ, 2003. – 808 с.
167. Пушкарёва, Н. Л. Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X – начало XIX вв.) / Н. Л. Пушкарёва. – М.: Ладомир, 1997. – 381 с.
168. Пушкарёва, Н. Л. «История повседневности» и «история частной жизни»: содержание и соотношение понятий / Н. Л. Пушкарёва // Социальная история. Ежегодник. 2004. – М., 2005. С. 93 – 113.
169. Пушкарёва, Н. Л. Частная жизнь русской женщины XVIII века / Н. Л. Пушкарёва. – М.: Ломоносов, 2012. – 208 с.
170. Пыляев, М. И. Старое житьё. Очерки и рассказы о бывших в отошедшее время обрядах, обычаях и порядках в устройстве домашней и общественной жизни / М. И. Пыляев. – СПб.: Типография А. С. Суворина, 1892. – 319 с.
171. Разумовский, Ф. «Различный вид гульбищ, садов и рощ…» / Ф. Разумовский // Наука и жизнь. – 1992. – № 10. С. 34 – 38.
172. Рассказова, Л. В. «Благоустроенная жизнь и доброе хозяйство есть наилучшая служба» / Л. В. Рассказова // Русская усадьба. Сборник Общества изучения русской усадьбы. – М.: «Улей». – 2008. – Вып. 13 – 14 (29 – 30). С. 103 – 115.
173. Рассказова, Л. В. «Дворня, деревня и дом составляли одну семью» / Л. В. Рассказова // Русская усадьба. Сборник Общества изучения русской усадьбы. – М.: «Улей». – 2006. – Вып. 12 (28). С. 15 – 24.
174. Рассказова, Л. В. «Цветы, поля, деревня, праздность» / Л. В. Рассказова // Русская усадьба. Сборник Общества изучения русской

усадьбы. – М.: «Улей». – 2009. – Вып. 15 (31). С. 57 – 64.

175. Розов, А. Н. Проблема взаимоотношений сельского священника и помещика / А. Н. Розов // Русская усадьба на пороге XXI века. Хмелитский сборник. – 2001. – Вып. 3. – С. 88 – 112.

176. Розов, Н. Г. Ожерелье Псковской земли / Н. Г. Розов. – Сельцо Михайловское – Псков, 2008. – 376 с.

177. Романович – Славатинский, А. В. Дворянство в России от начала XVIII в. до отмены крепостного права / А. В. Романович – Славатинский. – СПб.: Типография министерства внутренних дел, 1870. – 594 с.

178. Рузвельт, П. Жизнь в русской усадьбе: опыт социальной и культурной истории / П. Рузвельт. – СПб.: Коло, 2008. – 520 с.

179. Русанова, Л. Ф. Из истории дворянской усадьбы Бороздиных – Ладино Новоржевского уезда Псковской губернии начала XX века / Л. Ф. Русанова // Материалы первых архивных чтений 27 –28 ноября 2006 года. – Псков, 2007. С. 123 – 134.

180. Русская усадьба XVIII – нач. XX вв.: Проблемы исследования, реставрации и музеефикации. Семиотика пространства: Тезисы докладов. – ГЛММЗ Н. А. Некрасова «Карабиха», 2000. – 52 с.

181. Русская усадьба на пороге XXI века. Хмелитский сборник. – 2001. – Вып. 3. – 320 с.

182. Румянцева, В. П. История имения Полибино / В. П. Румянцева // Невельский сборник. – 2005. – Вып. 10. – С. 161 – 171.

183. Сабуров, И. В. Хозяйственно–статистические программы для описания дворянских имений / И. В. Сабуров. – М.: Тип. Александра Семена, 1858. – 48 с.

184. Сборник Псковской губернской учёной архивной комиссии. – Псков: Типография губернского правления, 1917. – Вып. 1. – 270 с.

185. Сгибнева, О. И. Усадьба в культурном наследии России / О. И. Сгибнева // Михайловская пушкиниана. – 2002. – Вып. 23. – С. 31 – 37.

186. Село Тригорское // Столица и усадьба. – 1914. – № 6, 15 марта. – С. 5.

187. Сёмочкин, А. А. Усадьба в русской культуре XIX - начала XX веков / А. А. Сёмочкин // Усадьба в русской культуре XIX – начала XX веков (материалы научной конференции). – М.: МЦНТИ, 1996. – С. 27 – 30.

188. Симакина, Г. Ф. Усадьбы Псковской губернии пушкинского времени (из опыта коллективного изучения) / Г. Ф. Симакина // Усадьба в русской культуре XIX – начала XX веков (материалы научной конференции). – М.: МЦНТИ, 1996. – С. 25 – 26.

189. Соболев, Н. Н. Стили в мебели / Н. Н. Соболев. – М.: Издательство В. Шевчук, 2003. – 350 с.

190. Соколова, Е. В. К вопросу о порядке присвоения и подтверждения дворянского достоинства в псковском крае в конце XVIII – начале XIX вв. / Е. В. Соколова // Псков. – 2008. – № 28. – С. 21 – 27.

191. Соколова, Е. В. Выборы дворян в органы самоуправления и суда в Псковской губернии в 1789 г. / Е. В. Соколова // Земля Псковская, древняя и современная. Материалы научно-практической конференции, посвященной 50-летию Древлехранилища музея и 120-летию со дня рождения А. А. Пурышева. (24 – 25 ноября 2008 г.). – 2009 . – С. 108 – 116.

192. Соколова, Т. М. Орлова, К. А. Глазами современников. Русский жилой интерьер первой трети XIX века / Т. М. Соколова, К. А. Орлова. – Л.: Художник РСФСР, 1982. – 182 с.

193. Соловьёв, К. А. «Во вкусе умной старины». Усадебный быт российского дворянства. – СПб.: Нестор, 1998. – 96 с.

194. Соловьёв, С. М. История России с древнейших времён / С. М. Соловьёв. – СПб.: Товарищество «Общественная польза», 1851 – 1879. – Кн. 5. Т. XXI – XXV. – 782 с.

195. Соловьёв, С. М. История России с древнейших времён / С. М. Соловьёв. – СПб.: Товарищество «Общественная польза», 1851 – 1879. – Кн. 6. Т. XXVI – XXIX. – 595 с.

196. Солодянкина, О. Ю. Иностранные гувернантки в России второй половины XVIII – первой половины XIX вв. / О. Ю. Солодянкина. – М.:

Академия, 2007. – 512 с.

197. Скитский, Б. В. Очерки быта русской провинции во второй половине XVIII века / Б. В. Скитский // Известия городского педагогического института. – 1927. – Вып. I. – Т. IV. – С. 145 – 155.

198. Сивков, К. В. Очерки по истории крепостного хозяйства и крестьянского движения в России в первой половине XIX века. По материалам степных вотчин Юсуповых / К. В. Сивков. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1951. – 250 с.

199. Смилянская, Е. Б. Дворянское гнездо середины XVIII века / Е. Б. Смилянская. – М.: Наука, 1998. – 204 с.

200. Солдатова, А. В. Псковская ветвь дворянского рода Волковых / А. В. Солдатова // Псков. – 2006. – № 24. – С. 93 – 97.

201. Соловьёв, Б. И. Русское дворянство / Б. И. Соловьёв. – СПб., 2003. – 302 с.

202. Соловьёв, С. М. Об истории новой России / С. М. Соловьёв. – М.: Просвещение, 1993. – 559 с.

203. Старинные дворянские усадьбы Псковской области // Михайловская Пушкиниана. – 2005. – Вып. 38. – 180 с.

204. Столица и усадьба: хронологическая роспись содержания, 1913 – 1917 / Сост.: Ф. М. Лурье. – СПб.: Коло, 2008. – 160 с.

205. Тартаковский, А. Г. Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX вв. / А. Г. Тартаковский. – М.: Наука, 1991. – 288 с.

206. Телетова, Н. К. От Гораев до Стокгольма / Н. К. Телетова // Художественный вестник. – 2008. № 1. – С. 59 – 68.

207. Терещенко, А. В. Быт русского народа: В 2 т. / А. В. Терещенко. – М.: Институт русской цивилизации, 2014. – Т. 1. – 944 с.

208. Терещенко, А. В. Быт русского народа: В 2 т. / А. В. Терещенко. – М.: Институт русской цивилизации, 2014. – Т. 2. – 864 с.

209. Тихонов, Ю. А. Дворянская усадьба и крестьянский двор в России XVII – XVIII вв. / Ю. А. Тихонов. – М; СПб: Летний сад, 2005. – 448 с.

210. Тихонов, Ю. А. Мир вещей в московских и петербургских домах сановного дворянства: (По новым источникам первой половины XVIII в.) / Ю. А. Тихонов. – М.: Кучково поле, 2008. – 352 с.
211. Тыдман, Л. В. Изба, дом, дворец. Жилой интерьер России с 1700 по 1840 – е годы. – М.: Прогресс – Традиция, 2000. – 334 с.
212. Тыркова, А. В. Анна Павловна Философова и её время. Т. 1. – Петроград: товарищество Р. Голике и Е.А. Вильберг, 1915. – 488 с.
213. Усадьба в прошлом и настоящем. Глубокое, Псковской губернии, Опочецкого уезда // Столица и усадьба. – 1915. – № 45, 1 ноября. – С. 17 – 18.
214. Усадьбы старые таинственной Руси. Старинные усадьбы Бежаницкого района. – Великие Луки: Великолукская городская типография, 2004. – 43 с.
215. Философов, Д. В. Старое и новое. Сборник статей по вопросам искусства и литературы / Д. В. Философов. – М.: Типография т-ва И. Д. Сытина, 1912. – 308 с.
216. Фролов, А. И. Русская усадьба на пороге XXI века / А. И. Фролов // Русская культура вне границ: информационно-аналитический сборник. – 1996. – Вып. 6. С. 45 – 78.
217. Человек в мире чувств: очерки по истории частной жизни в Европе и некоторых странах Азии до начала Нового времени. – М.: РГГУ, 2000. – 581 с.
218. Чериковер, Л. З. Бытовая мебель русского классицизма конца XVIII – начала XIX вв. / Л. З. Чериковер. – М.: Гос. изд. лит. по строительству и архитектуре, 1954. – 19 с.
219. Шпак, Л. Л. Социология повседневной жизни. Учебное пособие / Л. Л. Шпак. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2001. – 377 с.
220. Шумков, А. А. Новицкие. Дворяне Псковской губернии / А. А. Шумков. – СПб, 1999. – 32 с.
221. Шютц, А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / А. Шютц. – М.: Институт Фонда

«Общественное мнение», 2003. – 336 с.

222. Щепкина, Е. Н. Из истории женской личности в России / Е. Н. Щепкина. – СПб.: Типография Б. М. Вольфа, 1914. – 307 с.

223. Яблочков, М. Т. История дворянского сословия в России / М. Т. Яблочков. – СПб.: Типография А. М. Котомина, у Обуховского моста, 1876. – 720 с.

224. Яблочков, М. Т. История дворянского сословия в России / М. Т. Яблочков. – М., Смоленск, «Русич», 2003. – 571 с.

225. Яковлева, Т. И. Дворянский род Офросимовых / Т. И. Яковлева // Псков. – 2008. – № 28. – С. 132 – 135.

226. Яцевич, А. Г. Крепостной Петербург Пушкинского времени / А. Г. Яцевич. – Л.: Пушкинское общество, 1937. – 234 с.

Авторефераты диссертаций

1. Белова, А. В. Повседневная жизнь провинциальной дворянки Центральной России: XVIII – середина XIX в.: автореферат дис. …доктора исторических наук: 07.00.02 / Белова Анна Валерьевна. – М., 2009. – 57 с.
2. Мартианова, И. Ю. Повседневная жизнь детей российских дворян по мемуарам современников XVIII – начала XX в. : автореферат дис. ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Мартианова Ирина Юрьевна. – Краснодар, 2010. – 63 с.
3. Милешина, Н. А. Повседневность провинциального дворянства второй половины XVIII – середины XIX вв. : на материалах центрально-европейских и средневолжских губерний России : автореферат дис. ... доктора исторических наук : 07.00.02 / Милешина Наталья Александровна. – Казань, 2012. – 51 с.

Современная периодическая печать

1. Васильева, Л. В. Ададуровы – дновские помещики / Л. В. Васильева // Стерх. – 2002. – 27 сентября. С. 6.

2. Имения Львовых // Земля Новоржевская. – 2006. – 28 ноября.

3. Новикова, Н. Н. Об усадьбе Валуевых – Неклюдовых / Н. Н. Новикова // Островские вести. – 2003. – 21 октября, 23 октября, 28 октября.

4. Пахоменкова, М. М. Странный Александр Львов / М. М. Пахоменкова // Псковская правда. – 2006. – 22 февраля. С. 8.

5. Степанова, Т. Н. Невидимая связь времен / Т. Н. Степанова // «Плюсский край». – 1999. – 9 октября. – С. 2.

6. Степанова, Т. Н. «Наши места особенные» / Т. Н. Степанова // «Плюсский край». – 2002. – 4 декабря. – С. 2.

7. Цветков, Н. Кто они Неклюдовы? / Н. Цветков // Заря. – 2003. – 16 мая. – С. 2.

Приложения

Приложение 1

Опись разным бумагам, находящимся при конторе села Волышова, 1846 г.

Связка 1-я

1. Приказ управляющему Степану Полякову о вычитании из оброка 15 копеек ассигнациями с рубля 1844 года
2. Приказ о рассматривание збора с крестьян оброка платежа и недоимок за 1845 год
3. Приказ о взимании половину оброка за 1845 год
4. Приказ о зборе ярового хлеба для семян 1845 года
5. Проэкт села волышова Управляющему Степану Тимофееву Полякову
6. Проэкт такой же на деревню Дедовичи
7. Проэкт на три деревни: Хмелевцы, Дедовичи и Бельска
8. Росписи оброчные Раменья и Кикова
9. Опись землям деревень: Замостья, Осья, Погоста Белой и Воробьева
10. Приказ к проэктам деревень Раменья и Кикову
11. Расчеты двум деревням: Раменью и Кикову
12. Опись пахатным землям
13. Выписка о расщете оброка
14. Опись планам и землям учиненным землемером Балясниковым от 1837 по 1840 годы
15. Опись землям Пестову, Укрети, Хмелищ и Кузнецову
16. Разряды земель Кузнецова, Пестова, Укреты и Хмелищ к №13 опись землям

Связка 2-я

17. Расчёты 3-м деревням Хмелевиц, Дедович и Бельска о взимании оброка по разрядам с земель 1843 года
18. Оброчная раскладка оброку по Волышовской вотчине 1843 года
19. Оброчный сбор Гостбицкой вотчины 1845 года
20. Перепись тяглам Гостбицкой вотчины 1844 и 1845 годов
21. Оброчные раскладки разных годов черновые с. Волышово
22. Замоской вотчины раскладки черновые разных годов
23. Гостбицкой вотчины раскладки черновые разных годов
24. Оброчный оклад за 1845 год
25. Ведомости оброчных зборов всех вотчин за 1846 год
26. Назначение оброка 1839 года
27. Ведомости оброчных сборов всех вотчин 1845 года

Связка 3-я

28. Ведомости о посеве и урожае хлеба, подаваемым предводителю дворянства Порховского уезда
29. Ведомости магазейного мирского хлеба раздаваемого по вотчинам разных годов, т.е. с 1839 и по 1847 годы
30. Расчет Конашевского покупной ржи в 3-х местах
31. Ведомость Гостбицому хлебу разданному крестьянам по вотчинам 1845 года
32. Ведомость Господскому хлебу разданному крестьянам 1846 года

Связка 4-я

33. Документы присутственных мест 1846 года

Связка 5-я

34. Раздельные акты и копии №17 разных годов

Связка 6-я

35. По черезполосности Погоста Белой с прочими помещиками 1844 года

Связка 7-я

36. Разные документы о землях и письма

Связка 8-я

37. Ведомости о землях и разные о том бумаги касающиеся до размежевания; и ведомость имеющимся планам

Связка 9-я

38. Купчие крепости до 8 ревизии, коих числом 9 и купчие крепости по 8 ревизии

Связка 10-я

39. Квитанции рекрутских разных годов с 1835 по 1847 годы 17 т.

Связка 11-я.

40. Подставных лошадей с 1839 по 1847 год

Связка 12-я

41. Ревизские сказки на все вотчины

Связка 13-я

42. Подворные описи вотчины. Волышовской, Гостбицкой, Токаревской, Часовенской, Тишинки, села Лисья с деревнями и Замоской

Связка 14-я.

43. Разные документы по с. Токареву разных годов

Связка 15

44. Книги отчётных ведомостей 14-ть с 1833 по 1847 год о денежной сумме и о хлебе

Связка 16-я

45. Отъездные документы
46. Наклады по вотчине 1844, 1845 и 1846 года
47. Ведомости лошадям и записки Конашевскому
48. Запись получаемых вещей из разных мест и отправляемых. Разных годов
49. Описи буфетных вещей и купленной разной посуды
50. Ведомости разных домовых провизий
51. Ведомость о сельских запасных магазенах давних годов
52. Ведомость о выдаче дворовым людям жалованья и харчевых денег разных годов
53. Тетрадь для записывания платья людям находящимся в Волышове зделана 1846 года
54. Ведомость о положении и выдаче жалования и харчевых
55. Ведомость умолоту озимого и ярового хлеба с 1833 по 1847 годы
56. Ведомость хлебные о посеве и урожае разных годов
57. Перепись умершим крестьянам 2 тетради
58. Опись дому господскому с. Волышова 1830 года
59. Копия раздельного акта по имению Господ князя Иллариона Васильевича и Дмитрия Васильевича
60. Книга приходу и расходу денег 1846 года
61. Книга о получении денежного оброка с вотчин

62. Книга для записывания в расход из амбара разного хлеба 1845 года
63. Книга прихода в сему урожаю 1846 г и остатку от 1845 года.

64. Книга расхода в сему урожаю хлебу 1846 года и остатку от 1845 г.

65. Книга поступившему в продажу из волышовской экономии разного хлеба 1839 года.

66. Книга для вписывания забранного хлеба по всем вотчина от 1833 и в ней форма

67. Квитанции земских чиновников 9

68. Копия от Архиепископа Нафаила Псковского о переведении крестьян Максакова Бору и Вельяка от Карачуницкой в Тишинскую церкви для удобнейшего христианского обряда

69. Рекрутская квитанция зачтена в свое время по Токареву 1839 рекрута.

70. Подушных квитанций по токареву 10

71. Квитанций подушных разных годов, по всем вотчинам

72. Книга Гостбицкой вотчины для вписывания поступившего в продажу разного леса Гостбицких дач 1840

73. Замоской вотчины для вписывания собираемой с вотчины оброчной суммы 1840 года.

74. Книга Гостбицкой вотчины для вписывания оброчной суммы собираемой по деревням каждое семейство особо по состоящим тяглам с 1840 года

75. Книга приходу и расходу Волышовской вотчины мирских денег 1828 год

76. Книг попечительских о магазином хлебе 3

77. Предписание Его Высокопревосходительства управляющему: о выдаче отставным солдатам пайков хлебных и шинелей.

РГАДА. Ф. 1260. Оп. 2. Д. 122. Л. 40 – 43 об.

Приложение 2

Опись екипажам, повозкам и разной збруи в селе Волышово

1846 года

Название	**Количество**
1.Дрожки четырех-местные крытые, внутри обиты тёмно-зелёным сукном к ним подущек тёмно-зелёного сукна Фонарей со стёклами	1 2 2
2. Линнея полевая четырёх-местная обтянута зеленым сукном с двумя подушкми	1
3. Колязка двухместная темнозеленого цвету, внутри обтянута светлозеленым сукном	1
К ней подушек светлозеленого сукна	3
Внутри под сиденьем ящик	1
Путреных ключей к ящикам	2
Фонарей со стеклами	2
4. карикель Петербургской внутри обит синим сукном	1
К нему подушек синего сукна	2
Сиделок белого на бору	2
Коромысел желтый	1

5. Коляска заграничная желтая обита сукном внутри горохового цвету	1
К ней подушек горохового сукна	2
Фонарей со стеклами	2
Ящиков обтянутых черной кожей	3
Чемодан белой кожи	1
Внутри под сиденьем деревянный ящик	1
Ключей к ящикам	4
Осьной ключ	1
6. Коляска полевая тёмно-зеленого цвету внутри обита светлозеленым сукном	1
К ней подушка серого сукна	1
Под сиденьем ящик деревяной	1
Ключей к ящикам железных	2
7. Колясочка желтая двуместная внутри обтянута белой кожей	1
К ней подушка белой кожи	1
8. Колясочка с оглоблями желтая внутри обита белой кожей	1
К ней подушка белой кожи	1
9. Бричка Петребургская внутри обита парусиной, и к ней ключ омьной	1
10. Бричка четырехместная за местом внутри обита темнозеленым сукном	1
К ней подушек	2
11. Дрожки четырехместные троечные не крытые	1
К ним подушка светлозеленого сукна	1

12. Дрожки троечные с подушкой темносерого сукна	1
13. Доржки парные подушка темно-зеленого сукна	1
Подушек старых линейных	2
14. повозка токаревская желтая с верхом внутри обита синим сукном зимняя	1
К ней подушка синего сукна	1
15. Линнея с верхом старая	1
16. Дрожки четырехместные старые внутри обиты белой кожей	1
17. Бричка старая крытая	1
18. Возок Посникова зимний	1
К нему подушка простого серого сукна	1
19. Телег ломовых с оковками колес	7
20. Телега троечная белая	1
21. Тележек двуколых зеленых	2
22. Фура крытая зеленая	1
23. Полуфурок кухенной одноколый	1
24. Бричка управительская желтая внутри обита темно-серого сукна	1
К ней подушка	1
25. Телега управительская зеленая	1
26. Одноколок рабочих	4

РГАДА. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 122. Л. 37 об.

Приложение 3

Хозяйственная книга с. Щиглицы, имения Пальчиковых

Щот белья Владимира П: 1825 года, 1 марта

Рубашек – 12, 1825 года

6, 1823 года

Прастынь – 6

Навлачек – 6 перемен

Полотенец – 12

Чулок нижних – 12 да матуш: 2

Бумажних – 7

Шолковых – 4

Платков шейных белых – 8

Пестрых – 2

Носовых домашних – 12

Полотняных – 6

Батистовых – 2

Одеял домашних белых – 2

Никеевое – 1

Теплое – 1

Манишков – 6

Полотняных моих рубашек – 6

От Николая Андреевича тонких – 2

От Николая Андреевича – 6

Щот белья Владимира Петровича 1829 год, 1 октября

Рубашек простых – 6

Наволочек – 3

Полотенец – 12

Чулков – 12

Чулков бумажных – 3

Платков шейных косынок – 9

Манишек – 11

Носовых платков – 11

Одеял домашних -3

Скатерть в 3 аршина – 1

К ней салфеток – 12

Ещё потолще скатертей – 4

Чайных белых – 3

Полотенец – 2

Для тарелок полотенец – 3

Для кастрюлек – 3

Батистовых носовых – 2

ПГОИАХМЗ. Древлехранилище. Ф. 548. Д. 29580. Л. 18 – 28.

Приложение 4

Регистр

Сколько издержано ***1818 года в февралю*** месяце на покупку для свадебных надобностей и прочаго наличных денег начало значит ниже сего.

А именно	рублей	копеек
Кофию 2 фунта	3	-
Сахару 3 фунта	4	50
Вина хлебного ½ ведра	5	-
Водки французской 1 ½ штофа	3	75
Свеч сальных 4 фунта	2	-
Муки пшеничной 2 пуда	16	-
Масла коровьего 20 фунтов	9	-
Сукна 1 ¾ ед. и на желет заплочено	50	-
Платок 1 –н шалевой	10	-
Замер …на платье	22	75
Игол булавок 2 маленькие гребенки и… 1 ножницы	11	-
1 бумашка игол заплочено	1	25
4 матка ниток	1	-

1 фунт изюму	-	60
Лайковые перчатки	5	50
За табакерку (?)	2	-
Ниток 2 матка	2	50
2 пары носков мужских	3	-
Фоплурсовым за гирлянды дано	10	-
Белые башмаки	3	50
Курительных свеч	2	-
За шитьё платья	2	50
За молотье муки на мельницу	2	40
	173	***25***
На сухари	-	50
В лавку Луки Воскобойникову за разный забор виноградных вин, сахару, кофию, варенья и прочего заплочено	195	-
Хмелю 1 ½ фунта	-	90
Говядины 1 пуд	6	-
2 пары дичины	4	-
1 пара индеев	3	20
2 игры карт	2	80
Свеч сальных 20 фунтов	10	-
Вина хлебного 1 ½ ведра	15	-
Шелку 3 заложено	1	40
Лент темно-зеленых 2 ед.	1	40
1 штучка белых шнурков щелиновых	3	-

Еврею за переделку серег	25	-
Красных лент 2 ед.	1	-
Одна бутылка белого вина для кушенья	2	50
Калачей	-	50
Миндалю сладкого 2 фунта	5	-
2 янобки (?) клею	-	20
1 полуштоф французской водки	1	25
Музыкантам через Блинова дано	2	-
Сметаны и хрену	1	40
Сухарей	-	50
Свежих яблок 50 заплочено	4	-
Сахару для кушанья и пирожаного 4 фунта	5	20
За цветы на голову	12	50
Окуней 10 фунтов	1	50
Транспорт	***478***	***70***
За стрелы к подвижной завеси	5	-
1 пара сельдей	-	30
Икры ½ фунта	-	40
1 угорь	1	10
Итого:	**485**	**50**

Прапорщица Пелагея Засуличева а вместе за незнанием грамоты по самоличному прошению губернский секретарь Петр Шурчанин (?) руку приложил.

ГАПО. Ф. 52. Оп.1. Д. 1. Л. 533.